

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2020, №3

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2020, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Селимов М.Г. Идеал женщины в творчестве Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965). Переосмысление взглядов на национальную культуру	6
Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание.....	21
Шипилова М.А. Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики?	44
Войтишек Е.Э., Речкалова А.А. Агаровое дерево как феномен ароматической культуры Японии: классификации и функции.....	65
Гараева Э.И. Феномен <i>модан гару</i> в истории Японии 1920–1930-х годов в эпоху модернизма и культуры потребления	90
Перминова В.А. Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.).....	107
Садокова А.Р. Фольклорная символика японской животной игрушки	123

Книжная полка

Филиппов А.В., Османов Е.М. Начало XXI века: вызов обществу или Япония в новом мире. Рецензия на монографию «Япония в эпоху великих трансформаций» под ред. проф. Стрельцова Д.В.....	137
--	-----

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2020, No. 3

CONTENTS

Selimov M.G. The ideal woman in Tanizaki Jun'ichirō's (1886–1965) works. Rethinking views on national Japanese culture	6
Datsyshen V.G. Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific knowledge.....	21
Shipilova M.A. Abe Cabinet migration reforms: minor additions or structural element of Abenomics?.....	44
Voytishek E.E., Rechkalova A.A. Agarwood as a phenomenon of the incense culture of Japan: classifications and functions	65
Garaeva E.I. <i>Modan gāru</i> phenomenon in the history of Japan in the 1920s and 1930s in the age of Modernism and consumer culture	90
Perminova V.A. Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016)	107
Sadokova A.R. Folk symbolism of Japanese zoomorphic toys	123

Book Review

Philippov A.V., Osmanov E.M. The beginning of the 21st century: a challenge to society, or Japan in the new world. Review of the monograph “Japan in the Era of Great Transformations” ed. by Prof. Streltsov D.V.	137
--	-----

Японские исследования. 2020. № 3. С. 6–20.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 6–20.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10017

Идеал женщины в творчестве Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). Переосмысление взглядов на национальную культуру

М.Г. Селимов

Аннотация. Данная статья посвящена взглядам писателя Танидзаки Дзюньитиро на японскую эстетику через образы идеальных женщин в знаковом для литератора произведении «О вкусах не спорят» (蓼食ふ蟲, *Тадэ ку: муси*, 1929). Роман выходил сериями на протяжении двенадцати месяцев в газетах «Токё: нитинити симбун» (東京日日新聞) и «Оосака майнити симбун» (大阪毎日新聞) с 1928 по 1929 г. Это произведение является рубежным, ибо маркирует переход от раннего творчества писателя, когда он восхищался западной культурой, идеалом для которого была «новая японка», следовавшая веяниям западной моды, к позднему, когда национальная самоидентификация писателя вышла на передний план. Осознав, что тот родной уникальный мир, в котором он прожил всю жизнь, может исчезнуть, Танидзаки Дзюньитиро влился в дискурс того времени со своими представлениями о прекрасном. Он использовал литературу как инструмент для их распространения, формирования национальных идей. Однако вопрос национального для писателя был сугубо эстетическим. В романе «О вкусах не спорят» нашла отражение как личная драма писателя – сложные отношения с первой женой Тиёко, так и первая попытка продемонстрировать потерю интереса к западной эстетике через потерю главным героем интереса к собственной жене – приверженке западных взглядов на жизнь. В 1931 г. в своём эссе «Любовь и сладострастие» (恋愛及び色情, *Рэнъай оёби сикидзё*), в котором писатель призвал японцев пересмотреть свои взгляды на традиционное мирозерцание, он недвусмысленно заявил, что описывал в романе «О вкусах не спорят» собственные представления, свой новый женский идеал – «женщину-куклу», прообразом которой является идеальная красавица прошлого. Роман вписывается в общую тенденцию конца 20-х годов XX века, когда во всей японской культуре наблюдался «возврат к истокам». Это также объясняется усталостью от комплекса неполноценности, который Япония испытывала по отношению к Западу в течение длительного времени.

Ключевые слова: Танидзаки Дзюньитиро, роман «О вкусах не спорят», японская национальная культура, образ идеальной японки, женская красота в Японии.

Автор: Селимов Мазай Гаджимагомедович, аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (адрес: 121069, Москва, ул. Поварская, 25а). ORCID: 0000-0001-6937-0948; E-mail: mazay_sv@yahoo.com

The ideal woman in Tanizaki Jun'ichirō's (1886–1965) works. Rethinking views on national Japanese culture

M.G. Selimov

Abstract. This paper focuses on Tanizaki Jun'ichirō's views on Japanese aesthetics through the images of ideal women in the writer's landmark work *Each to His Own* (蓼食う虫, 1929). This novel was being serialized during twelve months in the newspapers *Tōkyō Nichinichi Shimbun* and *Ōsaka Mainichi Shimbun* from 1928 to 1929. The novel is a milestone, for it marks Tanizaki's transition from the “early creative work”, when he admired Western culture and his ideal woman was a “modern girl”, a follower of Western culture, to the “late creative work”, when Tanizaki Jun'ichirō's national identity came to the fore. Having realized that the unique home world in which he had lived his whole life might disappear, Tanizaki Jun'ichirō joined the discourse of that time with his ideas of beauty. He used his literature as a tool to disseminate his ideas and to shape national concepts. However, the national question was just purely aesthetic for the writer. The novel reflects both the writer's personal drama – a rather complicated relationship with his first wife Chiyoko – and his first attempt to demonstrate the loss of interest in Western aesthetics through the protagonist's loss of sexual attraction to his West-oriented wife. In his essay “Love and Sensuality” (恋愛及び色情, *Ren'ai oyobi shikijō*) written in 1931, in which Tanizaki Jun'ichirō invited the Japanese to rethink their views on the traditional conception of life, he clearly stated that, in *Each to His Own*, he described his own philosophical ideas and his new feminine ideal of a “doll-like” woman of the past. The novel fits into the general trend of the late 1920s, when the whole Japanese culture had a tendency of a ‘return to Japan’. This is also due to the fatigue caused by the inferiority complex towards the West from which Japan had been suffering for a long time.

Keywords: Tanizaki Jun'ichirō, *Each to His Own*, Japanese traditional culture, image of an ideal Japanese woman, female beauty in Japan.

Author: Selimov Mazay G., graduate student of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (address: 25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6937-0948; E-mail: mazay_sv@yahoo.com

В Японии конца XIX века встал ряд вопросов, затрагивающих в том числе и телесный облик обитателей островного государства. Первоначальное желание японцев преобразиться, стать европейцами впоследствии из-за дискриминации и ксенофобии со стороны западного мира, сменилось на националистическую риторику: вернуться к корням, сохранить традиционные представления о прекрасном.

Изучение национального и привнесённого в японскую литературу конца XIX и начала XX века – крайне значимый вопрос, ибо в обществе постоянно происходят процессы переосмысления эстетических ориентиров прошлого с оценкой настоящих и формированием будущих. В японской литературе начала XX века столкновение с Западом привело к появлению неоднозначных и противоречивых взглядов не только на прошлое Японии, но и на актуальное настоящее. Словесность, газеты, гляцевые журналы, кино стали диктовать и формировать новые каноны женской красоты. Писатель Танидзаки Дзюньитиро волился в этот дискурс со своими представлениями о женском идеале.

Писателю, который в начале своей творческого пути испытал сильное влияние западной культуры, удалось избежать вторичности. Он не просто заимствовал типы «западных роковых женщин», а впервые в новой японской литературе стал синтезировать их с японскими представлениями для создания уникальных для новой Японии архетипов. Поиски женского идеала привели Танидзаки Дзюнъитиро во второй половине его творческого пути к образу традиционной японской красавицы, чьей неповторимости он посвятил многие сочинения. Роман «О вкусах не спорят» (蓼食ふ蟲, *Tadэ ку: муси*, 1929)¹ стал первым произведением автора, где впервые прозвучала национальная риторика, разделившая его писательскую карьеру на «до» и «после». Актуальность изучения взглядов Танидзаки Дзюнъитиро на женские образы в японской культуре определяется тем, что в работах писателя представлена проблематика, которая волновала японское общество. Образы идеальных женщин в творчестве автора отражают сложные идейные искания времени, в которое ему пришлось жить.

Рост национального самосознания писателя Танидзаки Дзюнъитиро

В 1868 г. в Японию, более чем на 250 лет до этого полностью закрытую от всего остального мира, проникает западная культура, которая изменяет привычный порядок и устои, сказываясь на всех сферах жизни обитателей островного государства. Япония начала стремительно менять курс и вестернизироваться. Просветители «нового поколения» требовали радикальных перемен, звучали призывы отказаться от китайских иероглифов и перейти на латиницу. Страна оказалась на пороге утраты собственной культурной идентичности. В этой обстановке новое правительство решило направить все свои усилия, в первую очередь, на формирование японской нации.

Известный отечественный японовед А.Н. Мещеряков пишет: «Одним из главных последствий правления эпохи Мэйдзи стало появление на свет японской нации. Без этого Япония не смогла бы конкурировать с Западом. Японская нация была сконструирована всего за несколько десятилетий под непосредственным европейским влиянием» [Мещеряков, 2012, с. 6]. Осознание себя единой нацией, резкий рост социальных и интеллектуальных факторов, а также знакомство с западными образцами современной мысли привели к тому, что в умах многих политических деятелей, деятелей культуры и исторической науки стало зарождаться национальное самосознание.

Значительного развития оно достигло в конце 20-х годов XX века, когда во всей японской культуре наблюдалась тенденция «возврата к истокам» собственной культуры. Писатель Танидзаки Дзюнъитиро, который до 1926 г. восхищался Западом, для которого «новая японка» с западными взглядами была идеалом, ощутил такую потребность к концу 1920-х годов, когда осознал возможность исчезновения былого, привычного уклада жизни.

Значимым событием для писателя явилась утрата прежнего Токио – родного города Танидзаки – после Великого землетрясения Канто (関東大震災, 1 сентября 1923 г.). В своём

¹ «О вкусах не спорят» (яп. 蓼食ふ蟲, англ. *Some prefer nettles*, 1929) – роман Танидзаки Дзюнъитиро, который публиковался с 1928 по 1929 г. в газете. Дословно роман переводится «Жуки, которые едят перечную траву», русский эквивалент «蓼食う虫も好き好き» – «О вкусах не спорят», англ. «Each to his own». Американский переводчик Эдуард Сейденстикер придумал собственное оригинальное название «*Some Prefer Nettles*» («Некоторые предпочитают крапиву»).

эссе «Вспоминая Токио» (東京をおも う, *To:kjō:-o omo*, 1934) писатель признаётся: «Теперь, когда Токио выглядит как западный город, мне всё больше и больше не нравится Запад. Вместо того, чтобы с надеждой смотреть на Токио будущего, я с тоской вспоминаю о Токио, в котором прошло моё детство» [Санина, 2015, с. 391].

Это событие запустило механизм роста национального самосознания писателя посредством обращения его к прошлому, воспоминаниям о детстве. Американский философ и один из самых влиятельных теоретиков национализма Ганс Кон (1891–1971) пишет: «В человеке существует естественное стремление — под «естественным стремлением» мы подразумеваем тенденцию, порожденную социальными условиями в доисторические времена и кажущуюся нам естественной — любить то место, где он был рождён или провёл детские годы; любить его окрестности, климат, очертания холмов и долин, рек и лесов. Мы все подвластны этой безграничной силе привычки, и, даже если нас притягивает неизвестное и влекут перемены, мы находим покой в умиротворяющем мире привычного. Легко себе представить, что человек отдаёт предпочтение именно своему языку как тому единственному, который он полностью понимает и который ассоциируется у него с «домом». Он предпочитает родные обычаи и родную пищу чужим, кажущимся ему непонятными и неудобоваримыми» [Кон, 1965, 29].

Танидзаки Дзюнъитиро начал использовать художественную литературу в качестве инструмента для формирования и распространения национальных эстетических идей. В 1931–1935 гг. он выпустил серию эссе («Любовь и сладострастие», «Похвала тени», «Вспоминая Токио» и др.), в которых воспевал традиционное, противопоставлял его западному, в частности, это касалось канонов женской красоты.

Однако одной из первых работ писателя, в которой он завуалированно рассказал о своих новых предпочтениях и запустил процесс поиска нового женского идеала, стал роман «О вкусах не спорят». Произведение во многом является автобиографичным: в нём повествуется история несчастного в браке токийца с довольно поверхностными западными вкусами, который против своей воли вдруг обнаруживает, что его перестала интересовать собственная жена. Герой испытывает мучительную неуверенность по этому поводу и старается определиться. В процессе развития сюжета романа главный герой понимает, что тяготеет к национальной культуре и традиционным «безликим женщинам». В этом произведении нашла отражение личная драма писателя – сложные отношения с первой женой – экс-гейшей Исигава Тиёко (石川千代子), на которой писатель женился в 1915 г. Вскоре Танидзаки заявил, что их брак был ошибкой [Кин, 2003, с. 8].

В 1917 г. Танидзаки увлёкся младшей сестрой своей жены по имени Сэйко (せい子), также известной под сценическим псевдонимом Хаяма Митико (葉山三千子, 1902–1996). Она была полной противоположностью Тиёко: обладала нетипичной для японок внешностью и поведением, была весёлой, открытой и жизнерадостной. Проводя время с ней, Танидзаки познал многие западные «обыкновенности». Сэйко обучала его западным танцам, он пытался играть на гитаре, носил западные костюмы и гордился тем, что не снимает обувь на протяжении целого дня, готовился к поездке в Европу [Кин, 2003, с. 11]. Сэйко стала его музой. Танидзаки написал для неё сценарий комедии «Любительский клуб» (アマチュア倶楽部), в которой она сыграла главную роль. Их любовь писатель запечатлел в произведении «Любовь глупца» (痴人の愛, 1924), в котором Сэйко стала прообразом Наоми.

В романе «О вкусах не спорят» отражён любовный четырёхугольник, возникший между Танидзаки, сёстрами Исигава Тиёко и Сэйко, и литератором Сато Харуо (佐藤春夫, 1892–1964). В 1930 г. Танидзаки Дзюнъитиро развёлся со своей женой, которая впоследствии вышла замуж за Сато Харуо. По воспоминаниям Сато, брак Танидзаки был похож на брак главного героя романа «О вкусах не спорят»: «Танидзаки не имел претензий к своей жене, она просто не интересовала его физиологически. Его несчастье накапливалось, пока не вылилось в роман» [Сейденстикер, 1995, с. 5].

Однако за личной драмой, которая отчётливо прослеживается в произведении, скрывалась не только первая попытка Танидзаки Дзюнъитиро завуалированно продемонстрировать собственную потерю интереса к западной эстетике, растущую привязанность к традиционной Японии, но и желание показать изменение современной ему реальности – глобального поворота страны в ровно противоположном от Запада направлении.

Роман «О вкусах не спорят»

Роман «О вкусах не спорят» посвящён проблеме противоречия в понимании эстетики двух противоположных миров – западного и восточного. С первых строк произведения мы узнаём о том, что Канамэ – главный герой – альтер-эго писателя, теряет интерес к собственной жене Мисако, олицетворяющей Запад. Его более не заботит всё новое, что готова предложить ему европейская цивилизация: новые наряды, парфюмерию, косметику, с помощью которых Мисако пытается вернуть расположение мужа. Однако герой начинает ощущать их близость лишь в те моменты, когда Мисако помогает ему нарядиться в кимоно. Лишь она знала, как правильно подобрать костюм и помочь ему одеться. В такие моменты Канамэ ощущает особую близость со своей женой: «Сегодня как никогда отчетливо ощущалась крайне удивительная и противоречивая связь между супругами, когда она стояла позади него, помогая ему надеть нижнюю рубашку под кимоно, поправляя ворот»² [Танидзаки, 1951, с. 12]. Танидзаки Дзюнъитиро подчеркивает, что потеря интереса протагонистом к собственной жене – современной токийской женщине – связана не с её внешним обликом, который в традиционном японском обществе, по мнению писателя, не имел значения: «Женщины прошлого были безликими красавицами сокровенных пространств» [Танидзаки, 1998, с. 128], а в несоблюдении ею традиционного уклада жизни, во время проявления элементов которого она начинает полностью устраивать его как жена. Танидзаки Дзюнъитиро в последующих своих работах в качестве одного из преимуществ японской женщины перед европейкой будет указывать именно её этикетное поведение, желание оставаться безликой тенью мужчины.

Противостояние национального и привнесённого мы наблюдаем и в следующей сцене, эпизоде приобщения Канамэ к традиционной культуре в осакском театре кукол *Бунраку*. Там он знакомится с Охиса, возлюбленной пожилого отца Мисако, приверженца традиционных взглядов. Она обладает кротким нравом, немногословна и по-киотосски вежлива, что вызывает у жены Канамэ Мисако негативные чувства: она считает поведение Охиса наигранным. Танидзаки сравнивает её с бойкой токийкой Мисако, которая является противоположностью традиционной женщины. Когда Мисако находится рядом с пожилым

² Здесь и далее перевод романа «О вкусах не спорят» принадлежит автору статьи.

отцом, то не испытывает дочерней почтительности по отношению к нему, наоборот, считает его старым развратником.

Мисако угнетает не только поведение отца и его молодой спутницы Охиса, но и старый театр: «Я останусь лишь на один акт и поеду домой», – говорит она [Танидзаки, 1951, с. 22]. Каманэ же, напротив, прозревает и начинает испытывать тёплые чувства к старику, Охиса и всему происходящему вокруг. В нём просыпается горечь давно минувших дней, когда он играл с матерью в центре старого Токио и она водила его в театр: «Когда он вошёл в театр, гладкое и прохладное дерево под его ногами было всё таким же, как в детстве. Если задуматься, старые театры обладают удивительно холодной атмосферой, когдаходишь в них. И как ясно по сей день он вспоминает это ощущение прохлады, словно пронизывающей мяты, скользящей сквозь подол и рукава кимоно; этот холодок волнующий и приятный, совсем как та свежесть ранней весной, когда любишь цветением слив; «Пьеса уже началась», – сказала мама, и он поспешил за ней с бешено бьющимся маленьким сердечком в груди [Танидзаки, 1951, с. 23]. Эти тёплые чувства, описываемые в романе, являлись ощущениями самого писателя. Танидзаки вспоминает в мемуарах «Детские годы» (幼少時代, Ё:сё: дзидай, 1955) те прекрасные мгновения, когда мать водила его на спектакли театра *Кабуки*: «Я помню, что после окончания пьес *Кабуки*, часто лил дождь, и мы возвращались домой на рикше. Возможно, поход в театр оставлял больше впечатлений в такие вечера. В качестве защиты от дождя рикши были покрыты колпаком, сделанным из ткани, напоминающей промасленные скатерти в китайских ресторанах. Полная темнота внутри этого колпака была обильной с запахом масла на ткани, аромата масла на волосах моей матери и сладкого, приторного запаха её одежд. Когда я вдыхал эти запахи и слушал, как дождь прерывисто барабанит по колпаку, образы и голоса актёров, которых я видел в тот день на сцене, звуки оркестров и музыканты на сцене снова и снова оживали в этом мире тьмы» [Танидзаки, 1988, с. 169–170].

Театр в жизни Танидзаки занимал особое место, он связывал писателя с матерью – первой женщиной, оставившей значительный след в его жизни. Ещё в детстве писатель задумывался: «когда я наблюдал сцены, в которых женщины, не столь уж отличающиеся по возрасту от моей матери, накладывали на себя руки, были заколоты собственными мужьями или расставались с любимым ребёнком, и всё это в попытке сохранить свою верность или целомудрие, я задумывался над тем, как бы поступила моя мать, окажись она в таком щекотливом положении?» [Танидзаки, 1988, с. 170]. Эти мысли занимали детский разум писателя, смешивались с действительностью и порождали другое измерение, в котором он испытывал сладостные страхи своих фантазий. И нерепрезентативный театр, такой как *Бунраку*³, действующий по своим собственным правилам, изобилующий яркими сценами, в которых в отличие от обыденной серости может произойти всё что угодно, где играет музыка, а на сцене оживают идеализированные «кукольные» люди прошлого, помогает Канамэ в переосмыслении взглядов на традиционную культуру.

Танидзаки сталкивает два противоположных женских образа – западный и восточный. В отличие от резкой, бестактной и невежественной приверженки Запада Мисако, которая считает чёрные зубы Охиса неэстетичными и по-варварски грязными, Охиса являет собой пример «традиционной» заботливой женщины: она заботится о комфорте Мисако,

³ Бунраку – японский традиционный театр кукол эпохи Токугава (1603–1868).

заваривает чай в крохотной нише в стене, время от времени предлагая сладости и шёпотом пытаюсь поддерживать разговор с Мисако, которая с презрением смотрела на всё вокруг. Охиса следит, чтобы чарки мужчин не пустели. Сакэ, сладости, утварь, – всё привезено Охиса из Киото, она тщательно планирует каждый выход в свет. Её поведение трогает Канамэ, он отмечает, насколько прекрасна киотосская красота.

Писатель акцентирует внимание на том, что современные японские женщины под влиянием западных тенденций теряют свою элегантность, забывают о том, как нужно вести себя на публике. Старик интересуется косметичкой в руках дочери: «Хорошо, что косметички в моде в наши дни, и меня не заботит то, чем заняты люди, но мне не нравится, когда красятся на всеобщем обозрении, в этом нет изящества; на днях я отругал Охиса за то, что она взяла с собой косметичку». [Танидзаки, 1951, с. 35]. Мисако же в ответ ведёт себя так, как принято на Западе: достаёт губную помаду и водит ею по губам. Старик делает замечание: «Но это непривлекательно. [В моё время] порядочные дочери и жёны не занимались такими вещами на публике» [Танидзаки, 1951, с. 35]. Однако для Мисако это уже естественно, она приводит в пример знакомую даму, которая делает макияж на публике каждый раз, когда они обедают вместе. Данный эпизод демонстрирует не только полное отсутствие у «новой японки» принятых в обществе, частью которого она является, манер, но и дочерней почтительности – значимого элемента традиционного японского общества. В романе «О вкусах не спорят» Танидзаки Дзюнъитиро укажет, что старик был приверженцем Кайбара Экиэн⁴ и совершенствовал Охиса, следуя его учению, а уже в 1931 г. на страницах женского журнала «Фу:дзин ко:рон» (婦人公論) самолично выскажется, что пособием по наделению женского пола максимальным количеством «чувственности» является трактат Кайбара Экиэн «Великое поучение для женщин»⁵, который способствует формированию добродетельной женщины через воспитание девочек в духе конфуцианства.

Танидзаки также подчёркивает, что «новая японка», олицетворяющая Запад, неспособна к особой чувственности, так как она не замечает красоты традиционной культуры, и взор её затуманен инородной цивилизацией, а если что-то и видит, то совсем не то: «Я уже давно наблюдаю лишь за выражением лица сказителя-гидая⁶, этот господин очень потешный», – говорит Мисако [Танидзаки, 1951, с. 27]. Однако Канамэ, очарованный происходящим на сцене, всё больше погружается в мир «традиционной красоты»: «Я ничего не понимаю в гидая, но мне нравится кукла Кохару», – шепчет он сам себе [Танидзаки, 1951, с. 30]. Несколькоими годами позже Танидзаки Дзюнъитиро заявит, что вкладывал в Канамэ свои представления об образе идеальной женщины в традиционной японской культуре: «Когда-то в своём романе «О вкусах не спорят» я, описывая впечатления героя о спектакле театра Бунраку, написал: «...Когда он сконцентрировал своё внимание на этом, то не заметил кукловода; Кохару уже не была просто сказочным существом в руках Бунгоро:, она твёрдо стояла, жила на татами. Но она не производила впечатление, что её играет актёр. Байко: или Фукусукэ великолепны, но мы замечаем: «Это же Байко:! Это же Фукусукэ!», но эта Кохару

⁴ Кайбара Экиэн (яп. 貝原益軒, 1630–1714) – конфуцианский учёный эпохи Токугава, наставления которого получили распространение вплоть до окончания Второй мировой войны

⁵ «Великое поучение для женщин» – «Онна дайгаку» (女大学, 1716–1736) – трактат Кайбара Экиэн по воспитанию девочек, формированию добродетельных женщин.

⁶ Гидая – певец-сказитель в японских театрах Бунраку и Кабуки.

была ни кем иным, как настоящей Кохару. Конечно, можно пожаловаться, что ей не хватало мимики актёра, но подумайте о том, что женщина из старого квартала красных фонарей не могла выражать свои чувства так же откровенно, как это было принято в *Кабуки*. Кохару, которая жила в эпоху Гэнроку, вероятно, была «кукольной женщиной». И даже если это не так, зрители хотели видеть не Кохару в исполнении Байко и Фукусукэ, а эту кукольную Кохару. Для людей прошлого идеальная красавица такова, что не выставляет свою индивидуальность напоказ, невероятно сдержанна, поэтому эта кукла точно соответствовала их требованиям, поэтому в то время сознательно избегали подчёркивания индивидуальности. Люди прошлого, вероятнее всего, представляли Кохару, Умэкава, Санкацу, Осюн, – всех их с одним ликом. В конце концов, разве эта кукла Кохару не была образом «женственности» в традиции японцев?» [Танидзаки, 1995, с. 133–134]. В своих размышлениях Танидзаки Дзюнъитиро пришел к выводу, что в силу различия с Западом взглядов на женщин, японцы должны воспринимать их красоту сквозь призму собственных культурных традиций, поэтому он стал выделять именно те уникальные черты, которые были слабо выражены или вовсе отсутствовали в западной традиции. Именно в «кукольности» женщин прошлого писатель искал очарование, которое крылось в их воспитании, направленном на подавление индивидуальности.

Канамэ замечает, что красота Охиса подобна красоте кукольной Кохару, она будто красавица, сошедшая с гравюр. Он осознаёт, что вкусы старика подчинены идеалу красоты периода Эдо (1603–1868), длившегося два с половиной столетия до начала реставрации Мэйдзи в 1868 г. Сам же Канамэ изначально противится принятию прошлого, объясняя себе это тем, что эдоская культура была насквозь окрашена грубостью купеческого сословия, и куда бы ни направился человек, он не мог скрыться от запаха рыночной площади. Канамэ, как и Танидзаки, – выходец из купеческой семьи, выросший в торговом квартале старого Токио, как и Танидзаки он теряет старый город после страшного землетрясения 1923 г., который впоследствии является ему в виде воспоминаний, вызывая тёплые чувства и тягу к прошлому.

До пробуждения этих национальных чувств Канамэ искал свой женский идеал в европейском наследии. Он искал божественные свойства, но никогда их не находил ни в самих женщинах, ни в европейском искусстве. Он лелеял смутную мечту: получить отказ и утопать в печали. Он искал в иностранной литературе, музыке, фильмах нечто такое, что могло бы хоть немного соответствовать, как он думал, его западным взглядам на женщин. Канамэ размышлял о том, что традиция поклонения женщине существует с незапамятных времен, и западный человек видит в женщине, которую любит, образ греческой богини и Девы Марии. Подобное отношение, как он подозревал, так сильно проникло в обычаи и традиции Запада, что оно автоматически находит своё выражение как в искусстве, так и в литературе.

В эссе «Любовь и сладострастие», в котором писатель впервые публично заявил о своих изменившихся взглядах на эстетику, в частности женскую красоту, Танидзаки практически дословно повторил эту мысль: «Для того чтобы возвысить японскую женщину, несущую на себе многовековые традиции, на один уровень с западной, необходимо работать как духовно, так и телесно на протяжении нескольких поколений: исключено, что этого можно достичь в пределах нашей жизни. В двух словах, это прежде всего красота западной фигуры, красота мимики и красота походки. Для того, чтобы приобрести духовное

совершенство, девочка должна была быть подготовлена телесно. На Западе, в древней Греции существовал культ красоты обнажённого тела, и по сей день европейские и американские города украшены статуями мифических богинь, поэтому не стоит удивляться, что женщины, выросшие в таких странах и городах, обладали развитым и здоровым телом, и для того, чтобы наши девушки достигли равной с ними красоты, нам необходимо впитать те же мифы, почитать их богинь, как своих, мы должны заимствовать и культивировать в нашей стране многотысячелетнее западное искусство. Сейчас я признаюсь, что в юности тоже был одним из тех, кто потворствовал таким несурзным мечтам, несмотря на то, что их невозможно реализовать – и это приводило меня в уныние»⁷ [Танидзаки, 1995, с. 112–113].

Канамэ, как и Танидзаки, задумывался об отсутствии эмоциональной жизни у японцев, ощущении одиночества, того, что в Японии не существовало сильных женщин, способных властвовать над мужчинами как в эмоциональном, так и в физическом плане. Канамэ рассуждает, что средневековая придворная литература и драма феодальных эпох, за которыми стояла живая сила буддизма, заключали в себе нечто, что он, возможно, искал, но с приходом сёгуната Токугава и упадком буддизма всё это исчезло: «Женщины, изображаемые Ихара Сайкаку⁸ и Тикамацу Мондзаэмон⁹ – трогательные и мягкие, но хоть эти женщины и создавались стоящими перед мужчинами на коленях и утопающими в слезах, женщин, перед которыми мужчины преклонили бы колени и смотрели с почтением, не было. Поэтому Канамэ предпочитал фильмы, которые снимаются в Лос-Анджелесе, пьесам театра *Кабуки*. Воображаемый мир американского кинематографа, безостановочно создающий новую женскую красоту и заигрывающий с женщинами, являлся близким его представлениям. Даже среди всего того, что он не переносил, он находил в токийских пьесах и музыке присутствие живого и изящного духа эдосцев, однако чрезмерно решительный *гидаю*, одержимый своим любимым делом периода Эдо, всегда казался ему непостижимым» [Танидзаки, 1951, с. 44–45]. Танидзаки Дзюньитиро и в самом деле в начале своей творческой карьеры, как и многие его сверстники, в той или иной степени мечтал о скорейшем появлении нового типа женщин, обладающего европейским характером и строением тела, но сам он в конечном счёте пришёл к выводу, что мечты часто не совпадают с действительностью. Тело японки отличалось от тела западной женщины по мнению писателя тем, что последние жили в другой культурной среде тысячи лет, поэтому сравнение недопустимо: в отношении японок необходимо применять иные эстетические критерии.

Однако в день представления *Бунраку* Канамэ не чувствует какого-либо отвращения. Он упивается не только музыкальным сопровождением, которое ранее считал гнетущим, но и царящей в театре атмосферой, в которой он видит игру света и тени, сравнивая её с ярким свечением Голливуда: «Если взглянуть на занавес, прикрывающий дверной проём, красный, словно киноварь, лакированный порог, стереотипную мизансцену, отгороженную низкой решётчатой перегородкой по левую сторону сцены, то можно почувствовать неприязнь к угрюмому мраку зловония нижней Ситамати, но в этой неприветливой темноте было что-то таинственное, напоминающее внутреннее помещение храма; тусклое свечение, которое

⁷ Здесь и далее перевод эссе «Любовь и Сладострастие» принадлежит автору статьи.

⁸ Ихара Сайкаку (1642–1693) – японский писатель-драматург эпохи Токугава.

⁹ Тикамацу Мондзаэмон (1653–1725) – японский драматург эпохи Токугава.

источает старое изображение Будды, помещённое в ковчег-дзуси¹⁰. И это не тот яркий свет, который источают американские фильмы, а скорее еле заметный, который легко упустить из виду, спрятанный под пылью традиций веков и, несмотря на то, печально пульсирующий» [Танидзаки, 1951]. В своём знаменитом эссе 1934 г. «Похвала тени» (陰翳礼讃, *Инъэй райсан*), посвящённом трактовке взглядов на японскую эстетику, Танидзаки продолжит развивать эту тему.

Немаловажным фактором в переоценке взглядов на традиционную японскую культуру писателем стал Пекин, в котором он узрел старый Токио. Танидзаки Дзюнъитиро пишет: «Когда я в своё время бродил по ночному Пекину, подумал: «Вот это настоящая ночь! Я уже давно не видел, что такое ночной мрак!». Затем я вспомнил, как тягостно, неприятно, грустно и страшно было в детстве засыпать в те ночи под тусклым светом бумажной лампы, – меня переполнило чувство странной ностальгии. По крайней мере те, кто родился в десятилетиях правления Мэйдзи (1877–1887), возможно вспоминают, что ночные кварталы Токио того времени напоминали пекинские» [Танидзаки, 1995, с. 130]. В романе «О вкусах не спорят» Танидзаки уже говорил об этом. Так, брат Канамэ, который жил в Китае, каждые два-три месяца возвращался в Японию и гостил у него. И каждый раз центральным вопросом их бесед был: «Когда состоится развод?». Развод Канамэ с Мисако – развод Танидзаки с Западом. «Китайский» брат пробудил в нём смелость найти выход из сложившейся ситуации. Более того, во время визитов кузена Таканацу Канамэ начинал испытывать ощущение контроля над собственной судьбой.

После развода герой желает сохранить за собой право видиться с отцом Мисако – пожилым человеком традиционных взглядов, который в какой-то момент становится ему близким. Так и Танидзаки, разойдясь с первой женой, сохраняет в своей жизни традиционализм, который был ему чужд когда-то, как и для Канамэ были чужды воззрения старика.

Посещая старика, Канамэ всё больше восхищается Охиса, чьей главной задачей было радовать пожилого мужчину, служить ему. Старик же в свою очередь обучает её традиционному этикетному поведению, приготовлению пищи, умению правильно одеваться, манерам и игре на традиционном музыкальном инструменте сямисэн. Охиса разрешалось смотреть лишь спектакли кукольных театров и принимать в пищу лишь японские блюда. Канамэ было сложно поверить в то, что Охиса могла довольствоваться только этим. Он восхищается её духом и выдержкой, приписывая их её киотосскому воспитанию.

Игра Охиса на сямисэне пробуждает в его памяти детские воспоминания: «В те дни ещё оставалось что-то такое в манере женщин из Ситамати¹¹, что напоминало о последних годах периода Эдо: его мать любила заправлять рукава своего кимоно в тёплую погоду, а, например, тот факт, что девушка курит, не всегда являлся доказательством того, что она достигла зрелости» [Танидзаки, 1951, с. 138]. Звуки сямисэна оставили особый след в памяти Танидзаки. В своих мемуарах «Детские годы» писатель вспоминал, что когда он жил в Нихонбаси, то часто слышал игру на сямисэне певчей-синнай¹², засыпая в объятьях своей няни. Танидзаки акцентировал внимание на звуках этого струнного инструмента и в других,

¹⁰ Ковчег-дзуси – деревянное сооружение, представляющее собой модель переносного храма, внутри которого размещаются маленькие изваяния Будды и бодхисатв, сутры.

¹¹ Центральный район Токио, там располагался до войны район красных фонарей Ёсивара.

¹² Синнай – бродячие певчие-сказители, в основном напевающие истории о двойных самоубийствах.

более ранних сочинениях. В художественном произведении «Тоска по матери» (母を恋ふる記, 1919) он рассказал историю о сыне, играющем на сямисэне почившей матери, приходящей к нему во сне. А в произведении «Смутные воспоминания» (おろおぼえ, *Орообоз*, 1907) игра на сямисэне пробудила в его памяти счастье и тоску давно минувших дней. Звуки сямисэна большей частью связаны скорее всего не с тоской по матери или няне, а с идеей утраты идеализированного прошлого.

В поездке на остров Авадзи вместе со стариком и Охиса Канамэ проникается духом былой Японии, находит там то, чего столичный регион уже давно лишился: «Например, вот этот маленький городок, если не обращать внимания на линии электропередач и телеграфные столбы, раскрашенные рекламные щиты и витрины магазинов повсюду, то кругом можно было увидеть дома, словно иллюстрации к *укиё-дзоси*¹³ Ихара Сайкаку. Глинобитные стены домов торговцев до самого карниза были покрыты известью, широкие брусья свободно использовались для выступающих решётчатых фасадов, тяжёлая изогнутая черепица, изящно держащаяся на черепичных кровлях со скатами, висящие из дзельквы¹⁴ таблички с выцветшими надписями: «Лак», «Соя», «Масло» и т.д., в конце передней части домов, не уложенных татами, висели шторы, пропитанные темно-синей краской с названиями магазинов, – однако все эти детали не были подмечены стариком, наверное, настолько старый японский город может оставить такие впечатления [Танидзаки, 1951, с. 154]. Каманэ ощущал, как его наполнял глубокий покой, эти дома казались ему наполненными темнотой настолько, что не можешь даже вообразить, что там внутри. Он обращает внимание на лица людей в сумерках за занавесками, прикрывающими их лавки: «Это заставляет меня задумываться о том, что здесь жили люди с лицами кукол театра *Бунраку*, и они проживали свои жизни, словно на сцене театра *Бунраку*... И разве идущая сейчас здесь Охиса не была его частью? Пятьдесят лет назад или даже сто женщина, похожая на Охиса, в таком же кимоно, и в таком же поясе оби, возможно, шла под весенним солнцем, держа в руках сверток с едой, по этой же дороге, направляясь на пьесы, которые ставились в высохшем русле реки. Или, может быть, она играла композицию «Снег» за этими решётчатыми ставнями. Воистину, Охиса была призраком, выскользнувшим из феодального мира» [Танидзаки, 1951, с. 155].

Похожее влияние испытал на себе сам Танидзаки Дзюнъитиро после поездки в Пекин в 1926 г. Несмотря на то, что этот город во время его визита уже был подвержен современным изменениям, он произвёл на него сильное впечатление. Пекин позволил ему переместиться в прошлое, предоставив возможность почувствовать всё то, что ощущали и чем жили люди былых времён. По возвращении из Китая Танидзаки бросил мысли о поездке в Европу, к которой стал готовиться ещё в далёком 1922 г.

Разрыв с западными «роковыми женщинами», образы которых доминировали в творчестве писателя до романа «О вкусах не спорят», Танидзаки выразил через сцену расставания протагониста со своей любовницей Луизой, однако животная страсть к ней продолжала манить его, как и Танидзаки. Писатель вскоре начнёт искать лики роковых обольстительниц в традиционной японской литературе, чтобы обосновать своё пристрастие к такому архетипу не как навеянное Западом, а как присущее и Востоку. Например, в 1931 г.

¹³ Иллюстрированные рассказы эпохи Токугава.

¹⁴ Дзельква – род деревьев из семейства вязовых.

обратившись к рассказу «Неизвестная разбойница» из «Собрания стародавних повестей»¹⁵, намеренно искажая его смысл. Даже будучи рядом со своей любовницей Луизой, Каманэ закрывал глаза и представлял, что находится в деревенской закуской, где местная официантка подает ему сакэ, его влекла её напористость, а в её речи он находил некий след экзотичности: немного повышающееся произношение, принятое на севере Японии.

Луиза покрывает своё лицо толстым слоем пудры, она признаётся в том, что должна скрывать темноту своего лица, так как в жилах её матери течёт турецкая кровь. Но Каманэ замечает, что его влечёт именно это тёмное сияние её кожи. В 1931 г. Танидзаки начал серийную публикацию своего эссе «Любовь и сладострастие», в котором поднял вопрос цвета кожи, ввёл новые параметры оценки женской красоты, отмечая, что кожа японок не такая белая, как у европейцев, но именно жёлтоватый оттенок предаёт ей особую глубину и полноту.

На страницах эссе «Похвала тени» этот вопрос достигает своей кульминации: «Всё дело в том, что в японской коже, какой бы белизной она ни отличалась, чувствуется всегда слабое присутствие тени. Не желая отставать от европейских дам, японские женщины с большим усердием покрывали густым слоем белил все обнаженные части тела, начиная от спины и заканчивая руками до подмышек. Тем не менее уничтожить тёмный цвет, скрывающийся из-под кожного покрова, им не удавалось. Его можно было различить так же легко, как легко бывает рассмотреть с высоты темное пятно на дне под прозрачную воду. Особенно заметно выделяется эта темная, похожая на налёт пыли, тень между пальцами рук, около ноздрей, на шее и на линии позвоночника. Внешний покров на теле европейца может иногда казаться мутным, но из-под него просвечивает ясное и светлое дно, – ни в одном уголке его тела вы не заметите этой грязноватой тени. Начиная с головы и до самых кончиков пальцев кожа у него сверкает чистой, беспримесной белизной. И когда хотя бы один из нас появляется на их собраниях, он так же режет глаз, как пятно слабо разведенной туши на белом листе бумаги»¹⁶ [Танидзаки, 1986, с. 511–512]. Именно стараниями писателя удалось развеять укоренившийся в японском обществе миф о телесной неполноценности японских женщин по сравнению с европейскими. Эссе писателя внесло значительный вклад в дискурс своего времени и открыло возможность обсуждать проблему женской телесности с благоприятной для японок точки зрения.

Луиза – евразийка, дочь русской и корейца, обладательница несносного нрава: «Чёрт возьми! Просто запомни! В следующий раз ты должен принести мне деньги, иначе мы закончим наши отношения!» [Танидзаки, 1951, с. 192]. В отличие от кукольной Охиса, лишённой всяческих эмоций, Луиза играет роль драматической актрисы, выставляя все свои эмоции напоказ. С широко раскрытыми глазами, наполненными слезами, она молит выкупить её из борделя и содержать в качестве жены.

Герой романа не находит в ней соответствия образу идеальной женщины. Содержание жены-иностранки, говорит Канамэ, обходится в тысячу долларов в месяц, и она не сможет прожить на 150 с её-то потребностями. В его голове не укладывается мысль, как девушка, привыкшая к роскоши, будет довольствоваться арендованным домом, станет домохозяйкой и будет носить кимоно. Каждый раз, возвращаясь к Луизе, он испытывал всё большее

¹⁵ «Собрание стародавних повестей» (今昔物語集, *Кондзяку моногатари сю:*, ок. 1120 г.) – сборник поучительных повестей *сэцува*.

¹⁶ Здесь и далее перевод эссе «Похвала тени» принадлежит М. Григорьеву.

отвращение по отношению к себе. Единственное, что влекло его – это золотисто-коричневый тон кожи и животная близость, которую он мог испытать лишь с ней. Несмотря на всё это, Канамэ покидает её, так как не видит в ней того идеала, который стремится найти.

Поиски приводят его в конце романа в дом старика, где его встречает Охиса. Она готовит для Канамэ маленькую ванну, в которой было неудобно даже сидеть. Сама ванная комната кажется ему негостеприимной из-за отсутствия яркого света и кафельной отделки, к которым он так привык. Старик, однако, гордился своей уборной. Он разработал свою собственную философию: «Старик согласно своей «философии уборной», говорил так: “Блистательно белые ванная и туалетная комнаты – это глупость западного человека; вы можете говорить, что это те места, которые никто не видит, но приспособления, выставляющие ваши нечистоты вам же напоказ – неделикатны и ужасны; куда учтивее было бы скромно спрятать подальше в тень всю ту грязь, которую мы смываем с тела”; он всегда был за то, чтобы наполнить туалетную комнату свежестью веток криптомерий, поскольку, по его эксцентричному мнению: “хорошо ухоженная уборная в чисто японском стиле непременно должна иметь свой собственный и тонкий аромат, позволяющий ощутить изящество, о котором невозможно сказать”; но так или иначе, Охиса втайне жаловалась на неудобство тёмных ванной и туалетной комнат» [Танидзаки, 1951, с. 223–224].

Позиция старика являлась эстетической концепцией самого Танидзаки, которую он в момент написания романа только начал разрабатывать. Законченное изложение этой мысли писатель представил в эссе 1934 г.: «Режущий глаза свет и совершенно белые стены таких уборных, конечно, мало располагают к появлению того чувства физиологического удовольствия, о котором говорил Сосэки¹⁷. Ровная белизна стен, сияющая во всех уголках, несомненно, имеет отношение к чистоте и опрятности, но сам собою напрашивается вопрос, нужно ли распространять столь придирчивое внимание вплоть до того места, куда отправляются выделения собственного тела. Подобно тому, как невежливо выставлять перед людьми обнажённые ноги, даже если они принадлежат ослепительной красавице, точно так же неудобно пересаливать и в чересчур откровенной подаче света: чем чище и опрятнее выглядят части, выставленные напоказ, тем сильнее ассоциируются они с частями, не видимыми глазу. Места подобного рода лучше всего окутывать полумраком, завуалировав границу, где кончается чистое и начинается нечистое. Этими соображениями руководствовался и я при постройке собственного дома» [Танидзаки, 1986, с. 486]. Эссе, получило широкое распространение и одобрение как в самой Японии, так и за её пределами. В нём писатель не столько сталкивает европейскую и японскую культуры, сколько поднимает вопрос о чувственно разном восприятии пространства между западным и восточным человеком, противопоставляя западному стремлению к прогрессу восточные эстетические категории.

Когда Канамэ уединяется в ванной комнате, его охватывает странная фантазия, что дом, в котором он в данный момент находится, принадлежит ему, а он после развода с Мисако начал новую жизнь. Общество старика, олицетворяющего старую Японию, – это то, чего так давно искал Канамэ, потеряв интерес к Мисако – Западу. Охиса же стала для него не столько личностью – объектом вождения, сколько олицетворением того идеального типа

¹⁷ Нацумэ Сосэки (1867–1916) – широко известный японский писатель, специалист по английской литературе, относился к новому поколению литераторов.

традиционной женщины, которую он так стремился найти и познать. Его посещают мысли, что он вполне был бы удовлетворён, находишься в доме не конкретная Охиса, а любая другая женщина «кукольного типа».

В последней сцене Канамэ ждёт возвращения Охиса с книгами, ему чудится её лик: «Канамэ на мгновение показалось, что он увидел появившееся белёсое лицо Охиса в тёмном углу токонома. Он на мгновение подскочил, но это был сувенир, который старик привёз из Авадзи – кукла в *косодэ* с мелким гербовым орнаментом. Прохладный ветерок ворвался в комнату и вместе с ним полил вечерний дождь. Уже доносился звук ливня, барабанившего по траве и листьям». Канамэ поднял голову и уставился меж деревьев в глубь сада. Незаметно забравшаяся зелёная лягушка висела на полпути к краю бесконечно колышущейся москитной сетки, а брюхо лягушки, отражавшее свет бумажного фонаря, светилось. «Наконец она пришла», раздвижная перегородка наполнилась светом, и это была уже не кукла, за москитной сеткой в тени с белесым ликом сидела она, держа в руках пять-шесть старых японских книг» [Танидзаки, 1951, с. 232–233]. Это кульминационный момент возврата Канамэ (Танидзаки) в лоно традиционной культуры, где он, наконец, обретает ту хрупкую гармонию, в которой объединяются прошлое и настоящее, его душа и тело, тот покой, который он так стремился найти.

На протяжении всей творческой карьеры мысли Танидзаки Дзюньитиро занимали сложные женские образы. Сначала это были лики «роковых красавиц», обладающих разрушительной силой, а впоследствии его искания приобрели другие оттенки. В 1929 г. Танидзаки Дзюньитиро завершил роман, который демонстрирует процесс трансформации писателя из приверженца западной культуры в поборника всего традиционного. Однако это произведение не просто поиски собственных эстетических идеалов писателем, а попытка отобразить и зафиксировать те сложные процессы, происходившие и тревожившие современное ему общество: рост национальных настроений, поиски собственной идентичности, переосмысление взглядов на традиционную культуру, в частности образы идеальных японских женщин. Роман стал предвестником всемирно известного эссе «Похвала тени» и других менее известных на Западе работ писателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2012. 735 с.
- Санина К.Г. Феномен «Возврата к Японии» и повесть Танидзаки Дзюньитиро «Мандзи» (1928–1930) // История и культура традиционной Японии 8 / РГГУ, Ин-т восточных культур и античности. СПб: «Гиперион», 2015. С. 390.
- Танидзаки Дзюньитиро. Похвала тени // Избранные произведения / пер. с яп. М. Григорьева. М.: Художественная литература, 1986. С. 479–522.
- Танидзаки Дзюньитиро. Рэнъай оёби сикидзё: : [Любовь и сладострастие] / Инъэй райсан : [Похвала тени]. Токио: Тю:о:ко:ронся, 1995. С. 92–141.
- Танидзаки Дзюньитиро. Тадэ ку: муси : [О вкусах не спорят]. Токио: Синтё:ся, 1951. 256 с.
- Keene, D. Five Modern Japanese Novelists. New York.: Columbia University Press, 2003. P. 1–23.

Kohn, H. Nationalism: Its Meaning and History. New York: Van Nostrand Reinhold Company, 1965. 191 p.

Tanizaki Jun'ichirō. Childhood Years: A Memoir. Translated by Paul McCarthy. Tokyo: Kōdansha, 1988. 198 p.

Tanizaki Jun'ichirō. Some Prefer Nettles. Translated by Edward G. Seidensticker. New York.: Vintage, 1995. 224 p.

REFERENCES

Keene, D. (2003). Five Modern Japanese Novelists, New York: Columbia University Press.

Kohn, H. (1965). Nationalism: Its Meaning and History, New York: Van Nostrand Reinhold Company.

Meshcheryakov, A.N. (2012). Imperator Meydzi i ego Yaponiya [Emperor Meiji and His Japan], Moscow: Natalis. (In Russian).

Sanina, K.G. (2015). Fenomen «Vozvrata k Yaponii» i povest' Tanidzaki Dzyun'itiro «Mandzi» (1928–1930) [The Phenomenon of the “Return to Japan” and Tanizaki Jun'ichirō 's novel “Manji” (1928–1930)], *History and Culture of Japan 8*, RSUH, Institute for Oriental and Classical Studies, Vol. 8: 388–395. (In Russian).

Tanizaki, Jun'ichirō (1951). Tade kū mushi [Each to His Own], Tokyo: Shinchōsha. (In Japanese).

Tanizaki, Jun'ichirō (1986). Pokhvala teni [In Praise of Shadows], *Selected works*, translated by M. Grigor'ev, Moscow: Fiction. (In Russian).

Tanizaki, Jun'ichirō (1988). Childhood Years: A Memoir, Translated by Paul McCarthy, Tokyo: Kōdansha.

Tanizaki, Jun'ichirō (1995). Ren'ai oyobi shikijō [Lubov' i sladostrastie], In'ei raisan [Pohvala teni], Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, Jun'ichirō (1995). Some Prefer Nettles, Translated by Edward G. Seidensticker, New York: Vintage.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Received 13 April 2020

Для цитирования: Селимов М.Г. Идеал женщины в творчестве Танидзаки Дзюн'итиро (1886–1965). Переосмысление взглядов на национальную культуру // Японские исследования. 2020. № 3. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10017

For citation: Selimov M.G. (2020). Ideal zhenshchiny v tvorchestve Tanidzaki Dzyun'itiro (1886–1965). Pereosmysleniye vzglyadov na natsional'nuyu kul'turu [The ideal woman in Tanizaki Jun'ichirō's (1886–1965) works. Rethinking views on national Japanese culture], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 3: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10017

Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 21–43.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание*

В.Г. Дацышен

Аннотация. Работа посвящена проблемам изученности и представления в современной исторической литературе японской военной интервенции на Дальнем Востоке и Сибири во время Гражданской войны в России. В статье рассматривается взаимосвязь развития историографии русско-японских отношений с общественными представлениями и целенаправленной пропагандой элит и властей. В силу особенностей геополитического положения России все проблемы международных отношений на Дальнем Востоке рассматривались через проблему территориальной целостности страны. В годы Гражданской войны большевики успешно использовали антияпонские фобии для борьбы с политическими противниками. Сформированные в условиях Гражданской войны и последующих событий советско-японского противостояния политико-пропагандистские установки в 1930-е годы были перенесены в работы по истории японской военной интервенции. На протяжении советского периода историки не столько изучали события и проблемы, сколько занимались интерпретацией официальных заявлений и позиций партийного и советского руководства. Данная тенденция в основном сохранилась и в постсоветской исторической науке. В статье подробно рассмотрены работы российских историков и японоведов за последние три года, отмечен ряд интересных исследований, например японоведа К.О. Саркисова, историков А.Г. Теплякова, Ф.А. Попова и др. В целом же, в силу отсутствия общественного запроса и труднодоступности документов, российские историки не берутся за эту тему, даже при наличии такого повода, как столетний юбилей событий. Степень изученности истории японской военной интервенции в России остаётся на уровне, достигнутом ещё в 1930-х годах. Такая ситуация является отражением как проблем российской исторической науки, так и сложившейся ситуации в российско-японских отношениях.

Ключевые слова: японская военная интервенция, Сибирь и Дальний Восток, историография советско-японских отношений, проблемы современной исторической науки.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); Сибирский федеральный университет (адрес: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79); Красноярский государственный педагогический университет (адрес: 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017).

Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific knowledge^{*}

V.G. Datsyshen

Abstract. This paper is devoted to the problems of studying and perception of the Japanese military intervention in the Far East and Siberia regions during the Russian Civil War in modern historical literature. The work discusses the relationship of the development of historiography of Russo-Japanese relations with public perceptions and targeted propaganda by political elites and authorities. Due to the peculiarities of Russia's geopolitical position, all the problems of international relations in the Far East region were considered through the lens of the country's territorial integrity. During the Civil War, the Bolsheviks successfully used anti-Japanese phobias to fight political opponents. The political propaganda attitudes formed in the Civil War and subsequent events of the Soviet-Japanese confrontation in the 1930s were transferred to the works on the history of Japanese military intervention. During the Soviet period, rather than studying the events and problems, historians focused on interpreting the official statements and the positions of the party and Soviet leaders. This trend is generally preserved in the post-Soviet historical studies too. The paper details the works of Russian historians and Japanese scholars over the past three years. A number of interesting studies are noted, for example, the works by the Japanese studies scholar K.O. Sarkisov, historians A.G. Teplyakov, F.A. Popov and others. In general, due to the lack of public demand and the inaccessibility of the documents, Russian historians do not tackle the topic even despite there being the occasion of the centenary of the events. The current level of studies of the history of Japanese military intervention in Russia remains at the level reached back in the 1930s. This situation reflects both the problems of Russian historical science and the current situation in Russo-Japanese relations.

Keywords: Japanese military intervention, Siberia and the Far East, historiography of Russo-Japanese relations, modern history problems.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); Siberian Federal University (address: 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041); Krasnoyarsk State Pedagogical University (address: 82, Ady Lebedevoi street, Krasnoyarsk, 660049). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

В основе современных российско-японских отношений лежит многовековой исторический опыт взаимодействия двух стран и народов. Общественные представления об отношениях с Японией в прошлом формируются в основном посредством литературы, в том числе и исторических исследований. Однако само развитие историографии российско/советско-японских отношений жёстко зависит от общественных установок, сформированных как российскими реалиями, так и целенаправленной пропагандой элит и властей. Особенности взаимодействия между исторической наукой и общественно-политическими установками заключается в том, что историки не столько формируют представления на основе научных знаний, сколько подстраивают свои исследования под

^{*} This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

запросы властей и общества. И это особенно хорошо видно при критическом анализе трудов по истории русско-японских отношений.

Россия является самой большой страной в мире, что определяет особенности русской культуры. Самая большая территория – это и предмет особой гордости, и источник фобий. Действительно, в российском обществе постоянно присутствует идея опасности утраты восточных территорий, захвата их более сильными или многонаселёнными соседними государствами. С начала XX века в качестве потенциального агрессора чаще видели Японию, которая первой из стран Востока успешно провела модернизацию и стала конкурентом России и других стран Запада в борьбе за колониальный раздел Китая. Опасения русского общества были обусловлены слабой освоенностью восточных регионов России, их малонаселённостью в сравнении с соседними странами.

Революционный кризис 1917 г. и начавшаяся в стране гражданская война резко усилили общественные опасения. Такого рода настроения присутствовали в различных общественных слоях, независимо от политических предпочтений и реальных событий. В марте 1918 г. в еженедельнике Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги печатались такие предсказания: «На Востоке назревают события большой важности, и эти грядущие события прежде всего коснутся Сибири. Сибирь является теперь обречённой жертвой. Ратификация мирного договора с Германией развязывает руки нашим восточным соседям, и, конечно, они не замедлят воспользоваться моментом. Над Сибирью висит теперь серьёзная и реальная угроза захвата в той или иной форме вплоть до Урала» [Железнодорожник Кооператор, 1918, 27 марта]. Глава Колчаковского правительства Вологодский в телеграмме генералу Хорвату 8 февраля 1919 г. писал: «Япония не заинтересована в скорейшем восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплуатации обессилившей страны» [ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 10].

Недоверие к японским интервентам, пришедшим в Россию во время Первой мировой войны, как союзников по блоку Антанты, возникло сразу же даже у сторонников войны с Германией до победного конца. Это недоверие сохранялось на протяжении всего времени нахождения их войск в России, хотя политики и общественные деятели не раз пытались убедить русских в том, что в «прессе, как в зеркале, отражается тот перелом общественного мнения, который произошёл за последнее время» [Восточный Курьер, 1919, 27 августа]. В опубликованном осенью в газетах приказе командующего войсками Приамурского военного округа вновь предписывалось «разъяснить населению об истинных задачах, которые преследует Япония, так как, по-видимому, большая часть населения не имеет о том никакого представления» [Восточный Курьер, 1919, 14(1) октября]. Антисоветские силы опирались на японскую помощь в борьбе с большевиками, но не верили в искренность японских союзников. Подобного рода общественные настроения были хорошей почвой для пропаганды большевиков, позволявшей списывать самые разные проблемы на японских интервентов, использовать опасения русского общества за территориальную целостность для радикальной борьбы с политическими противниками в русском обществе.

В советский период и пропаганда, и историческая наука, находились под жёстким контролем партийно-государственных структур. И уже в 1930-х годах была создана источниковая база под будущие публикации. В 1934 г. был издан сборник документов

«Японская интервенция», где тексты опубликованы без сносок на источники, хотя в подлинности их содержания сомнения нет. Но цель подборки документов – прагматическая, она обусловлена необходимостью формирования общественного мнения в условиях подготовки к возможной войне с Японией. Предисловие начинается со слов: «Японскую военщину лихорадит. Сегодня на публичном митинге, завтра в газете генералы открыто призывают к новой интервенции и войне против Советского союза» [Японская, 1934, с. 3], а в части целей японской интервенции 1918–1922 гг. указывается: «Чтобы удержать в своих руках захваченное во время империалистической войны, японские империалисты решили прибрать к рукам и Дальний Восток. Дальний Восток богат железом, углем, нефтью...» [Японская, 1934, с. 6]. Общественные опасения и пропагандистские лозунги о том, что японские интервенты могли нарушить территориальную целостность России, советской исторической наукой были трансформированы в «исторический факт». В вышедшей в 1939 г. «Истории Японии» Е. Жукова следом за тезисом об «огромном недовольстве широких масс Японии» интервенцией в России заявлено: «Сразу же после Октябрьской революции японский империализм решил, что настал час... приступить к осуществлению давнишнего плана захвата русских дальневосточных земель» [Жуков, 1939, с. 178]. В многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» без ссылок на источники утверждалось: «Япония ставила своей конечной целью захват советского Дальнего Востока, а при благоприятных условиях и всей Сибири» [История, 1960, с. 328].

В первые 50 лет советской истории было опубликовано более 12 тыс. книг и статей по истории гражданской войны и военной интервенции в СССР [Наумов, 1972, с. 4], в большинстве этих работ затрагивались вопросы истории японской интервенции. История японской военной интервенции, как и большинства актуальных вопросов советской истории, находилась в зоне ответственности научных и учебных заведений ЦК КПСС. Например, обобщающая работа «Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР» была подготовлена Главной редакцией учебной литературы ВПШ и АОН при ЦК КПСС. Советский историограф указывает: «В литературе 20-х годов японская интервенция получила однозначную оценку как открытое антисоветское вооружённое вторжение, направленное на территориальные захваты в России. Но, разоблачая преступные действия японских интервентов, советские историки иногда уделяли главное внимание империалистическому соперничеству на Дальнем Востоке» [Наумов, 1972, с. 192]. Рассматривая советскую историографию, которая насчитывает несколько тысяч публикаций, автор не приводит ни одного примера работы, специально посвящённой воссозданию исторической картины японского военного присутствия на российских территориях. В главе, посвящённой историографии периода второй половины 1950-х – начала 1970-х годов, выделен параграф «Изучение истории империалистической интервенции». Но почти половина этого параграфа посвящена «интернационалистам в Советской России», и названа лишь одна работа, в названии которой упоминается японская интервенция – «Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и её разгром (1918–1922) С.С. Григорцевича. При характеристике этой работы советский историограф ограничился лишь следующим: «В монографии С.С. Григорцевича подробно рассматривалась борьба против интервентов на Дальнем Востоке» [Наумов, 1972, с. 395]. Из содержания работы В.П. Наумова вытекает, что японская интервенция никогда не была предметом изучения в советской исторической науке.

Дальнейшее развитие советской историографии не привело к заметным изменениям ни в содержательной, ни в оценочной частях [Якимов, 1979; Крушанов, 1984; Наумов, 1991]. Хотя хотелось бы отметить и такие случаи, когда в обобщающей работе советский историк смог избежать пропагандистских штампов о «коварных замыслах японцев» захватить часть России. В работе сибирского историка Б.М. Шерешевского всё ограничивается следующим утверждением: «Но внутренняя контрреволюция была слишком слаба... она обратилась за помощью к иностранным империалистам, которые в конце 1917 г. по «собственной инициативе» стали разрабатывать планы вмешательства в «русские дела»» [Шерешевский, 1974, с. 12–13].

Несмотря на начавшиеся в 1980-х годах изменения в общественно-политической жизни СССР тезис о том, что «в гражданской войне в России японские ястребы усмотрели удобный случай для выполнения своих захватнических устремлений» [Лившиц, 1991, с. 3], оставался незыблемым до конца существования советской историографии. Не появилось и специальных исторических исследований, позволяющих детально восстановить историческую картину японской военной интервенции в России. Уже в 1989 г. советские японоведы в статье «Размышляя о советско-японских отношениях» отметили, что советские историки-японоведы вместо изучения проблем занимались, в основном, «интерпретацией наших официальных заявлений и позиций» [Катасонова, 2015, с. 285].

Советская историческая наука не могла выйти за рамки политико-пропагандистских установок времен Гражданской войны по той причине, что борьба с японской интервенцией была важнейшей составляющей борьбы с политическими противниками, по итогам которой и был создан Советский Союз. Ведущий российский японовед Д.В. Стрельцов указывает: «...Что же касается японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 гг., она всё же была эпизодом Гражданской войны, в результате которой окончательно сформировалось советское государство, поэтому нередко становилась объектом пропагандистской мифологии, целью которой было скорее героизировать Красную армию и партизанское движение, установивших Советскую власть, нежели подогреть ненависть к японским оккупантам» [Стрельцов, 2019, с. 60].

В постсоветский период российская историческая наука в силу комплекса причин по большей части сохранила инертность, продолжая обходиться узкой источниковой базой и развиваться в рамках старых идеологических и политико-пропагандистских штампов. И это в первую очередь касалось проблем военных конфликтов и международных отношений в XX веке, в том числе – японской военной интервенции на Дальнем Востоке России. Такая ситуация стала серьёзным тормозом как собственно для развития отечественной исторической науки, так и для общественно-политического развития страны. Принципиально не смогли изменить ситуацию и труды дальневосточных историков, подготовивших новые сборники документов [Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России, 1997], и основательные обобщающие работы [Дальний Восток России, 2003]. Один из современных российских историков так оценил сложившуюся в отечественной исторической науке ситуацию: «Многие работы о дальневосточном театре Гражданской войны отличаются исключительно обличением «японского милитаризма», что, конечно, мало способствует пониманию исторических процессов, происходивших на дальневосточной окраине России в то время. Актуализация советских пропагандистских штампов, очевидно, не может способствовать как развитию самостоятельной российской

школы изучения Гражданской войны, так и полноценному диалогу научных сообществ двух стран» [Попов, 2019, с. 22].

Почти три десятилетия российская историческая наука развивается в новых общественно-политических условиях. Однако современная историография японской военной интервенции в своей основе остается на «советских рельсах». И это не случайно, так как специальные исследования по современной историографии советско-японских отношений показывают, что за первые четверть века постсоветского развития российской исторической науки у нас не появилось значимых или заметных исследований по истории японской военной интервенции в России [Катасонова, 2015, с. 285–303]. За это время в России не было защищено ни одной диссертации по данной теме [Тимонина, 2015, с. 364–385].

Конечно, же, ведущие российские японоведы не могли совершенно игнорировать эту тему. Проблемы японской интервенции поднимались в трудах В.Э. Молодякова, который ввёл в научный оборот новые исторические документы японского происхождения, посмотрел на проблему через соотношение русского евразийства и японофобии чиновничества [Молодяков, 2006, с. 255–315]. Из фундаментальных исследований по истории международных отношений на Дальнем Востоке необходимо отметить труд выдающегося российского китаевода М.В. Крюкова «Весна и осень революционной дипломатии». И хотя работа посвящена проблемам советско-китайских отношений, в ней поднимаются и проблемы японской интервенции, раскрытые на основе новых, впервые вводимых в научный оборот исторических источников [Крюков, 2015].

Однако указанные примеры явились исключением из правил, по-прежнему в большинстве публикаций сохранялась старая риторика, подтверждение своих утверждений ссылками не на документы, а на советскую литературу. Типичные подходы можно увидеть в публикациях А. Кошкина, который пишет, что «японские оккупанты» «использовали своих ставленников из числа укрывшихся на территории Китая... Семенова, Калмыкова, Гамова. С их помощью на оккупированных японскими войсками территориях... реставрировались старые, дореволюционные порядки» [Кошкин, 2009, с. 151]. Этот автор утверждает, что в 1922 г. японское правительство «стало открыто готовить отторжение Приморья» [Кошкин, 2009, с. 151], подтверждая данное заявление ссылкой на изданную в советское время в Новосибирске книгу Б.М. Шерешевского. Таким образом, мы можем согласиться с выводами современных исследователей о том, что: «Современная историческая наука в части изучения иностранной военной интервенции во многом продолжает традиции, когда исследования подменяются текстами агитационно-пропагандистской направленности. Зачастую в научных публикациях, специально посвящённых проблемам истории японской интервенции, авторы ограничиваются набором широко известных фактов и штампов [Гельман, 2017, с. 103–110].

На 2017–2022 гг. приходится столетний юбилей событий Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России. Как это традиционно принято, юбилей вызвал повышенный общественный интерес к событиям, в последние годы в России вышло много новых публикаций, посвящённых Гражданской войне и иностранной военной интервенции. И целью данной работы является рассмотреть степень изученности японской интервенции в современной российской историографии

В основе исторического исследования лежат исторические источники. Современные историки справедливо указывают: «Пересмотр устоявшегося тенденциозного взгляда на

японскую интервенцию может быть осуществлён с опорой на ранее неизвестные источники...» [Попов, 2019, с. 22]. Поэтому сначала мы посмотрим, как представлена данная тема в публикациях исторических источников, вышедших в последние годы.

В 2017 г. в издательстве «Политическая энциклопедия» вышел трёхтомник «Революция 1917 года глазами современников» [Революция, 2017]. В третьем томе это издания были собраны публикации ведущих изданий революционной России за октябрь 1917 – январь 1918 гг. В их числе есть материалы, отражающие проблемы начала японской военной интервенции. В «Ноте держав» от 10 ноября 1917 г. говорится: «всякое нарушение договора со стороны России повлечёт за собой самые тяжёлые последствия». В числе других «Ноту» подписал «Таканнаки¹, начальник Японской военной миссии» [Революция, 2017, с. 368].

В начале декабря 1917 г. петроградская кадетская газета «Наш Век» опубликовала сообщение из Владивостока, в котором говорилось: «По поводу слухов о высадке японцами десанта во Владивостоке наш сотрудник сообщает следующее: такие слухи являются не впервые» [Революция, 2017, с. 525]. По поводу причин появления слухов очевидец назвал слабость России: «Если окажется очевидным попирание чужих прав, настраивать мирного жителя Владивостока или Восточной Сибири на тревожное ожидание попирания его прав как хозяина территории» [Революция, 2017, с. 526]. В статье делалось предположение, что одной из причин появления «тревожных слухов» было «Желание путём провоцирования или прозондировать почву действительного положения японцев в отношении Владивостока и Восточной Сибири, или оказать распространением таких тревожных слухов давление на борющиеся у нас политические партии. Сейчас можно утверждать, что японцы против нас не проявляют никакого озлобления» [Революция, 2017, с. 526]. Таким образом, опубликованные в данном сборнике материалы дают более сложную картину событий, чем традиционно представляли её отечественные историки. Однако данная публикация не может оказать большого влияния на развитие науки, так как газетные материалы и прежде были доступны широкому кругу исследователей, а их информативность и степень объективности сильно ограничены.

Среди значимых публикаций источников необходимо отметить изданный в 2018 г. сборник документов и материалов «Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг.» [Чешско-Словацкий, 2018]. В сборник включены документы из российских (в основном, Российского государственного военного архива – РГВА) и чешского военно-исторического архива, в которых отражены самые разные проблемы иностранной военной интервенции. В сборник вошло 544 документа, и в большинстве из них так или иначе отражаются вопросы, связанные с японской военной интервенцией в России. В качестве примера можно привести такие документы: «Сводка Военного контроля РККА с 1 по 15 июня 1918 г. о попытках Англии и Франции вовлечь Японию в состав международных военных контингентов в Сибири и на Дальнем Востоке и наличии разветвлённой германской шпионской сети на территории Советской России» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 297–298]; «Оперативная сводка штаба Восточно-Сибирской советской армии о местах дислокации остатков армии Каппеля и частей атамана Семёнова, а также сведения о деятельности японцев в Сибири» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 813]; «Декларация правительства Японии об

¹ Правильно: Такаянаги Ясутаро (1870–1951).

уходе императорских войск с территории России (Сибирь и Дальний Восток) после полной эвакуации чехословацких частей» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 843] и др.

В России продолжается начатая несколько десятилетий назад публикация дневников и мемуаров представителей белого движения, тех, кто опирался в своей борьбе на помощь японцев. В 2018 г. в Москве вышли мемуары бывшего командующего Восточным фронтом армии адмирала А.В. Колчака генерала К.В. Сахарова [Сахаров, 2018]. Воспоминания одного из русских антисоветских лидеров не только отражают субъективную положительную оценку японской военной интервенции, но и детализируют события, опровергая некоторые шаблоны. Например, в воспоминаниях К.В. Сахарова представлена следующая позиция японцев во время переворота в Иркутске: «Узнав об аресте верховного правителя... японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким, ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддержали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска» [Сахаров, 2018, с. 244].

В 2018 г. в Тюмени были изданы воспоминания известного сибирского политического деятеля времен Гражданской войны И.К. Окулича [Суринов, 2018]. Здесь представлена критическая оценка японской интервенции: японцы «стремились насадить в Сибири порядки Мексики с её продажными генералами» [Суринов, 2018, с. 74]. В воспоминаниях отмечается: «От профессора Гудкова и от Казачьих организаций Дальнего Востока я получил ряд материалов о том своеволии, грабежах и захвате, которые творят японские военные власти на Дальнем Востоке при полном, невольном, попустительстве Приамурского Правительства...» [Суринов, 2018, с. 99]. Данный документ отражает позицию сибирской демократической общественности, но не может дать заметного вклада в восстановление исторической картины событий японской военной интервенции.

В 2019 г. в Хабаровске в виде каталога выставки были опубликованы фотографии и фрагменты документов, отражающие события Гражданской войны на Дальнем Востоке, в том числе и японской военной интервенции [Хабаровск, 2019]. На одних фотографиях японцы, как представители союзной России державы, стоят рядом с русскими коллегами. На других же – японские артиллеристы обстреливают Хабаровск, солдаты позируют на фоне погибших русских революционных солдат. Вся логика выставки указывает не на традиционную догму о «коварных замыслах», а говорит о беспощадной логике военного вмешательства в события в чужой стране, независимо от «замыслов». Эта логика проходит через весь альбом, от сентиментальных фотографий с русскими детьми и соратниками до разрушенных зданий и трупов тех, кого пришли спасать. Картину дополняют отрывки из документов. Таким образом, составители Каталога выставки «Повседневность Гражданской войны и интервенции», как это и бывает при введении в широкий оборот исторических источников, внесли большой вклад в создание более объективной картины японской военной интервенции в России. Форма подачи материала способствует более быстрому влиянию на общественное сознание, чем, например, академические издания исторических источников.

Таким образом, в современной России продолжается работа по публикации документов, отражающих события столетней давности, в том числе и японскую военную интервенцию. Однако значимых публикаций, способных оказать влияние на развитие историографии вопроса, не появилось.

Несмотря на то, что в постсоветской историографии в целом сохраняется традиция подменять исследование японской интервенции декларированием устойчивых тезисов и штампов или оставлять эту тему за рамками обобщающих исследований, процесс изучения истории японской военной интервенции всё же идёт. Российские историки вводят в научный оборот новые источники, поднимают интересные проблемы, детально изучают некоторые частные вопросы [Конев, 2013, с. 217–225].

Среди популярных сегодня тем – образ японской интервенции в сибирской и дальневосточной прессе. Историк из Омска М.М. Стельмак в статье «Восприятие Японии в общественно-политической прессе Западной Сибири (ноябрь 1918–1919 г.)» представил «анализ интерпретации внешней политики Японии в газетах антибольшевистского движения в Сибири» [Стельмак, 2019, с. 358]. Автор утверждает: «Общественно-политические газеты неоднозначно воспринимали образ Японии, так как не было единого подхода к изображению в прессе этого союзника» [Стельмак, 2019, с. 366]. Автор приходит к выводу: «Материалы приведённых периодических изданий показывают, что общественно-политические деятели Западной Сибири были крайне заинтересованы в наличии такого союзника, как Япония. В связи с этим было необходимо публиковать в прессе материалы, направленные на положительное освещение японской политики» [Стельмак, 2019, с. 369].

Интересной представляется статья московского историка Ф.А. Попова «Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе: политика и повседневность (1920–1922)». На материале двух владивостокских газет «автор реконструирует образ японской интервенции, сформировавшийся в общественном сознании в 1920–1922 гг.» [Попов, 2019, с. 22]. Автор приходит к выводу, что «образ японского интервента по-разному выстраивается в прессе правого (националистического, монархического) и левого (социалистического, либерального) направления. Если левые априори были враждебны Японии из-за её вмешательства в Гражданскую войну, то правые критиковали японцев за недостаточную, по их мнению, вовлечённость в борьбу с большевизмом» [Попов, 2019, с. 22]. Данная работа является шагом вперёд в исследовании истории японской военной интервенции, хотя ограниченный круг источников не позволил увидеть всю сложность и противоречивость исторической картины.

Другой близкой темой является опыт японской информационно-пропагандистской работы во время интервенции. В Новосибирске в 2019 г. издана написанная на основе материалов из фондов региональных сибирских архивов статья «Информационно-пропагандистская и издательская деятельность японских интервентов на востоке России (1918–1922 гг.)» [Посадсков, 2019, с. 245–250]. Интересный исторический сюжет затронут в небольшой статье «Газета «Владивосток-Ниппо» как исторический источник о Дальнем Востоке в годы Гражданской войны» [Болтаевский, 2019, с. 111–116].

Интересную проблему, связанную с японской интервенцией, исследовал омский историк Д. Петин, опубликовавший в Петербурге статью «О военных деньгах Сибирской экспедиции Японских войск». Он пишет: «одним из наглядных и очевидных примеров финансово-экономической интервенции является эмиссионная практика японских властей, начатая осенью 1918 г. сразу вслед за появлением Сибирской экспедиции японских войск на русском Дальнем Востоке. Данным термином (в русской транскрипции звучащим, как «Сибэриа сюппэй») называют участие войск Японской империи...» [Петин, 2016, с. 6].

Иркутский историк В.А. Шаламов на основе материалов периодической печати и воспоминаний участников событий исследовал «медицинский аспект» японской интервенции в Забайкалье [Шаламов, 2017, с. 288–296]. Автор показал русско-японское сотрудничество в борьбе с эпидемиями и в подготовке русских медицинских кадров, привёл данные об объёмах медицинской помощи, предоставленной военными медиками русскому гражданскому населению. Иркутский историк делает вывод: «Сам факт активной деятельности медработников интервентов говорит о гибкости их политики, которую можно трактовать как «политику мягкой силы»» [Шаламов, 2017, с. 295].

Среди современных публикаций следует обратить внимание на статью старшего научного сотрудника Института истории СО РАН А.Г. Теплякова, посвящённую проблемам белого террора в Сибири и на Дальнем Востоке. Автор пишет: «Чрезвычайно сильно мифологизированным был и остаётся эпизод, связанный с расправой японских и белых войск над с. Ивановка в Амурской области» [Тепляков, 2016, с. 179]. Автор подробно описывает ход событий, показывая, что подавляющее число жертв в селе Ивановка были убитыми в ходе боевых действий красными партизанами, и отмечает: «Для современной мифологии характерно отнесение часто упоминаемых 257 жертв за счёт японских оккупантов при игнорировании роли белогвардейцев» [Тепляков, 2016, с. 185]. Автор делает вывод: «Помимо вышеописанных, мифологичны и многие другие эпизоды гражданского противостояния, до сих подаваемые односторонне, в соответствии с давней советской традицией. Введение в оборот новых исторических документов позволит восстановить объективную картину Гражданской войны на Дальнем Востоке, отделив реальные эксцессы от надуманных» [Тепляков, 2016, с. 186].

Интересное и глубокое исследование, основанное на новых, впервые вводимых в научный оборот материалах, представил исследователь А. Пастухов. В его статье детально рассмотрены сложные проблемы «Николаевского инцидента», ставшего одним из самых противоречивых и трагических событий японской военной интервенции в России [Пастухов, 2017, с. 37–56]. Интересные аспекты истории японской интервенции нашли отражение в других статьях этого автора, например, парад в честь окончания Первой мировой войны во Владивостоке 15 ноября 1918 г. [Пастухов, 2017, с. 15–32].

Для характеристики современной историографии целесообразно рассмотреть фундаментальную монографию известного историка В.Ж. Цветкова «Белое дело в России», вышедшую вторым, дополненным и исправленным изданием в Москве в 2019 г. История японской интервенции не была предметом исследования, но в работе приводятся интересные факты, указывающие на различные противоречия в отношениях между интервентами и различными антисоветскими лидерами и политическими силами. Автор пишет: «26 сентября главой Междусоюзной Комиссии военных представителей японским генералом Инагаки Розанову был предъявлен ультиматум о выводе в трёхдневный срок из города «разных русских отрядов», прибывших сюда «за последний месяц»... назревший инцидент был жёстко и однозначно разрешен самим Колчаком... (который – В.Д.) категорически запретил вывод войск из города» [Цветков, 2019, с. 13]. Кроме того, в работе говорится о спасении японцами русских, бежавших от большевиков: «Главкомандующий союзными войсками во Владивостоке маршал Оой... не считал возможным противодействовать вступившим в город партизанским отрядам. Части американского воинского контингента открыто поддерживали партизан, и японские военные могли лишь содействовать эвакуации

офицерских семей из крепости» [Цветков, 2019, с. 803]. Таким образом, в данной работе даётся более сложная и противоречивая картина событий, чем в большинстве публикаций, а автор избегает пропагандистских штампов.

В последние годы проблемами истории японской военной интервенции занимались ведущие отечественные японоведы. И это не случайно, так как для расширения источниковой базы исследований следует привлечь документы японского происхождения. Начиная с 2017 г. серию своих работ представил читателям ведущий научный сотрудник Института востоковедения К.О. Саркисов. Несколько статей на эту тему, выполненных на основе японских документов, были опубликованы в «Японских исследованиях» [Саркисов, 2017, ч. 1, с. 16–32; Саркисов, 2017, ч. 2, с. 3–18]. Публикация начинается со слов: «Японская интервенция в Сибири (1918–1922) – одна из мрачных страниц не только в истории двухсторонних отношений, но и внешней политики самой Японии» [Саркисов, 2017, ч. 1, с. 16]. Но в работе показаны не «коварные замыслы», а сложный и запутанный клубок проблем и противоречий. В 2019 г. в Институте востоковедения РАН вышла монография К.О. Саркисова «Япония и Советская Россия», вторая глава которой называется «Сибирская интервенция» [Саркисов, 2019, с. 83–166]. С первых строк этого параграфа автор старается дать подробную картину японской интервенции. Например, он указывает, что в январе 1918 г. во Владивосток с войсками пришло четыре японских судна, а глава правительства Тэраути заявил в парламенте о невмешательстве в дела в России и о том, что японцы и не планировали высадки десанта во Владивостоке [Саркисов, 2019, с. 83–84]. Российский японовед, опираясь на документы, показывает, что Япония в 1918 г. действительно готовилась противостоять захвату Германией России как в случае наступления германской армии на Петроград, так и исходя из опасности возможных действий десятков тысяч бывших военнопленных немцев в восточных районах России. Опираясь на японские документы, К.О. Саркисов указывает, что идея ставки на атамана Г.М. Семёнова, изначально была не японской, а европейской [Саркисов, 2019, с. 89]. В работе детально описываются события дипломатической истории, показано, насколько сложным для японской элиты было решение о начале интервенции и как болезненно на это отреагировало японское общество. По вопросу о захватнических планах Японии К.О. Саркисов пишет так: «Помимо проблем военной оккупации... Япония с самого начала столкнулась с неразрешимой задачей формирования в условиях гражданской войны на огромном пространстве единой и эффективной власти... Естественным образом возникали идеи раскола России на какие-то части, где можно было бы добиться консолидации антибольшевистских режимов. Этому искушению традиционно были подвержены японские военные и прежде всего Генштаб сухопутных войск с его знаменитыми «спецорганами», нацеленные на геополитическую экспансию как на нечто само собою разумеющееся... В японском МИД... считали идею раскола России нереальной и поэтому политически рискованной. Содействие консолидации России на свободном от «экстремистов» (большевиков) пространстве казалось реальнее и перспективнее в расчёте на появление сильного и авторитетного национального «игрока»» [Саркисов, 2019, с. 117–118]. Автор показывает, как «наивысший дипломатический представитель Токио» настойчиво боролся с сепаратистскими настроениями антисоветских лидеров и поддерживавших их японских военных. Значительная часть второй и первый параграф третьей глав посвящены воссозданию исторической картины советско-японских переговоров по проблемам интервенции и вывода японских войск из России. В целом, вышедшая в 2019 г. работа

К.О. Саркисова, написанная на основе японских документов, в том числе и впервые вводимых в научный оборот, вносит большой вклад в изучение проблем японской военной интервенции в России.

Традиционно много внимания вопросам японской военной интервенции уделяют в тех регионах, где сто лет назад и размещались японские войска. В начале XXI в. много внимания проблемам истории японской военной интервенции уделили хабаровские историки [Дальний Восток, 2003; Из истории, 2007]. Вопросы, связанные с японской интервенцией, затрагиваются хабаровскими историками в монографии «Социалисты-революционеры в период Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1922)». История вопроса в этой работе начинается с того, что: «В марте 1918 г. эсеры и меньшевики... установили связи с японским консульством и пытались сдать вице-консулу Ямагучи значительную сумму денег на хранение» [Кузьмин, 2016, с. 73]. В числе последних публикаций можно назвать также статью «Железные дороги Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны (1918–1922)» [Ежеля, 2019, с. 152–158].

В целом же хабаровские историки предпочитают избегать проблем истории японской военной интервенции, а в случае, если это сделать невозможно, они сохраняют старые подходы. В качестве иллюстрации можно привести вводную статью хабаровского историка Ю.Н. Ципкина к каталогу выставки «Хабаровск: повседневность Гражданской войны и интервенции». В статье присутствуют такие положения: «Надуманными причинами иностранного вмешательства явились тезис о «помощи чехословакам», стремящимся выехать на родину... необходимости защиты складов воинских материалов и продовольствия... от большевиков и «германских агентов»» [Хабаровск, 2019, с. 3]. Очевидно, использование слова «надуманные» является данью советской традиции, так как в 1918 г. Антанта продолжала сражаться с Германией, а Советское правительство действительно создавало препятствия чехословацкому корпусу. Да и японская сторона официально в числе первых причин отправки своих войск в Россию называла защиту жизни и имущества японских подданных. Применительно к противоречивым и трагическим событиям весны 1920 г. в Приморье хабаровский историк использует такие слова: «интервенты попытались насадить в Приморье марионеточную администрацию из белогвардейцев» [Хабаровск, 2019, с. 14], не объясняя, кого и почему (кроме К.Т. Лихойдова), он называет «марионетками».

Во Владивостоке вопросами истории японской интервенции занимается главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭНДВ) ДВО РАН Л.И. Галлямова. Публикации этого исследователя, как правило, свободны от устаревших штампов и пропагандистских лозунгов. Среди причин иностранной интервенции автор называет «радикальную политику большевистского правительства», а целями: «добиться дальнейшего участия России в мировой войне» и «не допустить утверждения власти Совета» [Галлямова, 2018, с. 3–15]. Недостатком можно считать почти полное отсутствие новых, ещё не введённых в научный оборот исторических источников.

Владивостокские историки в последние годы уделили особое внимание событиям 4–5 апреля 1920 г. Сотрудники Дальневосточного федерального университета в 2017 г. опубликовали статью «К событиям 4–5 апреля 1920 г. в Приморской области» [Красицкий, 2017, с. 84–89]. Авторы, опираясь на документы Государственного архива Приморского края, показали сложные проблемы, возникшие в русско-японских отношениях на территории Приморья в начале 1920 г. В частности, приводятся примеры взаимного насилия

и провокаций, имевших место в отношениях между бывшими красными партизанами и японскими солдатами. На примере столкновений между русскими и японскими частями в разных районах Приморской области авторы показали полную неготовность бывших красных партизан хоть как-то противостоять японским войскам. В конце статьи представлен следующий итог событий: «Начинался новый этап интервенции, всё больше и больше становившийся похожим на оккупацию. Новый командующий вооруженными силами земской управы генерал-лейтенант Болдырев очень метко назвал договор от 29 апреля 1920 г. «дальневосточным Брестом»» [Красицкий, 2017, с. 88].

Этому же сюжету посвящена статья старшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭНДВ) ДВО РАН Т.З. Позняк «Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта». Автор на основе архивных документов проанализировала «стратегии поведения жителей города в условиях насилия со стороны японских военных и вооружённых боев на городских улицах» [Позняк, 2019, с. 16]. В ряду сделанных по итогам исследования выводов есть и такой: «действия японских интервентов во время нападения на российский гарнизон 4–6 апреля 1920 г. отличали подготовка, попытка представить своё выступление как ответ на провокацию со стороны русских войск, необоснованное насилие... Действия японских интервентов... представляют собой безумный акт вандализма...» [Позняк, 2019, с. 24].

Среди регионов, где историки отличаются активностью и имеют большой авторитет в местном обществе, выделяется Забайкальский край. В части японской иностранной интервенции, как и событий всей Гражданской войны, забайкальские историки в XXI в. сохраняют советские подходы, оценки и опираются на советские публикации [Очерки, 2009]. В качестве примера можно подробнее остановиться на содержании фундаментального многотомного труда – «Энциклопедии Забайкалья». В одной из статей даётся такая характеристика японской интервенции: «Под видом поддержки белого режима Япония создавала условия для отторжения заб., приамурской и приморской тер. от РСФСР, предполагая создание марионеточного правительства» [Энциклопедия, 2014, с. 600]. Далее читинские авторы пишут, что русские антисоветские силы в Забайкалье были союзниками японских интервентов, тем самым превращая забайкальских казаков и большую часть местного русского населения Забайкалья в коллаборационистов. Читинские авторы утверждают, что в 1920 г. произошло «изгнание японских оккупационных войск», но современники событий такие оценки не использовали только «из-за дипломатических соображений» [Энциклопедия, 2014, с. 601].

Справедливости ради необходимо отметить, что Забайкальские историки, как и большинство представителей отечественной исторической науки, декларируют отход от упрощённых штампов. Например, описание событий Гражданской войны начинается со слов «Братоубийственная Гражданская война – одна из самых трагических страниц отечественной истории» [Нерчинский, 2015, с. 330]. Но далее идут советские штампы: «отряд атамана Г.М. Семёнова, поддерживаемый японскими интервентами, вторгся с территории Маньчжурии в Забайкалье» [Нерчинский, 2015, с. 331]. Позиция современных историков заключается в том, что «хороший» молдавский дворянин С. Лазо, всю мировую войну просидевший в тылу, с военнопленными венграми спасал сибиряков от антинародных замыслов местного казака-фронтовика Г. Семёнова и помогавших ему коварных японцев.

При этом в книгах сами забайкальские историки представляют богатейший фактический материал, не вписывающийся в устаревшие штампы, исследуя, например, биографию выпускника Читинской гимназии 1918 г. М.П. Григорьева [Нерчинский, 2015, с. 333].

Много внимания японской интервенции уделяют историки из другого забайкальского региона – Бурятии. В работе доктора исторических наук В.А. Гельман «Японская интервенция в Забайкалье» приводятся некоторые факты, которые, всё же, без специальных пояснений и детализации не раскрывают историческую картину событий: «В Забайкалье находились две дивизии численностью около 28 тыс. чел. под командованием полковника Отари» [Гельман, 2017, с. 104]; «10 января 1920 г. восстание в Усть-Селенгинском районе привело к победе восставших и изгнанию японцев» [Гельман, 2017, с. 106]. Недостаток исторической информации компенсируется упрощёнными тезисами, без детализации и проблемного поля: «Согласившись принять участие в интервенции в России, Япония стремилась в первую очередь к захвату Сибири, интенсивно скупала большие земельные участки, копи, дома, промышленные предприятия. В целях беспрепятственного захвата Востока России, она поддерживала любые сепаратистские движения... Япония... стремилась к расчленению России» [Гельман, 2017, с. 105].

Нередко набором старых тезисов и штампов ограничиваются в своих трудах молодые историки. Примером тому может послужить статья аспирантки из Бурятии «Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК)». Возраст учёного и название статьи позволяет надеяться на серьёзный вклад в расширение исторической картины японской интервенции. Но аспирантка продолжает советские традиции «списывания на японцев» всех проблем Забайкалья времён Гражданской войны: «Большой ущерб от японской интервенции получила промышленность Забайкалья... Семёновцами из Читы вывезены два кожевенных завода – Акулова и Чернова, механическая фабрика обуви – Мекиладзе... Интервенты, особенно американские и японские, расхищали народное добро» [Минаева, Пребывание, 2017, с. 17]. Приведя данные о разрушениях в Верхнединском уезде, ставших следствием ожесточённых боёв между красными партизанами и японо-семёновскими войсками, молодая исследовательница почему-то сделала вывод о том, что «японская интервенция в Забайкалье... контролировалась правительствами США, Англии, Франции. Главной целью японской интервенции было отторжение части Сибири и Дальнего Востока от России и вхождение этих территорий в состав Японии в качестве «сырьевой» колонии» [Минаева, Пребывание, 2017, с. 18]. Можно сделать вывод, что молодой историк, прикрывшись красивым названием, просто повторила старые штампы. В следующей статье, «Действия японских войск на территории Забайкалья...», тезис о японских захватнических целях сформулирован мягче: «Политические лидеры Японии ставили себе задачу, воспользовавшись сложной внешней и внутренней ситуацией в России, под любыми предлогами включить в свою сферу влияния, а при более благоприятных условиях и осуществить захват Российского Дальнего Востока и Восточной Сибири» [Минаева, Действия, 2017, с. 129], и это утверждение снабжено ссылкой, но не документ, а на «Историю Бурятии». Для раскрытия заявленного в названии статьи вопроса о «действиях японских войск в Забайкалье» автор приводит такую цитату: «перед отходом, когда нагружался пароход, японский солдат ударил одного матроса только потому, что тот по незнанию не пропустил корейца» [Минаева, Действия, 2017, с. 129]. Здесь, вероятно, речь идёт не о действиях японских войск, и не о Забайкалье. В целом, в статьях

молодого автора поднимаются проблемы, связанные с японской военной интервенцией, но не представлено исторической картины действий японских войск в Забайкалье.

Во всех статьях, касающихся японской военной интервенции, включённых в опубликованный в 2017 г. в Улан-Удэ сборник, присутствуют утверждения о том, что целью Японии в 1917–1922 гг. были либо расчленение России, либо присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока к Японии. О том, что целью Японии в России был «раздел территории страны» утверждается и в статье Ю.А. Кубриковой «К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны» [Кубрикова, 2017, с. 132–135], правда, опять без ссылок на документы или конкретных примеров. Фактически, авторы вместо восстановления исторической картины на широкой источниковой базе, выявления причинно-следственных связей, в своих публикациях ограничились повторением старых штампов.

Отмеченные особенности содержания работ дальневосточных и забайкальских историков типичны для всей современной российской историографии, где при наличии некоторых исторических исследований преобладают публикации, в которых авторы отсутствие новых документов, критики источника, анализа проблем компенсируют набором старых пропагандистских штампов, обозначая актуальность лишь «актуальным» названием. Например, автор статьи «Военное искусство противоборствующих сторон в годы гражданской войны и военной интервенции в России (1917–1922 гг.)», будучи полковником и кандидатом исторических наук, без каких-либо ссылок на документы пишет: «Руководители Антанты решили силами армий и флотов при помощи белогвардейцев уничтожить Советскую республику и расчленить её территорию» [Паршин, 2019, с. 38]. При этом собственно проблема «военного искусства» японских интервентов, несмотря на название статьи, автором вообще не затрагивается.

Сложившаяся в российской исторической науке ситуация, когда для всестороннего изучения японской военной интервенции не появилось запроса власти и общественности, способствует тому, что серьёзные историки зачастую игнорируют эту тему. Например, в 2018 г. Институт российской истории РАН подготовил и выпустил коллективную монографию «Россия в годы Гражданской войны» [Россия, 2018]. Но в этой коллективной работе, состоящей из 14 статей, тема иностранной военной интервенции не затрагивалась.

Таким образом, в современной российской историографии проблемы японской военной интервенции остаются практически неизученными. Степень изученности вопроса, несмотря на появление ряда интересных работ, в целом остаётся на уровне, достигнутом в 1930-х годах. В силу отсутствия общественного запроса и труднодоступности документов российские историки не берутся за тему, даже при наличии такого повода, как столетний юбилей событий. Такая ситуация является отражением как общего уровня изучения истории России XX века, так и сложившейся ситуации в российско-японских отношениях. В России сохраняется традиция видеть во всех проблемах и конфликтах на востоке лишь угрозу территориальной целостности, игнорируя тем самым сложность и многослойность противоречий, ведущих к конфликтам. Тем не менее, имеющийся в России потенциал японоведческих и военно-исторических исследований позволяет в кратчайшие сроки поднять на качественно новый уровень степень изученности истории японской военной интервенции. А это, в свою очередь, окажет положительное влияние на развитие российско-японского диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Болтаевский А.А. Газета «Владивосток-Ниппо» как исторический источник о Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в.: к 30-летию вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции / отв. ред. Д.П. Самородов. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. С. 111–116.

Бурят-Монголия в борьбе за Советы (Сборник воспоминаний и документов). Иркутск: Вост-Сиб. краевое отделение Партиздата, 1933. 219 с.

Восточный Курьер.

Галлямова Л.И. Дальний Восток России накануне Гражданской войны и военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники. Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 3–15.

Галлямова Л.И. Российский Дальний Восток в преддверии Гражданской войны и иностранной военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории историографии. Т. 7. СПб., 2019. С. 211–229.

Гельман В.А. Японская интервенция в Забайкалье // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 103–110.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Губельман М.И. Борьба за советский Дальний Восток. М.: Воениздат, 1955. 206 с.

Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.

Ежеля У.В., Ципкин Ю.Н. Железные дороги Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны (1918–1922). Статья первая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Вып. 4. Актуальные проблемы психологии человека в цифровом пространстве. С. 152–158.

Железнодорожник-Кооператор.

Жуков Е.М. История Японии. Краткий очерк. М.: Гос. соц-эк. изд-во, 1939. 220 с.

История Гражданской войны в СССР. Т. 5. Конец иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). М.: Госполитиздат, 1960. 420 с.

Катасонова Е.Л. Исследования в области истории российско-японских отношений // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 285–303.

Кондратенко Б.Б. Характер японской военной интервенции на Дальнем Востоке, 1918–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники. Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 35–38.

Конев К.А. Образ американской и японской интервенции в периодической печати Сибири и Дальнего востока (август 1918 – апрель 1920 г.) // Актуальные проблемы

исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сборник материалов третьей Всероссийской молодёжной научной конференции. Новосибирск, 2013. С. 217–225.

Кошкин А. От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 140–155.

Красицкий О.Г., Федирко О.П. К событиям 4–5 апреля 1920 г. в Приморской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. Вып. 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 84–89.

Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920). Разгром объединённых вооружённых сил империалистических держав и российской контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке. Кн. 2. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1984. 224 с.

Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1: 1917–1922. М.: Памятник исторической мысли, 2015. 615 с.

Кубрикова Ю.А. К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 132–135.

Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М. Социалисты-революционеры в период Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1922). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016. 231 с.

Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т. 1991. 120 с.

Маклюков А.В. Сучанские государственные копи в условиях Гражданской войны и интервенции (1918–1922 гг.) // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 119–125.

Минаева В.Ю. Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 14–18.

Минаева В.Ю. Действия японских войск на территории Забайкалья в годы гражданской войны (по материалам периодической печати) // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 128–131.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.

Мышов Н.А. «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчёт белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 73–82.

Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М.: «Мысль», 1972. 472 с.

Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-середины 1980 гг. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 143 с.

Пастухов А.М. Куда ушёл ваш китайчонок Линь? Китайская интервенция в Приморье и Приамурье, 1918–1921 годы // «Арсенал-Коллекция». 2017. № 2. С. 15–32. С. 24.

Пастухов А.М. Канонерки, золото хунхузы: отряд ВМФ Китая в Николаевском инциденте (1920) // «Арсенал-Коллекция». 2017. № 9. С. 37–56.

Петин Д. О военных деньгах Сибирской экспедиции Японских войск // Петербургский Коллекционер. 2016. № 2(94). С. 6–9.

Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918): Документы и материалы. Владивосток: ДВО РАН, 1997. 304 с.

Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 15–26.

Попов Ф.А. Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе: политика и повседневность (1920–1922) // История: факты и символы. 2019. № 3(20). С. 22–32.

Посадсков А.Л. Информационно-пропагандистская и издательская деятельность японских интервентов на востоке России (1918–1922 гг.) // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д.А. Цыплаков. Новосибирск: Новосибирская Православная духовная семинария, 2019. С. 245–250.

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия. Ч. 1 // Японские исследования. 2017. № 3. С. 16–32. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00017

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия. Ч. 2 // Японские исследования. 2017. № 4. С. 3–18. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00025

Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917–1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 511 с.

Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. 312 с.

Стельмак М.М. Восприятие Японии в общественно-политической прессе Западной Сибири (ноябрь 1918–1919 г.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 357–371.

Стрельцов Д.В. Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 56–76. DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10003

Тепляков А.Г. Террор атаманов и интервентов против красных партизан Сибири и Дальнего Востока: мифы и факты // Актуальные вопросы философии, истории и юриспруденции. Новосибирск: НГУЭУ. 2016. С. 168–187.

Тимонина И.Л. Диссертации по японоведению в России, защищенные за 20 лет (1995–2014) // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 364–385.

Хабаровск: повседневность Гражданской войны и интервенции. 1918–1922. Каталог выставки. Авторы-составители: А.С. Колесников, Е.В. Гончарова. Хабаровск: Двоичный кот, 2019. 120 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Шаламов В.А. Японская интервенция в Забайкалье (1919–1920): медицинский аспект // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2017. С. 288–296.

Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1974. 188 с.

Якимов А.Т. Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920–1922). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 120 с.

Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / подготовил к печати И. Минц. М.: [б. и.], 1934. 236 с.

REFERENCES

Boltaevskij, A.A. (2019). Gazeta «Vladivostok-Nippo» kak istoricheskiy istochnik o Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoy voyny [The Newspaper "Vladivostok-Nippo" as a Historical Source about the Far East Region during the Civil War], in *Rossiya v voynah i lokal'nykh voennykh konfliktakh HKH – nachala HKHI V.: k 30-letiyu vyvoda Ogranichennogo kontingenta sovetskiy voysk iz Afganistana: Sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konferencii*, ed. by D.P. Samorodov, Sterlitamak: Sterlitamaskij filial BashGU: 111–116. (In Russian).

Buryat-Mongoliya v bor'be za Sovety (Sbornik vospominaniy i dokumentov) [Buryat-Mongolia in the Struggle for the Soviets (Collection of Memoirs and Documents)] (1933). Irkutsk: Vost-Sib. kraevoe otdelenie Partizdata, 1933. (In Russian).

Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. T. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya vojna v Rossii. 1918-1920 gg. [Czech-Slovak (Czechoslovak) corps. 1914-1920. Documents and materials. Vol. 2. Czechoslovak legions and the Civil war in Russia. 1918-1920] (2018). Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoy voyny [The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War] (2003). Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

Ezhelya U.V., Tsipkin Yu.N. (2019). Zheleznnye dorogi Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Grazhdanskoy voyny (1918-1922) [The Railways of Siberia and the Far East during the Civil War (1918-1922)], in *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke*, Is. 4, Aktual'nyye problemy psikhologii cheloveka v tsifrovom prostranstve: 152-158. (In Russian).

Gallyamova, L.I. (2018). Dal'niy Vostok Rossii nakanune Grazhdanskoy voyny i voennoy interventsii (konets 1917 – sentyabr' 1918 g.) [The Russian Far East on the Eve of the Civil War and Military Intervention (End of 1917 – September 1918)], in *Grazhdanskaya vojna i interventsia na Dal'nem Vostoke Rossii: prichiny, osobennosti, uchastniki Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik materialov*, Vladivostok: 3–15. (In Russian).

Gallyamova, L.I. (2019). Rossijskiy Dal'niy Vostok v preddverii Grazhdanskoy voyny i inostrannoy voennoy interventsii (konets 1917 – sentyabr' 1918 g.) [The Russian Far East on the Eve of the Civil War and Foreign Military Intervention (End of 1917 - September 1918)], in

Rossiya v epohu revolyucij i reform: problemy istorii istoriografii, Vol. 7, Saint Petersburg: 211–229. (In Russian).

Gel'man, V.A. (2017). Yaponskaya interventsia v Zabaykal'ye [The Japanese Intervention in the Transbaikalia], in *Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytii v Rossii i periodu Grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ulan-Ude: VSGUTU: 103–110. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF). (In Russian).

Gubel'man, M.I. (1955). Bor'ba za sovetskiy Dal'niy Vostok [The Fight for the Soviet Far East], Moscow: Voenizdat. (In Russian).

Istoriya Grazhdanskoy voyny v SSSR. T. 5. Konets inostrannoy voennoy interventsii i Grazhdanskoy voyny v SSSR. Likvidatsiya poslednikh ochagov kontrrevolyutsii (fevral' 1920 g. – oktyabr' 1922 g.) [The History of the Civil War in the USSR. Vol. 5. The End of the Foreign Military Intervention and the Civil War in the USSR. Elimination of the Last Centers of the Counter-Revolution (February 1920 – October 1922)] (1960). Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Katasonova, E.L. (2015). Issledovaniya v oblasti istorii rossiysko-yaponskikh otnosheniy [The Research in the History of Russo-Japanese Relations], in *Sovremennoe rossiyskoe yaponovedeniye: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka*, ed. by D.V. Streltsov, Moscow: AIRO-XXI: 285–303. (In Russian).

Khabarovsk: povsednevnost' Grazhdanskoy voyny i interventsii. 1918–1922 [Khabarovsk: the Everyday Life of the Civil War and Intervention. 1918–1922] (2019). Exhibition catalogue, by A.S. Kolesnikov, E.V. Goncharova, Khabarovsk: Dvoichnyy kot. (In Russian).

Kondratenko, B.B. (2018). Kharakter yaponskoy voennoy interventsii na Dal'nem Vostoke, 1918–1922 gg. [The Nature of the Japanese Military Intervention in the Far East, 1918–1922], in *Grazhdanskaya voyna i interventsia na Dal'nem Vostoke Rossii: prichiny, osobennosti, uchastniki. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik materialov*, Vladivostok: 35–38. (In Russian).

Konev, K.A. (2013). Obraz amerikanskoy i yaponskoy interventsii v periodicheskoy pechati Sibiri i Dal'nego vostoka (avgust 1918 – aprel' 1920 g.) [The Image of the American and Japanese Intervention in the Periodical Press of Siberia and the Far East (August 1918 – April 1920)], in *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: Sbornik materialov tret'ey Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii*, Novosibirsk: 217–225. (In Russian).

Koshkin, A. (2009). Ot soyuza do interventsii. Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v nachale XX veka [From Alliance to Intervention. The Russo-Japanese Relations in the Beginning of the 20th Century], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1: 140–155. (In Russian).

Krasitskiy, O.G., Fedirko O.P. (2017). K sobytiyam 4–5 aprelya 1920 g. v Primorskoj oblasti, in *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Is. 7, Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU: 84–89. (In Russian).

Krushanov, A.I. (1984). Grazhdanskaya voyna v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1920). Razgrom ob'yedinennykh vooruzhennykh sil imperialisticheskikh derzhav i rossiyskoy kontrrevolyutsii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [The Civil War in Siberia and the Far East (1918–1920). The Defeat of the Allied Armed Forces of the Imperialist Powers and the Russian Counter-Revolution in Siberia and the Far East], Book 2, Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo. (In Russian).

Kryukov, V.M., Kryukov, M.V. (2015). Vesna i osen' revolyutsionnoy diplomatii: Pervoye desyatiletiye sovetskoy politiki v Kitae [Spring and Autumn of the Revolutionary Diplomacy: The

First Decade of Soviet Policy in China], Vol. 1.: 1917-1922, Moscow: Pamyatnik istoricheskoy mysli. (In Russian).

Kubrikova, Yu.A. (2017). K voprosu ob informatsionnoy voyne v khode inostrannoy interventsii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoy voyny [On the Question of the Information War during Foreign Intervention in Siberia and the Far East during the Civil War], in *Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy v Rossii i periodu Grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii): materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU. (In Russian).

Kuz'min, V.L., Nechitajlov, S.M. (2016). Sotsialisty-revolutsionery v period Grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke (1917-1922) [The Socialist Revolutionaries during the Civil War in the Far East (1917-1922)], Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS. (In Russian).

Livshits, S.G. (1991). Politika Yaponii v Sibiri v 1918-1920 gg. [The Japanese Policy in Siberia in 1918-1920], Barnaul: Barnaul.gos.ped.in-t. (In Russian).

Maklyukov, A.V. (2018). Suchanskiye gosudarstvennye kopi v usloviyakh Grazhdanskoy voyny i interventsii (1918-1922 gg.) [The Suchan State Mines in the Conditions of the Civil War and Intervention (1918-1922)], in *Grazhdanskaya voyna i interventsia na Dal'nem Vostoke Rossii: prichiny, osobennosti, uchastniki. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik materialov*, Vladivostok: 119-125. (In Russian).

Minaeva, V.Yu. (2017). Deystviya yaponskikh voysk na territorii Zabaykal'ya v gody grazhdanskoy voyny (po materialam periodicheskoy pechati) [The Actions of Japanese Troops in the Territory of Transbaikalia during the Civil War (based on the periodical press)], in *Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy v Rossii i periodu Grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii): materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU: 128-131. (In Russian).

Minaeva, V.Yu. (2017). Prebyvanie yaponskikh voysk na territorii Zabaykal'ya v gody Grazhdanskoy voyny (po materialam GARB i GAZK) [The Stay of Japanese Troops in the Territory of Transbaikalia during the Civil War (based on Buryatia State Archive and Transbaikalia State Archive)], *Gumanitarnyy vector*, 12(4): 14–18. (In Russian).

Molodyakov, V.E. (2006). Rossiya i Yaponiya: rel'sy gudyat. Zheleznodorozhnyy uzel rossiysko-yaponskikh otnosheniy (1891-1945): istoricheskoe issledovanie [Russia and Japan: the Rails are Buzzing. The Railway Junction of the Russo-Japanese Relations (1891-1945): Historical Research], Moscow: AST, Astrel', Hranitel'. (In Russian).

Myshov, N.A. (2008). «Oni... predstavlyayutsya naseleniyu v roli zavoevateley». Otchet belogvardeyskogo ofitsera o yaponskoy interventsii i Grazhdanskoy voyne na Dal'nem Vostoke. 1919 g. ["They ... appear as conquerors to the population." Report of the White Guard Officer on Japanese Intervention and the Civil War in the Far East. 1919], *Otechestvennyye arhivy*, 3: 73–82. (In Russian).

Naumov, V.P. (1972). Letopis' geroicheskoy bor'by. Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny i imperialisticheskoy interventsii v SSSR [The Chronicle of the Heroic Struggle. Soviet Historiography of the Civil War and Imperialist Intervention in the USSR], Moscow: «Mysl'». (In Russian).

Naumov I.V. (1991). Grazhdanskaya voyna na Dal'nem Vostoke v sovetskoy istoriografii serediny 1950 – serediny 1980 gg. [The Civil War in the Far East in Soviet Historiography from the mid-1950 to the mid-1980s.], Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta. (In Russian).

Pastukhov, A.M. (2017). Kanonerki, zoloto, khunkhuzy: otryad VMF Kitaya v Nikolaevskom intsidente (1920) [The Gunboats, gold, the hunhuza: the detachment of the Navy of China in the Nikolayevsk incident (1920)], *Arsenal-Kollektsiya*, 9: 37-56. (In Russian).

Pastukhov, A.M. (2017). Kuda ushel vash kitaychonok Lin'? Kitayskaya interventsia v Primor'ye i Priamur'ye, 1918–1921 gody [Where did your little Chinese Lin go? The Chinese intervention in Primorye and the Amur Region, 1918-1921], *Arsenal-Kollektsiya*, 2: 15-32. (In Russian).

Petin D. (2016). O voennykh den'gakh Sibirskoy ekspeditsii Yaponskikh voysk [On Military Money of the Siberian Expedition of Japanese Troops], *Peterburgskiy Kollektioner*, 2(94): 6–9. (In Russian).

Podgotovka i nachalo interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii (oktyabr' 1917 – oktyabr' 1918): Dokumenty i materialy [The Preparation and the beginning of the intervention in the Russian Far East (October 1917 – October 1918): Documents and materials] (1997). Vladivostok: DVO RAN. (In Russian).

Popov, F.A. (2019). Obraz yaponskoy interventsii v russkoy dal'nevostochnoy presse: politika i povsednevnost' (1920-1922) [The Image of the Japanese Intervention in the Russian Far Eastern Press: Politics and Everyday Life (1920-1922)], *Istoriya: fakty i simvoly*, 3(20): 22–32. (In Russian).

Posadskov, A.L. (2019). Informatsionno-propagandistskaya i izdatel'skaya deyatel'nost' yaponskikh interventov na vostoke Rossii (1918–1922 gg.) [The Advocacy and Publishing Activities of Japanese Invaders in the East of Russia (1918–1922)], in *Grazhdanskaya voyna: mnogovektornyy poisk grazhdanskogo mira: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, ed by D.A. Tsyplakov, Novosibirsk: Novosibirskaya Pravoslavnaya dukhovnaya seminariya: 245–250. (In Russian).

Poznyak, T.Z. (2019). Vystupleniye yaponskikh interventov vo Vladivostoke 4–6 aprelya 1920 g.: nasilie i strategii povedeniya naseleniya v hode vooruzhennogo konflikta [The Speech by Japanese Interventionists in Vladivostok on April 4–6, 1920: Violence and the Population Behavior Strategies during the Armed Conflict], *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, 2: 15–26. (In Russian).

Sakharov, K.V. (2018). Belaya Sibir'. Vnutrennyaya voyna 1918-1920 gg. [White Siberia. The Internal War of 1918-1920], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Sarkisov, K.O. (2017). Yaponskaya interventsia v Sibiri. Preludiya. Ch. 1 [The Japanese Intervention in Siberia. Prelude. Part 1], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3: 16–32. (In Russian).

Sarkisov, K.O. (2017). Yaponskaya interventsia v Sibiri. Preludiya. Ch. 2 [The Japanese Intervention in Siberia. Prelude. Part 2], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4: 3–18. (In Russian).

Sarkisov, K.O. (2019). Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii (1917–1937) [Japan and Soviet Russia. The Essays on History (1917–1937)], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Shalamov, V.A. (2017). Yaponskaya interventsia v Zabaykal'e (1919-1920): meditsinskiy aspekt [The Japanese Intervention in Transbaikalia (1919-1920): the Medical Aspect], in *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*, Irkutsk: 288–296. (In Russian).

Shereshevskiy, B.M. (1974). V bitvakh za Dal'niy Vostok (1920-1922 gg.) [In the Battles for the Far East (1920-1922)], Novosibirsk: «Nauka» Sibirskoe otdelenie. (In Russian).

Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy v Rossii i periodu Grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii): materialy vsenos. nauch.-pratk. konf. s mezhdunar. Uchastiem [Siberia during the Years of the Great Russian Revolution (on the 100th Anniversary of Revolutionary Events in Russia and the Period of the Civil War and Foreign Intervention): The Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. (2017). Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU. (In Russian).

Stel'mak, M.M. (2019). Vospriyatie Yaponii v obshchestvenno-politicheskoy presse Zapadnoy Sibiri (noyabr' 1918-1919 g.) [The Perception of Japan in the Socio-Political Press of Western Siberia (November 1918-1919)], *Noveyshaya istoriya Rossii*, 9(2): 357–371. (In Russian).

Streletsov, D.V. (2019). Voprosy istoricheskoy pamyati v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [The Issues of Historical Memory in Russo-Japanese relations], *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, 48: 56–76. (In Russian).

Tepliyakov, A.G. (2016). Terror atamanov i interventov protiv krasnykh partizan Sibiri i Dal'nego Vostoka: mify i fakty [The Terror of Atamans and Interventionists against the Red Partisans of Siberia and the Far East: Myths and Facts], *Aktual'nye voprosy filosofii, istorii i yurisprudentsii*, Novosibirsk: NGUEU: 168–187. (In Russian).

Timonina, I.L. (2015). Dissertatsii po yaponovedeniyu v Rossii, zashchishchennyye za 20 let (1995–2014) [The Theses on Japanese studies in Russia Defended during the 20 years (1995-2014)], in *Sovremennoye rossiyskoye yaponovedeniye: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka*, ed. by D.V. Streletsov, Moscow: AIRO-XXI: 364–385. (In Russian).

Tsvetkov, V.Zh. (2019). Beloe delo v Rossii: 1920-1922 gg. 2-e izd, ispr. i dopoln [The White Movement in Russia: 1920-1922. 2nd edition, updated and revised], Moscow: Yauza-Katalog, 2019. (In Russian).

Vostochnyy Kur'yer [The Oriental Courier]. (In Russian).

Yakimov, A.T. (1979). Dal'niy Vostok v ogne bor'by s interventami i belogvardeytsami (1920-1922) [The Far East in the Fire of Struggle against the Interventionists and the White Guards (1920-1922)], Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russian).

Yaponskaya interventsiya 1918-1922 gg. v dokumentakh [The Japanese Intervention of 1918-1922 in documents] (1934). Prepared by I. Mints, Moscow. (In Russian).

Zheleznodorozhnik Kooperator [The Railwayman Cooperator]. (In Russian).

Zhukov, E.M. (1939). Istoriya Yaponii. Kratkiy ocherk [The History of Japan. Short Essay], Moscow: Gos. sots-ek. izd-vo, 1939. (In Russian).

Поступила в редакцию 06.05.2020

Received 6 May 2020

Для цитирования: Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

For citation: Datsyshen V.G. (2020). Yaponskaya voyennaya interventsiya v trudakh sovremennykh rossiyskikh istorikov: inertsii fobiy i nauchnoye poznaniye [Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific knowledge], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 21–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Японские исследования. 2020. № 3. С. 44–64.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 44–64.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10019

Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики?

М.А. Шипилова

Аннотация. Сокращение численности населения, в том числе и его трудоспособной части – одна из наиболее острых проблем для Японии. Большинство стран решает проблему нехватки рабочих рук при помощи активного привлечения в страну трудовых мигрантов. Однако Япония – одна из наиболее моноэтнических стран мира – отличается жёсткостью своего миграционного законодательства. Сальдо миграции в 2018 г. составило немногим более 160 тыс. человек, притом, что для стабилизации численности населения приток людей в страну должен составлять около 500 тыс. ежегодно. Подобная ситуация в значительной степени связана с ограниченной миграционной привлекательностью Японии, где мигранты до сих пор нередко сталкиваются с нарушениями своих прав, трудностями при аренде жилья, трудоустройстве и в повседневной жизни в связи с наличием языкового барьера, сложностью административных процедур и социокультурными особенностями японского общества.

Учитывая демографические тенденции, использование трудовой миграции для восполнения недостатка рабочих рук в Японии кажется не только разумным, но и безальтернативным вариантом. Именно поэтому миграционная политика Японии стала одним из принципиально важных с точки зрения благополучия Страны восходящего солнца вопросов в период премьерства Абэ Синдзо, который принял решение о постепенном переходе к либерализации миграционного законодательства. С 2012 г. нововведения, инициативы и цели кабинета Абэ в области иммиграционного контроля, по сути, затронули все категории мигрантов – и высококвалифицированных специалистов, и студентов, и низкоквалифицированных рабочих, и работников средней квалификации, и нелегальных иммигрантов.

В статье рассмотрено, какие именно меры принимаются в целях привлечения иностранцев и каким образом либерализация миграционного законодательства соотносится со стратегией роста Японии – Абэномикой.

Ключевые слова: Япония, миграционная политика, миграционное законодательство, трудовые мигранты, нелегальная миграция, Абэномика.

Автор: Шипилова Мария Андреевна, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, ул. проспект Вернадского, 76). E-mail: immeari13@gmail.com

Abe Cabinet migration reforms: minor additions or structural element of Abenomics?

M.A. Shipilova

Abstract. Shrinking population, including working age population is one of the most acute problems for Japan. Most countries solve the problem of labor shortage by actively attracting labor migrants to the country. However, Japan – one of the most mono-ethnic countries in the world – is known for its strict migration law. The migration balance in 2018 amounted to a little more than 160 thousand people, despite the fact that in order to stabilize the population, the influx of people into the country should be about 500 thousand annually. This situation is largely caused by limited migration attractiveness of Japan, where migrants still often face violations of their rights, difficulties in renting housing, employment and in everyday life due to the language barrier, complexity of administrative procedures and socio-cultural characteristics of Japanese society.

Given the demographic trends, the use of labor migration to fill the shortage of labor in Japan seems to be not only reasonable, but also an uncontested option. That is why the migration policy of Japan has become one of the most important issues with regard to the well-being of the Land of the Rising Sun during the premiership of Shinzō Abe, who decided to gradually move to liberalize the migration legislation. Since 2012, initiatives and goals of the Abe administration in the field of immigration control have, in fact, affected all categories of migrants – highly qualified specialists, students, low-skilled workers, middle-skilled workers, and illegal immigrants.

The article will examine what measures are being taken to attract foreigners and how liberalization of migration legislation correlates with the growth strategy of Japan – Abenomics.

Keywords: Japan, migration policy, migration legislation, labor migrants, illegal migration, Abenomics.

Author: Shipilova Maria A., lecturer of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: immeari13@gmail.com

Вопрос постепенной либерализации миграционного законодательства – один из самых дискуссионных в японской политике. С одной стороны, на сегодняшний день одной из самых острых проблем для Японии является старение и сокращение численности населения, в том числе и трудоспособного. По прогнозам Mizuho Research Institute, к 2065 г. из 88 млн человек, – а именно таким будет население Японии в случае сохранения нынешних показателей уровня воспроизводства – лишь 39 млн будут трудоспособны¹. Для сравнения, в 2019 г. численность населения одной токийской агломерации, в которую входит сам Токио, а также Йокогама, Кавасаки, Сайтама, Тиба и Сагамихара, оценивалась в 38,5 млн человек. По данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии (MHLW), в 2018 г. острый дефицит рабочих рук наблюдался в 20 областях, среди них – строительство (в среднем 8,5 рабочих мест на одного кандидата), горнодобывающая промышленность (7,4),

¹ Категория *roudouryoku jinkou* 労働力人口 включает всех людей старше 15 лет, способных по своим психофизиологическим возможностям полноценно участвовать в трудовом процессе.

медицина (4,66–3,27), ремонт автомобилей (4,25), транспорт (3,66–3,28), гостиничный и ресторанный бизнес (3,08), пищевая промышленность (3,07) [Izapa, 2020]. Более того, *The Japan Times* сообщает, что даже в такой востребованной и передовой отрасли, как IT-технологии, ожидается дефицит в 800 тыс. человек к 2030 г. [Хьюз, 2019]. «Чтобы удовлетворить этот спрос, потребуется увеличить число иностранных работников до 3,9 млн к 2030 г., чтобы они составляли 5–6 % от общей численности рабочей силы», заявил Ямада Хисаси, исследователь Японского исследовательского института (JRI), ведущего аналитического центра в Токио [Таникава, 2019]. Сложившаяся ситуация побуждает японское правительство более активно привлекать иностранную рабочую силу. С другой стороны, для такого моноэтнического государства, как Япония – страны с «закрытым» менталитетом, – либерализация может оказаться весьма непростой задачей.

Несмотря на то, что перспектива смягчения правил въезда и пребывания, а также создания благоприятных условий для жизни и работы иностранцев начала обсуждаться ещё на рубеже XX–XXI веков, первым политиком, решившимся на масштабную доработку и изменение законов в области миграции, стал нынешний премьер Абэ Синдзо. С 2012 г. Абэ дополнил или скорректировал законодательство при помощи мер, направленных на более активное привлечение высококвалифицированных специалистов, студентов, защиту прав технических стажёров, борьбу с нелегальной иммиграцией, а в 2018 г. добился согласия парламента на создание двух новых категорий виз, допускающих работу мигрантов средней квалификации. В свете подобных нововведений политики, исследователи и общественность всё чаще рассуждают о либерализации миграционных процессов в Японии. Однако ни сам Абэ, ни его коллеги всё ещё не произносят эту фразу в открытую, вероятно опасаясь негативной реакции со стороны общественности и возможных пробелов в реализации стратегии.

Цель статьи – охарактеризовать реформы в области миграции, проведённые кабинетами Абэ к настоящему моменту, определить, какие цели преследует премьер-министр, как нынешние меры соотносятся с его основополагающей стратегией роста страны – Абэномикой, – а также оценить, насколько далеко Япония намерена продвинуться в вопросах либерализации миграционного законодательства.

Основные изменения миграционного законодательства в период премьерства С. Абэ

Япония известна как одна из самых моноэтнических стран мира. Так, согласно данным CIA World Factbook, в 2016 г. 98,1 % населения были этническими японцами (данная цифра включает жителей Рюкю, айну и некоторые другие коренные народы Японии), 0,5 % – китайцами, 0,4 % – корейцами, и лишь 1 % – представителями прочих национальностей (преимущественно гражданами Филиппин, Вьетнама, Бразилии). Традиционно основой миграционной политики являлось ограничение въезда неквалифицированных мигрантов, и доля иностранцев в составе населения Японии не превышала двух процентов.

Однако начиная с 1980-х годов, когда в стране возник дефицит рабочей силы, японское правительство начало пересматривать миграционную политику. В частности, уже в 1983 г. была поставлена цель увеличить количество иностранных студентов с 10 тыс. до 100 тыс. к 2000 г. В 1990 г. были внесены изменения в Закон «Об иммиграционном контроле»,

упростившие въезд иностранцев, в особенности японского происхождения, а в 1993 г. был дан старт стажёрской программе ТИТР.

Доля мигрантов в общей численности населения постепенно увеличивалась – с 0,67 % в 1979 г. до 1,88 % в 2016 г. [Хэйсэй 28 нэнмацу...]. Уже в 2018 г. в японских и международных СМИ появилась информация о том, что доля иностранного населения впервые превысила 2 % и составила 2,66 млн человек [Гайкокудзин сайта...].

Вероятно, одной из причин этого стала более «гостеприимная» политика японских властей. Сегодня и консерваторы, и либералы понимают, что в условиях демографического кризиса иностранные рабочие – не только высокой, но также и средней и низкой квалификации – необходимое условие для поддержания жизнеспособности японской экономики и удержания позиций на международной арене.

Начиная с 2012 г., правительство приняло ряд мер по активизации миграции, а также усилению защиты иностранцев, созданию более благоприятных условий для их жизни и работы в Стране восходящего солнца. На данный момент реализуется Основной план в сфере иммиграционного контроля от 2015 г., целями которого являются более активное привлечение иностранных специалистов в контексте сокращения численности населения Японии, борьба с нелегальной иммиграцией, а также создание условий для гармоничного сосуществования японцев и иностранных граждан [Basic Plan...].

В плане общей либерализации миграционной политики в июле 2012 г. была введена действующая и сейчас система учёта резидентов (*Residence Management System*), которая заменила систему регистрации иностранцев, действовавшую с 1952 г. по закону «О регистрации иностранцев» от 28 апреля 1952 г. [Alien Registration...]. Утверждается, что старая система перестала быть эффективной в связи со значительным ростом численности мигрантов и расширением спектра их деятельности. В соответствии с новой системой для пребывания в Японии иностранным гражданам необходимо получить один из 30 статусов пребывания, предусмотренных приложениями к Закону № 319 «Об иммиграционном контроле и признании статуса беженца» от 04.10.1951 [Immigration Control...]. От этого статуса зависит срок пребывания и характер деятельности, которой иностранец может заниматься во время нахождения в стране. На данный момент максимальный срок пребывания не превышает 5 лет (за исключением дипломатов и постоянных резидентов), но некоторым разрешается продление [Procedures for examinations...].

Привлечение высококвалифицированных специалистов. На данный момент большая часть квалифицированных мигрантов – высококвалифицированные специалисты, предприниматели (менеджеры и управляющие), инженеры или специалисты в области гуманитарной или международной деятельности, а также профессионалы узкой специализации. Вплоть до 2010-х годов японское правительство делало ставку на привлечение именно квалифицированной рабочей силы в целях обмена знаниями и опытом, рассчитывая таким образом оживить экономику страны. Однако привлечь и удержать талантливых иностранцев оказалось не так уж и просто в силу ряда отталкивающих факторов – высокой гомогенности японского общества, языкового барьера, неприятия и настороженности со стороны местного населения, слабой законодательной защиты прав мигрантов. В 2012 г., стремясь повысить привлекательность Японии в глазах иностранцев, правительство ввело балльную систему оценки для высококвалифицированных специалистов. Подобная система используется в Австралии, США, Канаде и ряде других западных стран. Баллы присваиваются на

основании сведений об уровне образования иностранца, его годового дохода, данных о предыдущих работах, уровне владения японским языком и иных данных, позволяющих относить иностранных специалистов к категории «высококвалифицированных».

Балльная система даёт иностранцам ряд преимуществ. Во-первых, она предусматривает ускоренную процедуру рассмотрения документов для высококвалифицированных специалистов (ВКС). Так, для получения сертификата, определяющего статус заявителя (*Certificate of Eligibility*) потребуется не более 10 дней, для одобрения статуса пребывания – не более 5 дней. Во-вторых, иностранцы с высоким баллом могут быстрее подавать заявление на предоставление им статуса постоянных резидентов – через 3 года для ВКС с количеством баллов выше 70 и через 1 год – для ВКС с количеством баллов выше 80 [Points-based Preferential...]. Также с 2019 г. Иммиграционная служба начала принимать заявления на визу в режиме онлайн [Abenomics, 2020].

Высококвалифицированные специалисты также имеют право привозить с собой членов семьи (по визе «пребывание семьи» 家族滞在 *кадзоку тайдзай*) с возможностью их трудоустройства, или домашних работников (по визе «особая деятельность» 特定活動 *токутэй кацудо*:). Причём одним из преимуществ, особенно актуальных для граждан азиатских стран, является возможность взять с собой в Японию не только супруга/супругу и ребёнка, но также и родителей для ухода за беременной матерью или ребёнком, если ему не исполнилось семи лет. Такая практика распространена в азиатских странах, и эта особенность делает визу «высококвалифицированный специалист» особенно выгодной для граждан Китая. Вероятно, такое послабление и было сделано именно в целях их привлечения. В самом Китае в последние годы наблюдается «бум эмиграции», и Япония, расположенная в среднем в двух часах авиаперелета от центральных городов Китая, является одним из самых «горячих» направлений. Так, один уроженец Шанхая рассказывал, что Токио очень удобен тем, что там чистый воздух и в нём неплохо растить детей, и среди его друзей некоторые очень заинтересованы в получении японской визы, позволяющей жить в стране вместе с родственниками [Химэда, 2017].

Благодаря снижению барьеров к 2017 г. количество иностранных специалистов увеличилось более чем в 10 раз по сравнению с 2013 – с 800 человек до 10,5 тыс. [Welcoming government...], а в декабре 2018 г. уже составило 15,3 тыс. человек [Report on Priority...].

Сегодня стратегия роста Японии нацелена на привлечение 10 тыс. высококвалифицированных специалистов к 2020 г. (эта цель уже достигнута) и 20 тыс. – к 2022 г. Причём большое внимание уделяется не только привлечению специалистов для работы в японских компаниях, но и (даже в большей степени) иностранных инвесторов. Сам Абэ заявлял: «Япония, к которой я стремлюсь, – это страна, широко открытая для всего мира. Для возрождения Японии необходим мощный катализатор, который преобразит старую Японию и сделает «новую» Японию ещё сильнее. И это те ожидания, которые я возлагаю на прямые инвестиции в Японию...» [Сначала обратитесь...].

Для этого правительство принимает меры по упрощению визовых процедур для высококвалифицированных специалистов, а также административных процедур для предпринимателей и иностранных компаний. В частности, Японская организация по развитию внешней торговли JETRO оказывает иностранным компаниям, планирующим открыть или расширить уже существующий бизнес в Японии, бесплатную поддержку

в вопросах предоставления информации по рынкам; проводит консультации по административным процедурам регистрации бизнеса, визовым и трудовым вопросам, налогам; а также помогает в поиске потенциальных партнёров среди японских компаний [Сначала обратитесь...]. Организация уже поддержала более 17 тыс. зарубежных компаний, желающих открыть бизнес в Японии, и более 1700 из них продолжили успешную работу в стране.

Также в 2013 г. в рамках Абэномики на территории Японии было создано несколько национальных стратегических специальных зон – НССЗ (National Strategic Special Zones), в которых проводятся структурные реформы в целях реализации Четвёртой промышленной революции и куда власти активно привлекают высококвалифицированных специалистов. В 2015 г. для начала бизнеса в НССЗ также ввели стартап-визы, упростившие въезд и пребывание начинающим бизнесменам. Стартап-визы можно получить в случае открытия бизнеса в одной из зон в определённых сферах, рассматриваемых как полезные для региона: инновационное производство; здравоохранение и медицина, социальная сфера; экология и энергетика; логистика; торговля. Для получения данного типа визы необходимо представить резюме, детальный бизнес-план, поэтапный план работ, а также справку от объекта проживания и выписку из банка о размере сбережений, подтверждающую возможность обеспечивать себя в течение полугода пребывания в Японии. Если заявку одобряют, у начинающего предпринимателя будет от 6 месяцев до 1 года, чтобы завершить все необходимые приготовления, находясь в Японии, и подать документы на получение продлеваемой визы менеджера/управляющего. Данная инициатива достойна высокой оценки, поскольку позволит существенно упростить выход на японский рынок новых предпринимателей и будет способствовать дальнейшему росту числа иностранных специалистов.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно констатировать улучшение условий как в плане работы и проживания высококвалифицированных иностранных специалистов японских компаний, так и в плане выхода иностранных инвесторов на японский рынок. Тем не менее, их число всё ещё остаётся сравнительно небольшим (чуть более 15 тыс. человек), что явно недостаточно для стимулирования японской экономики. И всё же, увеличение числа профессионалов, их положительные отзывы о жизни и работе в Японии и их истории успеха на японском рынке свидетельствуют о том, что власти двигаются в верном направлении в соответствии с целями ревитализации страны.

Привлечение специалистов средней квалификации в наиболее дефицитные отрасли. В соответствии с действующим иммиграционным законодательством на неквалифицированную работу в Японии могут претендовать лишь иностранцы японского происхождения *никкэйдзин* (так называемая «парадная дверь» иммиграции), иностранные студенты и технические стажёры (так называемая «боковая дверь»), а мигранты средней квалификации с 1 апреля 2019 г. могут попасть в страну по визе «Специалист с особыми навыками» (特定技能 *токутэй гино*:).

Программа овладения мастерством – *Technical Intern Training Program* – подразумевающая изучение технологий и овладение навыками или знаниями в японских публичных или частных организациях, была официально запущена в Японии в 1993 г. «Боковой» она считается, поскольку призвана удовлетворять спрос на неквалифицированных

иностранных рабочих в дефицитных отраслях, скрывая этот факт от населения, не одобряющего приток «инородных элементов» [Коростиков, 2018].

Стажёрская программа спонсируется правительством Японии и осуществляется на основании закона «О надлежащей реализации программы технических стажировок для иностранных граждан и об обеспечении защиты иностранных технических стажеров» от 2016 г. Срок пребывания разных категорий стажёров ограничен одним годом или двумя годами, с общей продолжительностью стажировки до 5 лет. Приезжают стажёры в основном из Китая, Вьетнама, Филиппин, Индонезии, Таиланда, Мьянмы и Камбоджи.

В рамках программы по прибытии в Японию стажёры прослушивают курс лекций по японскому языку, особенностям работы на японских предприятиях, а также по правовым основам (преимущественно в области иммиграционного и трудового законодательства) в течение как минимум двух месяцев (320 часов), после чего приступают к получению практических навыков непосредственно на предприятиях. Для перехода на следующий уровень – всего их три (I, II, III) – необходимо сдать экзамен. В случае успешной сдачи можно претендовать на визу следующей категории, в случае неудачи необходимо вернуться на родину с правом пересдачи не менее чем через месяц.

Несмотря на изначальную задумку – подготовка иностранных специалистов в рамках обмена технологиями и производственными навыками между развитой Японией и развивающимися странами Восточной и Юго-Восточной Азии – ТИТР довольно быстро превратилась в канал импорта дешёвой и относительно бесправной рабочей силы. С самого начала стажёры выполняли работу, характеризующуюся тремя «К» – 汚い *китанай* (грязную), 危険 *кикэн* (опасную) и きつい *кицуй* (тяжёлую), в то время как непосредственно обучение отходило на задний план [Дуглас, 2000, с. 6]. Работодатели нанимали иностранцев в тех областях, где они могли оставаться «невидимыми» для японских потребителей, чтобы не испортить имидж компании. Даже в такие непрестижные сферы, как уборка улиц, вынос мусора, уход за домом, в которых в других странах мира значительная часть рабочих мест занята иммигрантами, Япония не допускала иностранцев.

Японская стажёрская программа неоднократно подвергалась критике со стороны стажёров и юристов, называющих её «эксплуатацией работника за низкую зарплату» [Japan's Technical...]. В связи с этим японское правительство принимает меры по укреплению законодательной базы в этой области. Последние изменения были внесены в 2016 г. с принятием закона «О технических стажёрах» и усилением ответственности принимающих организаций-исполнителей и контроля за ними [New Technical...].

В частности, в статье 3 Закона утверждается, что цель ТИТР – развитие человеческих ресурсов, она не является «средством регулирования спроса и предложения на национальном рынке труда». За исполнительными организациями (всего их более 35 тыс.) и контролирующими организациями (более 1,9 тыс.) с 2016 г. начала осуществлять контроль Организация технических стажировок (ОТИТ). В её задачи вошли санкционирование учреждения организаций и выдача им лицензий, аккредитация учебных планов, инспекции на местах, приём уведомлений от организаций, составление отчётов, поддержка и защита прав технических стажёров, а также иное взаимодействие с контролирующими, исполнительными и отправляющими организациями. Максимальный срок пребывания стажёров был увеличен с 3 до 5 лет.

Новое законодательство также требует назначения ответственных лиц на местах – менеджера по технической стажировке, успешно закончившего соответствующие курсы в течение последних трёх лет, инструктора по технической стажировке с опытом работы по специальности не менее 5 лет, а также лица, ответственного за повседневную жизнь технических стажёров. Для взаимодействия между ОТИТ и стажёрами была организована горячая линия, принимающая жалобы и оказывающая консультационные услуги на наиболее часто используемых языках – китайском, вьетнамском, индонезийском, тагалоге, английском.

Пожалуй, самое главное – законодателям удалось закрепить обязательство платить иностранным работникам зарплату не меньшую, чем японцам, выполняющим такую же работу. Эта мера направлена на предотвращение снижения зарплат вследствие использования более дешёвой иностранной рабочей силы.

Ещё одно достижение – введение штрафов за нарушение закона «О технических стажёрах», иммиграционного или трудового законодательства. Так, за принуждение иностранца к участию в стажёрской программе путём нападения, запугивания или использования любых других насильственных методов предусмотрено лишение свободы с исправительными работами сроком от года до 10 лет или штраф в размере от 200 тыс. до 3 млн иен; за установление штрафов или взысканий в адрес стажёра, изъятие его паспорта или присвоение контроля над его банковскими счётами, а также за ограничение свободы действий вне рабочего пространства – лишение свободы сроком до 6 месяцев или штраф в размере до 300 тыс. иен.

Конечно, пока что рано говорить об эффективности предложенных правительством мер, однако можно с уверенностью утверждать, что укрепление законодательной базы, усиление контроля и введение наказаний за ненадлежащую реализацию ТИТР свидетельствует об ответственном подходе японских властей к проблемам стажёров. Это, в свою очередь, можно объяснить двумя моментами. Во-первых, это вопрос репутации – проблема эксплуатации стажёров и нарушения прав человека в Японии проникла в региональные и мировые средства массовой информации, активизировались правозащитники в Японии и главных странах происхождения мигрантов. Подобное развитие событий может привести к подрыву репутации Японии, которая стремится играть значимую роль в мировой политике и экономике, и именно поэтому правительство Японии старается как можно быстрее устранить имеющиеся проблемы.

Во-вторых, дефицит рабочих рук не ослабевает, а потенциальные интерны уже не так охотно соглашались на участие в программе ввиду негативных отзывов сограждан. В то же время внутренние меры, принимаемые японским правительством для смягчения последствий демографического кризиса, такие, как материальное поощрение более позднего выхода на пенсию, активное вовлечение в трудовую деятельность женщин, не являются достаточными для сохранения производственного потенциала. Следовательно, не сокращается и потребность в импорте рабочей силы из-за границы. Естественно, попытаться вновь привлечь насторожившихся мигрантов можно только убедив их в абсолютной безопасности и выгоды программы, что правительство и пытается делать.

Ещё одной мерой, призванной бороться с нехваткой трудовых ресурсов, стало внесение изменений в иммиграционное законодательство в декабре 2018 г. 8 декабря Парламент Японии принял закон, открывающий доступ в страну низкоквалифицированным рабочим-

иностранцам по визам категорий «Профессионал с особыми навыками (I)» и «Профессионал с особыми навыками (II)» [Specified Skilled...]. Они предназначены для трудоустройства лиц, обладающих профессиональными навыками в областях, определённых правительством Японии как дефицитные. Всего их 14 – это электронная промышленность, строительство, производство промышленного оборудования, судостроение и мореплавание, сырьевая промышленность, обслуживание автомобилей, авиация, сфера общественного питания, сельское хозяйство, рыбный промысел и аквакультура, уход за больными, отельный бизнес, уборка помещений и зданий. Стоит подчеркнуть, что суть данной визы – именно увеличение количества иностранных работников, в отличие от стажёрской визы, которая «не должна быть использована для заполнения брешей на рынке труда» [JITCO]. Виза подойдёт тем, кто не имеет высшего образования, но окончил среднее специальное учебное заведение или имеет опыт работы в одной из упомянутых 14 областей.

Для профессионалов категории I установлен срок пребывания 1 год, 6 месяцев или 4 месяца с возможностью продления до 5 лет, для профессионалов категории II – 3 года, 1 год или 6 месяцев с возможностью продления неограниченное число раз. На данный момент осуществляется только приём лиц по визам категории I. Одной из особенностей этого статуса пребывания является то, что профессионалам не разрешено брать с собой членов семей, однако правительство рассчитывает, что после получения достаточного опыта работы по визе данной категории работники смогут претендовать на получение визы категории II со всеми её преимуществами, в том числе и возможностью привозить с собой супругов и детей по семейной визе. Вероятно, это должно стимулировать привлечение в страну постоянных трудовых мигрантов, обладающих не только необходимыми для работы навыками и компетенциями, но и достаточно высоким уровнем знания японского языка и японской культуры (в отличие от технических стажёров).

Несмотря на то, что и стажёров, и профессионалов нанимают преимущественно для работы в одних и тех же отраслях, их статусы пребывания определяют различные условия нахождения на территории Японии. Во-первых, деятельность профессионалов осуществляется исключительно на основании закона «Об иммиграционном контроле и признании статуса беженца», в то время как на стажёров помимо него распространяется и закон «О технических стажёрах». Во-вторых, в отличие от стажёров, профессионалы для заключения контракта с принимающей организацией, что необходимо для получения Certificate of Eligibility, обязаны сдать два экзамена: на знание японского языка (как минимум на уровень № 4 или эквивалентный ему), а также по специальности. На данный момент экзамены проводятся в девяти странах: Китае, Вьетнаме, Камбодже, на Филиппинах, в Индонезии, Таиланде, Мьянме, Непале и Монголии.

Пребывание в стране по данной визе разрешено и гражданам других стран, в том числе и стран СНГ, однако первичный въезд необходимо производить по иной визе (например, студенческой в рамках изучения японского языка), и тогда же сдавать два необходимых для профессиональной визы экзамена. Впрочем, маловероятно, что желающих будет много, поскольку зарплатные ожидания в России и Центральной Азии выше, чем в Юго-Восточной Азии, поэтому акцент скорее всего будет сделан именно на странах ЮВА [Коростиков, 2018].

Профессионалы работают непосредственно с принимающей организацией и не нуждаются в посредниках вроде отправляющей или контролирующей организации. Более

того, в отличие от стажёров, они могут обратиться к какой-либо организации по оказанию поддержки (*support organization*) по вопросам поиска жилья и обустройства, адаптации к японскому образу жизни и изучения японского языка, для получения консультаций по административным процедурам, оперативного решения проблем, связанных с трудовой деятельностью (например, в случае увольнения). Они также имеют право на свободную смену места работы в пределах отрасли или даже в смежных отраслях, главное условие – подтвержденная тестом квалификация.

Изменения вступили в силу с 1 апреля 2019 г. Ожидается, что в течение 5 лет по визам «Профессионал с особыми навыками» в страну въедет до 345 тыс. человек, если конъюнктура не потребует привлечения большего или, наоборот, меньшего числа специалистов. При этом квоты приёма по секторам также могут изменяться вслед за падением или ростом спроса на рынке труда. Правительство намерено оценить первые результаты инициативы по прошествии двух лет и внести изменения, если это будет необходимо.

Сразу же после внесения поправок в закон «Об иммиграционном контроле» правительство опубликовало всеобъемлющий документ «Комплексные меры по приёму иностранных граждан и сосуществованию с ними» [*Comprehensive Measures...*], в котором определило пути безопасного и эффективного внедрения новой системы. В частности, правительство постановило организовать единые консультационные центры по всей стране, работающие на 11 языках, чтобы каждый иностранец мог получить необходимую ему информацию; создать доступную для иностранцев среду в областях здравоохранения, коммуникаций, банковского обслуживания, образования; разработать программу обучения японскому языку, чтобы помочь иностранцам приспособиться к японской культуре и образу жизни. Власти также рекомендуют трудоустройство на полный рабочий день, в штат, напрямую, без посредников, с тем, чтобы обеспечивать равные условия труда для японских граждан и иностранцев (без разницы в плане предоставления выходных дней, оплачиваемых отпусков, выплаты бонусов, социального и медицинского страхования и так далее). От работодателя также требуется перечислять зарплату на банковский счёт работника или выплачивать иным способом, который может быть подтверждён документально – эта мера призвана защитить иностранцев от невыплаты заработной платы [*International Migration...*].

Несмотря на то, что инициатива подверглась критике со стороны оппозиции, в частности, за непроработанность документов, недостаточную защиту прав иностранных рабочих, а также неспособность должным образом регулировать уже имеющуюся программу привлечения низкоквалифицированной рабочей силы (ТГТР), на настоящий момент в политических кругах существует консенсус относительно необходимости удовлетворения внутреннего спроса в дефицитных отраслях экономики при помощи мигрантов. Введение новой категории рабочей визы также позволило частично решить проблему официального трудоустройства в стране людей со специальным образованием, но не имеющих диплома бакалавра или магистра. Очевидно, изменение миграционного законодательства в подобном ключе свидетельствует о сдвигах в подходе к вопросам иммиграции, что вероятнее всего окажет значительное влияние на японское общество и его дальнейшее развитие.

Постепенное изменение миграционного законодательства – структурный элемент Абэномики?

Чтобы разобраться в сути и глубине реформ, предпринимаемые правительством меры в области миграционного контроля следует рассматривать не только в контексте демографического кризиса как такового, но и прочих инициатив, прежде всего масштабной и всеобъемлющей программы Абэномика. Изначально, в 2012 г., целью Абэномики было оживление стагнирующей экономики посредством «трёх стрел» – агрессивной кредитно-денежной политики, гибкой бюджетной политики, в частности масштабного финансирования инфраструктурных проектов, а также стратегии роста, подразумевающей структурные реформы, которые обеспечат устойчивый рост японской экономики. В планах было создание специальных экономических зон, поощрение постепенного отказа от системы пожизненного найма и перехода к реализации принципа «равная оплата за равный труд», вовлечение женщин в экономику и удержание в ней пенсионеров, отмена ряда ограничений для бизнеса, привлечение иностранных инвестиций и иностранных работников, и другие изменения.

Но стратегия не статична – она дополняется и изменяется с учётом требований времени. Анализ нынешних мер позволяет говорить о том, что многие мероприятия нацелены именно на сдерживание процесса сокращения численности трудоспособного населения. На сайте правительства Японии открыто говорится: «Самая большая структурная проблема, стоящая перед японской экономикой, – это старение населения и сокращение его численности. Тем не менее, мы рассматриваем эту проблему как возможность» [Abenomics].

Решение этой проблемы напрямую связано с задачей повышения производительности труда. Поэтому сегодня Япония отказывается от таких неэффективных практик, как долгая сверхурочная работа, устраняет разницу в оплате труда регулярных и нерегулярных работников, отходит от системы пожизненного найма и стимулирует повторный наём на работу сотрудников среднего и пожилого возраста, а также женщин, выходящих из декретного отпуска. Ещё две важные задачи – стимулирование торговли и инвестиций, а также создание благоприятных условий для ведения бизнеса.

В связи с этим одной из целей новой Абэномики стало создание так называемого инновационного Общества 5.0, которое обеспечит мобильность человеческих ресурсов, знаний и капитала. Предполагается, что информатизация и роботизация позволят создать равные возможности для всех, а также поспособствуют созданию среды для реализации потенциала каждого человека. «В Обществе 5.0 с помощью технологий будут сняты физические, административные и социальные барьеры для самореализации человека и развития технологий, а это, в свою очередь, должно привести к устойчивому социальному и экономическому росту», – рассказал в своём интервью *Forbes* Генеральный директор ООО «Мицубиси Электрик (РУС)» Онода Хироюки [«Общество 5.0»:...].

Тем не менее, осознавая, что Япония не сможет остановить сокращение численности трудоспособного мужского населения и обеспечить экономический рост только за счёт них, правительство «открывает двери для более разнообразной и более гибкой рабочей силы» – женщин, иностранных специалистов и пожилых людей. По сравнению с 2012 г. к марту 2020 г. численность занятых увеличилась на 4,4 млн человек (из них 3,3 млн – женщины), на 5,4 % увеличилась занятость пожилых людей старше 65 лет, безработица сократилась

с 4,3 % до 2,4 %. Численность иностранных работников возросла за это время с 680 тыс. до 1,4 млн человек.

Очевидно, что увеличение численности иностранных работников можно объяснить возросшей привлекательностью Японии как иммиграционного направления благодаря грамотной политике правительства, которая включает меры, предпринимаемые как внутри страны, так и за рубежом.

Для привлечения иностранцев, прежде всего, необходимо повысить их интерес к Японии, к японской культуре и достижениям. На это направлена стратегия Cool Japan, предполагающая распространение в мире японского языка, японской культуры и её продуктов, таких как аниме, манга, видео-игры, японская кухня, традиционная культура, японская мода, роботы и другие товары. С 2013 г. особенностью проекта стало то, что, помимо гуманитарного содержания, он стал также преследовать экономическую цель – содействие развитию и экспорту продукции японского креативного бизнеса. За реализацию стратегии Cool Japan отвечают дипломатические представительства Японии за рубежом, Японский дом, Японский фонд, Японская организация по развитию внешней торговли JETRO, Центр продвижения японских продуктов питания за рубежом (JFOODO) и другие.

Несмотря на отсутствие аккумулированной статистики о связи между реализацией программы Cool Japan и ростом заинтересованности в Японии со стороны иностранцев, с 2012 г. Японии удалось достичь существенного прогресса. В 2018 г. 3,85 млн человек изучали японский язык в более чем 18,6 тыс. учебных заведениях мира, на 20,3 % выросло число преподавателей японского языка [No. of Japanese language...]. Если в 2012 г. в страну с разными целями въехало 9,1 млн человек (из них первичных посетителей – 7,5 млн), то в 2018 г. – уже 30,1 млн человек (из них первичных посетителей – 27,5 млн). В том же 2018 г. иностранные туристы потратили в Японии 4,5 трлн иен, или более 40 млрд долл. – колоссальный источник доходов для японской экономики и стимул для развития розничной торговли.

Это соответствует планам Абэ превратить страну в «туристическую сверхдержаву». Ещё в 2015 г. премьер-министр поставил общенациональную задачу – довести число приезжающих в страну зарубежных гостей до 30 млн человек в год, к 2020 г. – до 40 млн в год, а к 2030 г. – до 60 млн в год [Keep growing...]. С этой целью осуществляется облегчение визовых процедур, развитие бюджетных авиалиний, включая не только рейсы в Токио, но и другие потенциально привлекательные города, происходит улучшение транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры, восстановление старых и развитие новых курортных городов, создаются условия для путешествия без наличных. Правительство также намерено снять некоторые ограничения на использование частных квартир в качестве гостиниц, решать проблемы подготовки гидов-переводчиков, нехватки туристических автобусов, нехватки информации на иностранных языках и так далее.

Увеличение численности иностранных работников (как сотрудников японских компаний, так и инвесторов) – тоже результат усилий японского правительства по их привлечению. Большим плюсом для международных инвесторов является макроэкономическая и финансовая стабильность и доступ к мировому рынку – соглашения, в которых участвует Япония, охватывают страны, чья совокупная доля в мировой торговле и мировом ВВП составляют 85,5 % и 86,3 % соответственно [Сначала обратитесь...].

В 2019 г. Япония занимала 6-е место из 141 в рейтинге глобальной конкурентоспособности ВЭФ, учитывающем темпы экономического роста, развитость инфраструктуры, эффективность правительства и эффективность бизнеса [The Global Competitiveness...]. Что касается повседневной жизни, то согласно рейтингу *Global Peace Index*, Япония является одной из наиболее пригодных и безопасных для проживания стран – в 2019 г. страна занимала 9-е место из 163 [Global Peace...]. Рейтинг основан на 23 показателях, включая уважение прав человека, риск терроризма, число сотрудников полиции, отношения с соседними странами и другие. На сайте правительства Японии опубликована информация о том, что, согласно Обследованию качества жизни издания *Monocle* (*Monocle's Quality of Life Survey*), Токио находился на втором месте после Цюриха в рейтинге самых комфортных городов для жизни [Monocle, 2019]. В рейтинге учитываются такие показатели, как уровень преступности/безопасности, климат, состояние окружающей среды и экология, качество архитектуры, развитость инфраструктуры, условия для ведения бизнеса, качество медицинского обслуживания и даже толерантность местного населения. По мере роста концентрации иностранного населения в трёх крупнейших агломерациях – Токио, Осака и Нагоя – правительство также начало поощрять их работу в менее населённых областях, часть из которых испытывает особо острый дефицит специалистов высокой, средней и низкой квалификации в свете тенденций внутренней миграции.

С другой стороны, правительство Японии, призывая иностранцев приезжать на отдых или работу в Японию, неоднократно заявляло, что меры, предпринимаемые для облегчения въезда и пребывания, вовсе не составляют иммиграционную политику. Так, премьер-министр Абэ неоднократно заявлял, что страна приглашает иностранных работников, чтобы смягчить острую нехватку рабочей силы, и отрицал возможность «превращения» этих иностранных рабочих в долгосрочных мигрантов [Мураками, 2018]. Это подогревает дискуссии о том, происходит ли всё-таки либерализация японского миграционного законодательства или нет. С одной стороны, вводятся новые, менее жёсткие правила и растёт число иностранцев, но с другой – правительство упорно отрицает этот факт.

Одной из причин, по которой японское правительство старается как можно реже говорить об «изменении иммиграционной политики» и в целом не признаёт сам факт иммиграции, является настороженность или открытая неприязнь населения Японии по отношению к иностранцам. Для подавляющей части населения, не знакомой с иностранцами или знакомой очень поверхностно или даже опосредованно, *гайдзины* (снисходительно-пренебрежительный вариант слова «иностранец») – это потенциальные конкуренты на рынке труда, преступники и просто люди, всячески нарушающие гармонию японского общества. Так, член кабинета министров, ответственный за политику правительства в отношении иностранных работников, Нисимура Ясутоси в интервью *Financial Times* заявил: «Мы не используем слово “иммиграция”. У нас всё ещё существует островной менталитет, а приезд иностранцев означал бы огромные перемены в Японии».

В то же время многие, в том числе и бывший глава Токийского иммиграционного бюро Саканака Хидэнори, полагают, что вносимые изменения и новые меры де-факто представляют собой переход к иммиграционной политике [Japan to loosen...]. Более того, очевидно, что все рассмотренные в данной статье нововведения, инициативы и цели направлены на ту или

иную категорию мигрантов. По сути, правительство никого не оставило без внимания – при Абэ, и особенно в последние шесть лет, были приняты меры, коснувшиеся и высококвалифицированных специалистов, и студентов, и низкоквалифицированных рабочих, и работников средней квалификации, и нелегальных иммигрантов. Сасаки Сиро, генеральный секретарь одного из крупных японских профсоюзов, объясняет позицию правительства следующим образом: «Иммигранты в понимании Абэ – это те, кто живёт в Японии долгое время со своей семьёй. Но по международным стандартам иммигрантами являются и студенты, и стажёры. В этом смысле мы можем сказать, что Япония в определённой степени уже является иммигрантским обществом».

Поэтому первым шагом к использованию в полной мере открывающихся в связи с привлечением большего числа мигрантов возможностей и решению связанных с этим проблем должно стать признание факта иммиграции в Японии. Отказываясь в публичных заявлениях от термина «иммиграционная политика», японское правительство создаёт себе дополнительные сложности в деле привлечения иностранных специалистов. Во-первых, подобная риторика усиливает недоверие со стороны иностранцев и побуждает их выбирать другие направления для иммиграции, не позволяя правительству добиваться поставленных целей в деле увеличения численности мигрантов разных категорий и бороться с сокращением численности населения. Во-вторых, подобные высказывания усложняют работу иммиграционных служб и иных организаций, делают невозможным полноценное правовое регулирование в области защиты прав мигрантов и создания равных условий в социально-экономической области. И в-третьих, это вводит в заблуждение граждан Японии, являющихся свидетелями роста числа иностранцев в стране, но отказывающихся принимать их в своём «закрытом», по утверждению правительства, обществе.

В целом же, исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что привлечение иностранных специалистов стало одним из ключевых элементов третьей стрелы Абэномики – структурных реформ. Правительство стремится к созданию благоприятной для иностранцев среды, распространяет информацию о плюсах проживания, учёбы или работы в Японии, а миграционное законодательство становится более либеральным, о чём говорит и принятие поправок к закону «Об иммиграционном контроле», вступивших в силу с 1 апреля 2019 г. Несмотря на это, сохраняется строгость в вопросе приёма большего числа иностранцев, что связано с необходимостью обеспечения общественной безопасности внутри страны и поддержания высокого уровня социально-экономического благополучия, а также с опасениями вызвать недовольство общественности. Чтобы нынешняя стратегия обернулась успехом, правительству придётся найти «золотую середину» – баланс между предоставлением иностранцам возможностей быть полноценными и полезными членами японского общества и стремлением сохранить его самобытность.

Заключение

Изучение особенностей миграционной политики Японии на современном этапе позволяет говорить о том, что в Японии пришли к осознанию необходимости открываться миру и сотрудничать с другими странами в вопросах привлечения трудовых ресурсов. Сегодня на первом плане находится проблема сокращения численности трудоспособного населения. Для борьбы с экономической стагнацией Абэ долгое время делал упор на

налогово-бюджетную и кредитно-денежную политику, однако многие глубинные проблемы так и не были решены. В условиях увеличения числа пенсионеров растут расходы на социальное обеспечение, острая нехватка рабочих рук вызывает застой в ряде ключевых отраслей, таких как сельское хозяйство, строительство, здравоохранение, потребительский спрос остается недостаточным. Сокращение трудоспособного населения поставило японское правительство перед выбором – решать проблемы интенсивным путём, то есть увеличивать производительность труда, или экстенсивным – увеличивать численность работников. Первый путь потребует длительного времени, а на ближайшую перспективу более реальным оказывается второй путь, в том числе привлечение иностранных работников.

С 2012 г. кабинет Абэ принял целый ряд мер, направленных на активизацию миграции, а также на усиление защиты иностранцев, создание более благоприятных условий для их жизни и работы в Стране восходящего солнца:

- В 2012 г. была введена новая, более удобная система учёта резидентов (Residence Management System).
- В 2012 г. была введена балльная система для высококвалифицированных специалистов, улучшившая условия их пребывания.
- В 2013 г. был запущен проект Национальных стратегических специальных зон, в которые активно привлекают высококвалифицированных специалистов. В 2015 г. для начала бизнеса в НССЗ также ввели стартап-визы, упростившие въезд и пребывание начинающим бизнесменам.
- В 2016 г. была существенным образом усовершенствована программа ТИТР, а также был принят закон «О технических стажёрах», предусматривающий, в числе прочего, усиление ответственности принимающих стажёров организаций-исполнителей и контроля за ними.
- С 1 апреля 2019 г. вступили в силу поправки к Закону «Об иммиграционном контроле» и введены два новых типа виз – Профessional с особыми навыками (I) и (II) для среднеквалифицированной рабочей силы.

Благодаря вышеперечисленным мерам удалось увеличить число находящихся в стране иностранцев с 2,07 млн человек в 2011 г. до 2,66 млн человек в 2018 г., а также существенным образом улучшить законодательную базу по защите прав и интересов мигрантов в Японии.

Судя по всему, дальнейший успех Абэномики и в целом экономическое благосостояние Страны восходящего солнца в значительной мере будут зависеть от грамотной иммиграционной политики правительства. Впрочем, учитывая, что есть и определённые проблемы, препятствующие достижению правительственных целей в области иммиграции – сохранение языкового барьера, сложность административных процедур, вопрос доступности для иностранцев государственных услуг, в первую очередь образования и здравоохранения, настороженность японской общественности, – необходимо дальнейшее усовершенствование и эффективное проведение миграционной политики, чёткое регулирование миграционных процессов с тем, чтобы обеспечить бесконфликтное и благополучное сосуществование местного населения с иностранцами, дальнейшее экономическое, политическое, культурное и социальное процветание страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Василева Т.А. Миграционное законодательство и миграционная политика Японии // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 185–208.

Гайкокудзин сайта-но 266 ман-нин, 20-дай га 3-вари родорёку сасаэру : [Рынок труда Японии пополняется иностранцами: численность мигрантов достигла 2,66 млн человек, из них 30 % – молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет] // Nikkei. 10.07.2019. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO47203370Q9A710C1EA1000/> (дата обращения: 12.05.2020).

Коростиков М. Япония открыла шлюзы для мигрантов // Коммерсантъ. 10.12.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826173> (дата обращения: 12.05.2020).

«Общество 5.0»: японские технологии для цифровой трансформации российской экономики // Forbes. 10.10.2018. URL: <https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/367837-obshchestvo-50-yaponskie-tehnologii-dlya-cifrovoy-transformacii> (дата обращения: 12.05.2020).

Сёси корэйка дэ родорёку-ва 4-варигэн : [Численность трудоспособного населения сократится на 40% вследствие низкой рождаемости и старения населения] // Mizuho Research Institute. URL: <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/insight/pl170531.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

Сначала обратитесь к JETRO! // JETRO. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/russia/doingbusiness/talktojetro_rsm_201803.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Химэда К. Готова ли Япония к приёму иностранных специалистов? // Nippon.com. 17.04.2017. URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00304/> (дата обращения: 12.05.2020).

Хэйсэй 28 нэнмацу гэндзай ни окэру дзайрю гайкокудзин су-ни цуитэ : [О численности иностранцев в конце 2016 года] // Ministry of Justice. Japan. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001237697.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

69 foreign technical interns die in Japan between 2015 and 2017 // Kyodo news. 06.11.2018. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2018/12/fefaaa516a27-69-foreign-technical-interns-die-in-japan-between-2015-and-2017.html> (дата обращения: 12.05.2020).

Abenomics // The Government of Japan. URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics/> (дата обращения: 06.07.2020).

Abenomics, March 2017 // The Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/170313_abenomics.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Abenomics, March 2020 // The Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/2003_abenomics.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Alien Registration Law. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=36&vm=04&re=01> (дата обращения: 12.05.2020).

Basic Plan for Immigration Control (5th Edition) // Immigration Services Agency of Japan. URL: http://www.immi-moj.go.jp/seisaku/2015_kihonkeikaku_honbun_pamphlet_english.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Comprehensive Measures for Acceptance and Coexistence of Foreign nationals. December 25, 2018 // Ministry of Justice, Japan. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001301382.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

Douglass M., Roberts G. Japan and Global Migration: Foreign Workers and the Advent of a Multicultural Society. London: Routledge, 2000. 320 p.

Global Peace Index 2019 // The Institute for Economics and Peace. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/06/GPI-2019-web003.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

Hughes J. The 'Japanese Dream' Draws Closer for International Students // Masterstudies. 19.07.2019. URL: <https://www.masterstudies.com/news/the-japanese-dream-draws-closer-for-international-students-3557/> (дата обращения: 12.05.2020).

Japan's Technical Intern Training Programme – Learning the Hard Way? // Institute for Human Rights and Business, 16.10.2017. URL: <https://www.ihrb.org/focus-areas/mega-sporting-events/japan-migrant-workers-titp> (дата обращения: 12.05.2020).

Japan to loosen strict immigration rules amid labour shortage // Aljazeera. 02.11.2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/11/japan-loosen-strict-immigration-rules-labour-shortage-181102031450029.html> (Дата обращения: 12.05.2020).

Jobs with Labor Shortages in Japan, Ranked (2019) // Izanau, 12.03.2020. URL: <https://izanau.com/article/view/labor-shortages-japan> (дата обращения: 12.05.2020).

International Migration Outlook 2019: Japan // OECD iLibrary. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e025d47d-en/index.html?itemId=/content/component/e025d47d-en> (дата обращения: 12.05.2020).

Immigration Control and Refugee Recognition Act // Immigration Services Agency of Japan. URL: <http://www.immi-moj.go.jp/english/newimmiact/pdf/RefugeeRecognitionAct01.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

Keep growing inbound tourism // The Japan Times. 06.01.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/01/06/editorials/keep-growing-inbound-tourism/> (дата обращения: 12.05.2020).

Quality of Life Survey: top 25 cities, 2019 // Monocle. URL: <https://monocle.com/film/affairs/quality-of-life-survey-top-25-cities-2019/> (дата обращения: 12.05.2020).

Murakami Y. Is Japan a land of contradictions or opportunities for immigration? // The Japan Times. 17.07.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/07/17/commentary/japan-commentary/japan-land-contradictions-opportunities-immigration/> (дата обращения: 12.05.2020).

New Technical intern Training Program, April, 2017 // Ministry of Justice, Japan. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001223972.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

No. of Japanese language institutions soars in Asia: survey // Kyodo news. 10.10.2019. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2019/10/5a68e414f248-no-of-japanese-language-institutions-soars-in-asia-survey.html> (Дата обращения: 12.05.2020).

Points-based Preferential Immigration Control and Residency Management Treatment for Highly-Skilled Foreign Professionals // Immigration Services Agency of Japan. URL: http://www.immi-moj.go.jp/newimmiact_3/en/index.html (дата обращения: 12.05.2020).

Procedures for examinations for entries into and departures from Japan - Q&A // Immigration Services Agency of Japan. URL: <http://www.immi-moj.go.jp/english/tetuduki/kanri/qa.html> (дата обращения: 12.05.2020).

Report on Priority Measures and Others for Innovative Business Activity Action Plan, June 2019 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/report190621en.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

Report on the Current Situation of Migrant Women and the Discrimination They Face in Japan // Solidarity Network with Migrants Japan (SMJ), February 2016. URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/JPN/INT_CEDAW_NGO_JPN_22819_E.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Specified Skilled Worker // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/ca/fna/ssw/us/index.html> (дата обращения: 12.05.2020).

Tanikawa M. Japan Opens Its Gates to Foreign Workers // US NEWS. 23.01.2019. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2019-01-23/japan-opens-its-gates-to-foreign-workers> (дата обращения: 12.05.2020).

The Global Competitiveness Report 2019 // World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Welcoming Government // The Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/investment/welcoming_government.html (дата обращения: 12.05.2020).

What is the Technical Intern Training Program? // JITCO. URL: <https://www.jitco.or.jp/en/regulation/index.html> (дата обращения: 05.06.2020).

REFERENCES

Alien Registration Law. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=36&vm=04&re=01> (accessed: 12.05.2020).

Aljazeera. (2018). Japan to loosen strict immigration rules amid labour shortage. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/11/japan-loosen-strict-immigration-rules-labour-shortage-181102031450029.html> (accessed: 12 May 2020).

Douglass M., Roberts G. (2000). Japan and Global Migration: Foreign Workers and the Advent of a Multicultural Society, London: Routledge.

Forbes. (2018). «Obshchestvo 5.0»: yaponskiye tekhnologii dlya tsifrovoy transformatsii rossiyskoy ekonomiki [Society 5.0: Japanese technology for digital transformation of Russia's economy]. URL: <https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/367837-obshchestvo-50-yaponskie-tehnologii-dlya-cifrovoy-transformatsii> (accessed: 12 May 2020). (In Russian).

Himeda K. (2017). Gotova li Yaponiya k priyomu inostrannykh spetsialistov? [Is Japan ready to accept foreign specialists?], Nippon.com, 17 April. URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00304/> (accessed: 12 May 2020). (In Russian).

Hughes J. (2019). The 'Japanese Dream' Draws Closer for International Students, Masterstudies, 19 July. URL: <https://www.masterstudies.com/news/the-japanese-dream-draws-closer-for-international-students-3557/> (accessed: 12 May 2020).

JETRO. Snachala obratites' k JETRO! [Talk to JETRO first!]. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/russia/doingbusiness/talktojetro_rsm_201803.pdf (accessed: 12 May 2020). (In Russian).

JITCO. What is the Technical Intern Training Program? URL: <https://www.jitco.or.jp/en/regulation/index.html> (accessed: 05 June 2020).

Institute for Human Rights and Business. (2017). Japan's Technical Intern Training Programme – Learning the Hard Way? URL: <https://www.ihrb.org/focus-areas/mega-sporting-events/japan-migrant-workers-titp> (accessed: 12 May 2020).

Immigration Control and Refugee Recognition Act. Immigration Services Agency of Japan. URL: <http://www.immi-moj.go.jp/english/newimmiact/pdf/RefugeeRecognitionAct01.pdf> (accessed 12 May 2020).

Immigration Services Agency of Japan. Basic Plan for Immigration Control (5th Edition). URL: http://www.immi-moj.go.jp/seisaku/2015_kihonkeikaku_honbun_pamphlet_english.pdf (accessed: 12 May 2020).

Immigration Services Agency of Japan. Points-based Preferential Immigration Control and Residency Management Treatment for Highly-Skilled Foreign Professional. URL: http://www.immi-moj.go.jp/newimmiact_3/en/index.html (accessed: 12 May 2020).

Immigration Services Agency of Japan. Procedures for examinations for entries into and departures from Japan – Q&A. URL: <http://www.immi-moj.go.jp/english/tetuduki/kanri/qa.html> (accessed: 12 May 2020).

Izanau. (2020). Jobs with Labor Shortages in Japan, Ranked (2019). URL: <https://izanau.com/article/view/labor-shortages-japan> (accessed: 12 May 2020).

Korostikov M. (2018). Yaponiya otkryla shlyuzy dlya migrantov [Japan opened gateways for migrants], Kommersant, 10 December. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826173> (accessed: 12 May 2020). (In Russian).

Kyodo News. (2018). 69 foreign technical interns die in Japan between 2015 and 2017. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2018/12/feaaaa516a27-69-foreign-technical-interns-die-in-japan-between-2015-and-2017.html> (accessed: 12 May 2020).

Kyodo News. (2019). No. of Japanese language institutions soars in Asia: survey. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2019/10/5a68e414f248-no-of-japanese-language-institutions-soars-in-asia-survey.html> (accessed: 12 May 2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. Specified Skilled Worker. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/ca/fna/ssw/us/index.html> (accessed: 12 May 2020).

Ministry of Justice. (2016). Heisei 28 nenmatsugenzai ni okeru zairyuu gaikokujin suu ni tsuite [About the number of foreign residents at the end of Heisei 28]. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001237697.pdf> (accessed: 12 May 2020). (In Japanese).

Ministry of Justice, Japan. (2017). New Technical intern Training Program. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001223972.pdf> (accessed: 12 May 2020).

Ministry of Justice, Japan. (2018). Comprehensive Measures for Acceptance and Coexistence of Foreign nationals. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001301382.pdf> (accessed: 12 May 2020).

Mizuho Research Institute. (2017). Shoushi koureika de roudouryokujinkou wa 4-warigen [Declining birthrate and aging will reduce labor force population by 40%]. URL: <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/insight/pl170531.pdf> (accessed: 20 June 2020). (In Japanese).

Monocle. (2019). Quality of Life Survey: top 25 cities. URL: <https://monocle.com/film/affairs/quality-of-life-survey-top-25-cities-2019/> (accessed: 12 May 2020).

Murakami Y. (2018). Is Japan a land of contradictions or opportunities for immigration? *The Japan Times*, 17 July. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/07/17/commentary/japan-commentary/japan-land-contradictions-opportunities-immigration/> (accessed: 12 May 2020).

Nikkei. (2019). Gaikokujin saita no 266 man-nin, 20-dai ga 3-wari roudou-ryoku sasaeru [The largest number of foreigners is 2.66 million, 30% of whom are in their 20s and will support the labor force]. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO47203370Q9A710C1EA1000/> (accessed: 12 May 2020). (In Japanese).

OECD iLibrary. International Migration Outlook 2019: Japan. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e025d47d-en/index.html?itemId=/content/component/e025d47d-en> (accessed: 12 May 2020).

Prime Minister of Japan and His Cabinet. (2019). Report on Priority Measures and Others for Innovative Business Activity Action Plan. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/report190621en.pdf> (accessed: 12 May 2020).

Solidarity Network with Migrants Japan (SMJ). (2016). Report on the Current Situation of Migrant Women and the Discrimination They Face in Japan. URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/JPN/INT_CEDAW_NGO_JP_N_22819_E.pdf (accessed: 12 May 2020).

Tanikawa M. (2019). Japan Opens Its Gates to Foreign Workers. *US NEWS*, 23 January. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2019-01-23/japan-opens-its-gates-to-foreign-workers> (accessed: 12 May 2020).

The Government of Japan. Abenomics. URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics/> (accessed: 06 July 2020)

The Government of Japan. (2017). Abenomics, March 2017. URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/170313_abenomics.pdf (accessed: 12 May 2020).

The Government of Japan. (2020). Abenomics, March 2020. URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/2003_abenomics.pdf (accessed: 12 May 2020).

The Government of Japan. Welcoming Government. URL: https://www.japan.go.jp/investment/welcoming_government.html (accessed: 12 May 2020).

The Institute for Economics and Peace. Global Peace Index 2019. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/06/GPI-2019-web003.pdf> (accessed: 12.05.2020).

The Japan Times. (2019). Keep growing inbound tourism. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/01/06/editorials/keep-growing-inbound-tourism/> (accessed: 12 May 2020).

Vasil'yeva, T.A. (2010). Migratsionnoye zakonodatel'stvo i migratsionnaya politika Yaponii [Japan's Migration Law and Migration Policy], *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 3: 185–208. (In Russian).

World Economic Forum. (2019). The Global Competitiveness Report 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed: 12 May 2020).

Поступила в редакцию 07.07.2020Received 7 July 2020

Для цитирования: Шипилова М.А. Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики? // Японские исследования. 2020. № 3. С. 44–64. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10019

For citation: Shipilova M.A. (2020). Migratsionnyye reformy kabinetov Abe: neznachitel'nyye dopolneniya ili strukturnyy element Abenomiki? [Abe Cabinet migration reforms: minor additions or structural element of Abenomics?], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 44–64. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10019

Японские исследования. 2020. № 3. С. 65–89.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 65–89.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10020

Агаровое дерево как феномен ароматической культуры Японии: классификации и функции

Е.Э. Войтишек, А.А. Речкалова

Аннотация. Ароматическая культура на Японском архипелаге насчитывает почти полтора тысячелетия своего развития с момента появления бруска агарового дерева в 595 г. у побережья о. Авадзи. За сравнительно короткий отрезок времени ароматическая древесина превратилась из экзотического феномена материковой культуры в одну из важнейших статей торгово-экономических связей Японии со странами Восточной Азии. Значение товаров *карамоно* («вещи из Китая»), к которым среди прочего относились благовония и инструментарий для их воскурения, трудно переоценить: это были не просто «предметы роскоши», доступные привилегированным социальным слоям, но полноценные проводники влияния континентальной культуры. Ароматическую древесину использовали в медицине, религиозных практиках и в быту. Со временем под влиянием буддизма и принципов аристократической и самурайской идеологии использование благовоний превратилось не только в традиционное искусство, но и в символ национальной культуры Японии. В рамках данной статьи на материале анализа японских письменных и художественных источников, а также полевых исследований были рассмотрены классификации пород ароматической древесины агарового дерева (аквилярии), которые играли большую роль в культуре Японии в Средние века и Новое время. Эти классификации до сих пор используются при оценивании качества древесины и изделий из неё. Средневековые японские мастера изобрели способы кодировки ароматов душистой древесины через характеристики, связанные со вкусами и местами произрастания ароматических деревьев, а также с образно-символическим и метафорическим значением каждого названия.

Ключевые слова: агаровое дерево, аквилярия, Япония, остров Авадзи, классификации ароматической древесины, храм Хо:рю:дзи, храм То:дайдзи, искусство *ко:до*: («путь аромата»).

Авторы:

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика», Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (адрес: 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). ORCID: 0000-0001-8054-6369; E-mail: e.voitishek@ngsu.ru

Речкалова Анастасия Александровна, ассистент кафедры востоковедения, младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Наследие», Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (адрес: 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). ORCID: 0000-0003-2049-1938; E-mail: a.rechkalova@ngsu.ru

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность доценту Nagoya Institute of Technology технологического университета Нагоя госпоже Макино Юки (牧野友紀), почётному профессору университета Киото господину Кобаяси Тоору (古林徹) и его супруге Кобаяси Таэко (古林妙子) за многолетние ценные консультации и возможность изучения синтоистской и буддийской религиозной обрядности в храмах и святилищах Японии в 2007–2019 гг. Отдельная большая благодарность

супругам Кобаяси и знатоку японской традиционной культуры госпоже Ёсикава Тиё (吉川千代) за редкую возможность посещения средневековых императорских резиденций и музейных комплексов в Киото и Удзи, а также знаменитых святилищ на острове Авадзи в жаркое лето 2018 г. Сердечная благодарность блестящему переводчику и эксперту в японской литературе Т.Л. Соколовой-Делюсиной за любезное согласие сотрудничать в переводе упоминающихся в работе средневековых текстов.

Agarwood as a phenomenon of the incense culture of Japan: classifications and functions

E.E. Voytishek, A.A. Rechkalova

Abstract. The incense culture in the Japanese archipelago dates back almost one and a half millennia in terms of its development since the discovery of the agarwood bar in 595 off the coast of Awaji Island. In a relatively short period of time, aromatic wood has gone from an exotic phenomenon of mainland culture into becoming one of Japan's most important items of trade and economic relations with the countries of East Asia. The value of *karamono* ("things from China") goods, which, among other things, included incense and tools for its burning, can hardly be overestimated: these were not merely "luxury goods" accessible to the privileged social classes, but rather full-fledged vehicles of continental culture influence. Aromatic wood was used in medicine, religious practices, and in everyday life. Over time, under the influence of Buddhism and the principles of aristocratic and samurai ideology, the use of incense turned not only into a traditional art, but also into a symbol of the national culture of Japan. Based on the analysis of written and artistic Japanese sources, as well as field studies, this article explores the classification of aromatic wood species of the agarwood tree (*aquilaria*), which played a key role in Japanese culture in the Middle Ages and the Modern Period. These classifications are still being used in assessing the quality of wood and wood products. Medieval Japanese masters invented ways of encoding aromas of fragrant wood through the characteristics of tastes and the place of growth of aromatic trees, as well as through the figurative, symbolic, and metaphorical meaning of each name.

Keywords: agarwood, *aquilaria*, Japan, Awaji island, classification of aromatic wood, Houryuji Temple, Toudaiji Temple, *kōdō* incense art ("the way of fragrance").

Authors:

Voytishek Elena E., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (address: 1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8054-6369; E-mail: e.voytishek@g.nsu.ru

Rechkalova Anastasia A., Assistant of the Department of Oriental Studies, Research Fellow of the Research and Educational Center "Heritage", Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (address: 1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2049-1938; E-mail: a.rechkalova@g.nsu.ru

Acknowledgements. The authors would like to express their deepest gratitude to Associate Professor of Nagoya Institute of Technology Miss Makino Yuki (牧野友紀), Honorary Professor of Kyoto University Mr. Kobayashi Tooru (古林徹) and his wife Kobayashi Taeko (古林妙子) for the many years of valuable consultations and the opportunity to study religious Shinto and Buddhist rituals in Japan's temples and shrines between 2007–2019. A special note of thanks to Mr. and Mrs. Kobayashi and traditional Japanese culture expert Miss Yoshikawa Chiyo (吉川千代) for the rare opportunity to visit the medieval imperial residences and museums in Kyoto and Uji, as well as the famous shrines on Awaji island during the hot summer of 2018. A heartfelt thank you to the brilliant translator and Japanese literature expert T.L. Sokolova-Delusina for her kind permission to collaborate on the translation of the medieval texts mentioned in this work.

Введение

Опыты использования различных ароматических веществ в Японии задолго предшествовали формированию «пути аромата» 香道, *ко:до:*, к настоящему времени превратившегося в один из самых ярких видов японских традиционных процессуальных искусств.

Появление ароматического сырья растительного и животного происхождения в Японии связано с проникновением на архипелаг в VI–VII вв. через Китай, Корею и страны Юго-Восточной Азии комплекса идейных, религиозных, культурных заимствований, что, в свою очередь, было обусловлено становлением и развитием торгово-экономических связей в регионе. В качестве ароматических веществ кроме различных частей растений – цветов, плодов, корней, листьев, смолы – на Японском архипелаге широко использовали благовония животного происхождения (амбру, мускус, цибетин и др.), а также минералы, раковины и разные части моллюсков и проч.

Однако в ряду ароматических веществ самое почетное место до сих пор по праву занимает древесина. С глубокой древности в Японии чрезвычайно высоко ценится древесина различных пород ароматических деревьев, во множестве произрастающих в тропической зоне Юго-Восточной и Южной Азии. Территория Японского архипелага не располагала ресурсами в выращивании ароматических деревьев, поэтому благоуханную древесину (преимущественно различные виды агарового дерева и сандала) завозили в качестве предметов роскоши 唐物, *карамоно* (букв. «вещи из Китая») и часто использовали как сырье для изготовления благовоний.

Поскольку высочайшим авторитетом в Азии всегда обладала древесина агарового дерева (яп. 沈香, *дзинко:*, или 沈水香木, *дзинсуй-ко:боку*, что значит «тонущий [в воде] аромат / ароматическое дерево»)¹, то и в Японии за ней закрепился наивысший статус, который сохраняется до сих пор. Лучшие виды этой ароматической древесины источают изысканный аромат 伽羅, *кяра* (от санск. «агаровая древесина черного цвета», «благоухание»). С течением времени была разработана целая система смешения различных видов ароматических компонентов, сформировались критерии оценивания достоинств и сферы применения того или иного аромата. Особенно ценилось умение давать различным видам ароматов изысканные названия, имеющие глубокий идейно-философский и литературный подтекст, что было отражено также в большом количестве классификаций благоуханной древесины и соответствующих ароматов в истории культуры Японии.

Начало использования ароматической древесины аквилярии

Согласно хронике «Анналы Японии» (日本書紀, *Нихон сёки*, 720), начало использования ароматической древесины на Японском архипелаге (собственно, от этого события начинается история ароматической культуры) было положено в эпоху императрицы Суйко (554–628), когда целый кусок агарового дерева (аквилярии) был выброшен на берег на острове Авадзи,

¹ Древесина агарового дерева, или аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha* Roxb.), тонущая в воде из-за обилия смолы, имеет множество названий на разных языках: «алойное дерево агаллоха», «орлиное дерево», «удовое дерево», «алоз», «каламбак», «райское дерево», «слепое дерево», «тонущее дерево» и др.

а затем вследствие своих необычных качеств был послан императорскому двору [Нихон сёки, 1997, т. 2, с. 91].

Отдавая дань той большой роли, которую играло это растение в истории культуры Японии, на территории святилища Идзанаги-дзингу на острове Авадзи (преф. Хёго) в октябре 1995 г. в память о легендарном событии, с которого на Японском архипелаге началась история использования этой ароматической древесины, установили две каменные стелы. На одной из базальтовых стел изображён стилизованный иероглиф 香 «аромат», а на другой нанесён фрагмент текста из 22-го свитка мифолого-летописного свода «Анналы Японии» [Ота Киёси, 2001, с. 30–31]. На каменной плите нанесена цитата (на современном языке), где сообщается, что с тех пор, как в 595 г. к берегам острова Авадзи волнами прибило кусок ароматического дерева аквилярии, прошло ровно 1400 лет [Войтишек Е.Э., Речкалова А.А., 2017, с. 68–84].

Рис. 1. Памятные стелы на территории святилища Идзанаги-дзингу на острове Авадзи (преф. Хёго) с изображением иероглифа 香 «аромат» и с цитатой из хроники «Нихон сёки».
Фото – Е.Э. Войтишек (материалы поездки на о. Авадзи в июле 2018 г.)

Между тем, несмотря на то, что памятник установлен в храме Идзанаги-дзингу, сам кусок аквилярии был найден не там, а недалеко от него на западном побережье о. Авадзи. Сейчас там стоит небольшое святилище Карэки-дзиндзя (枯木神社, букв. «Храм сухого дерева»)², чьё название сразу отсылает к известной легенде из японской хроники. Табличка с

² Скромное и с виду неприметное святилище стоит у автотрассы Awaji Sunset Line, прямо на побережье. Несмотря на относительную безлюдность, выглядит очень ухоженным и уютным. (Официальный адрес – префектура Хёго, г. Авадзи, Осаки 220).

названием святилища извещает о том, что оно было построено на месте обнаружения куска ароматического дерева, впервые появившегося в Японии³. Легенда гласит, что прибрежные жители пытались разрубить его на дрова, но почувствовав что-то неладное⁴, несколько раз пытались его снова отправить в открытое море, но каждый раз бревно снова прибывало к берегу, после чего и было решено построить в этом месте святилище⁵.

Рис. 2. Синтоистское святилище Карэки-дзиндзя на побережье о. Авадзи, куда, согласно хронике, в 18-й день 4-го месяца 595 г. волной прибило кусок ароматического дерева.

Фото – Е.Э. Войтишек (материалы поездки на о. Авадзи в июле 2018 г.).

Коллаж – И.А. Аксёнов (вход в святилище Карэки-дзиндзя; побережье, где обнаружили священное дерево; памятная стела с надписью 四月十八日は「お香の日」 «18 апреля – День Аромата»)

На информационном щите для посетителей приводится также содержание легенды с цитатой из японской хроники 720 г., где упоминается тот факт, что кусок дерева достигал в длину около полутора-двух метров, и что значительная его часть была отправлена ко двору.

Действительно, есть письменные упоминания о том, что принц Сё:току Тайси, славившийся благочестием, с почтением принял дар прибрежных жителей острова Авадзи, а императрица Суйко в 3-й год своего правления, в 595 г. (когда принцу Сё:току было около 24 лет), приказала корейскому мастеру из Пэкче вырезать из этой древесины статую бодхисатвы Каннон, которая впоследствии была закреплена за храмом Хисодэра (比曾寺)

³ Так, в материалах упоминается, что существовавшее уже в 1784 г. святилище Карэки-дзиндзя на протяжении длительного времени неоднократно подвергалось разрушительному воздействию различных природных катаклизмов. В последние годы оно было реконструировано, одновременно с ним была приведена в порядок вся территория, включая небольшую пристань, куда приходят лодки во время различных церемоний и празднеств, устраиваемых здесь ежегодно в июле в честь памятного события давнего прошлого [Кобэ симбун. 31.12.2019].

⁴ В некоторых источниках сообщается, что тот, кто пытался разрубить дерево, неизбежно заболел. Скорее всего, это позднейшая легенда, связанная с превращением куска древесины в святыню 神体 *синтай* («тело божества») местной синтоистской общины. До сих пор некий кусок древесины, завернутый в белую материю, хранится на территории святилища.

⁵ Святилище Карэки известно в округе также проведением летнего праздника «Камень драгоценного дитяти» (子宝石): мечтающие родить ребенка женщины участвуют в ритуальном сидении на камне, а потом в присутствии мужчин окунаются в прибрежных волнах, получая «благословение дитя».

в Ёсино. Этот известный эпизод упоминается в памятнике «Описание деяний Сё:току Тайси» (聖徳太子伝暦, *Сё:току Тайси дэнряку*)⁶ как свидетельство усилий японского двора по поддержке укрепляющегося буддизма.

«Весной 3-го года правления императрицы Суйко (595 г., год деревянного зайца по 60-летнему циклу) в Южном море, что омывает берега провинции Тоса, ночь за ночью появлялся яркий свет, и гремел голос будто гром. Так продолжалось 30 дней подряд. В 4-м месяце к южному берегу о. Авадзи по воде прибыла древесина. Жители острова, не ведая того, что она тонет в воде, [решили] растопить ею печь... К принцу Тайси отправили посланников и принесли ему в дар [древесину]. Величиной она была один *и* (一圍), длиной восемь *сяку* (八尺) и обладала несравненным ароматом. Во взгляде принца светилась большая радость, ведь это была аквилярия. Это дерево известно под именем *сэнданко*: (梅檀香), оно произрастает на берегах, омываемых южными индийскими морями. В летние месяцы там выползают разные змеи, а все потому, что это дерево холодное. Люди стреляют из луков. В зимние месяцы, когда змеи прячутся и засыпают, люди рубят ароматную древесину. Плоды её – куриный язычок *кэйдзэцу* (鶏舌), цветы – гвоздика *тё:дзи* (丁子), смола – *кунрику* (薰陸). Если древесина погружается в воду полностью, её называют *дзинсуйко*: (沈水香). Если она скрывается неполностью, её называют *сэнко*: (淺香). Величие буддизма процветало, была создана статуя Будды. Чтобы почтить святыни Тайсякутэн (帝釈天) и Бонтэн (梵天), принц отослал ароматическую древесину. Двор заказал мастеру из корейского царства Пэкче вырезать статую бодхисатвы Каннон высотой несколько *сяку* и поместил её в храме Хисодэра (比蘇寺) в Ёсино»⁷.

Вместе с тем японские учёные, задаваясь вопросом, откуда эта ароматическая древесина могла взяться у берегов архипелага, предполагают, что бревно могло просто упасть с борта грузового судна, поскольку в VI в. в странах Юго-Восточной Азии уже была налажена морская торговля ароматической древесиной. Частично на этот вопрос проливают свет расшифрованные печати и выжженные знаки на разных языках, нанесённые на корневые части ствола дерева. Согласно исследованиям, на срезах деревьев наносились знаки единиц веса и стоимости бруска, а также печати с именем грузоотправителя или

⁶ Это историческая хроника, известная также под названием «Жизнеописание Тайси» (太子伝, *Тайсидэн*), была составлена поэтом Фудзивара-но Канэсукэ (藤原兼輔, 877–933) около 917 г. предположительно на основе более раннего труда монаха из храма Кударадзи (百濟寺). Многие истории и легенды о принце Сё:току Тайси, которые появились в эпоху Камакура, были созданы на основе этого источника. Хроника «Описание деяний Сё:току Тайси» (*Сё:току Тайси дэнряку*, 917) многократно переписывалась и копировалась в последующие столетия. На основе этой хроники в 1069 г. была создана серия полотен «Иллюстрированное жизнеописание Сё:току Тайси» (聖徳太子絵伝, *Сё:току Тайси эдэн*). Первоначально полотна располагались на дверных панелях в живописном зале Восточного придела храма Хо:рю:дзи, однако в эпоху Эдо они были демонтированы и выставлялись самостоятельно. В результате последней реставрации полотна вновь представляют собой десять дверных панелей. Серия картин была создана художником Хата-но Титэй (秦致貞, годы жизни неизвестны) из провинции Сэцу (ныне префектура Осака). Несмотря на то, что к настоящему времени сохранился лишь небольшой фрагмент оригинального шёлкового полотна, благодаря 60 картушам, наклеенным на поверхность полотен, удалось реконструировать многие события из жизни Сё:току Тайси – в частности, сюжет «прибытие священного дерева» (霊木漂着) из Авадзи [Ото Сё:ко, 2008, с. 299–313; Иллюстрированное жизнеописание Сё:току Тайси, 01.07.2020]. Оригинал 1069 г. хранится в Токийском национальном музее.

⁷ Перевод отрывка подготовлен авторами по оцифрованной копии конца эпохи Муромати (1336–1573) с официального сайта Национальной парламентской библиотеки (Токио, Япония) [*Сё:току Тайси дэнряку*].

названием торговой марки (чтобы была возможность установить отправителя на случай, если товар унесет в море) [Ядзима Хикоити, 1989, с. 123–141; Хосино Сатоси, 1996, с. 166–174].

Дальнейшая судьба исторического куска ароматической древесины аквиларии, оказавшегося в 595 г. у побережья о. Авадзи, примечательна: источники сообщают, что в период Асука она попала в столичный храм Хо:рю:дзи (法隆寺), основанный в начале VII в. легендарным принцем Сё:току Тайси (聖徳太子, 574–622). С тех пор история древнего храма Хо:рю:дзи неразрывно связана с историей освоения культурой Японии ароматических растений и деревьев, изучением свойств и функций ароматов в религиозной и бытовой сфере [Ота Киёси, 2001, с. 30–31].

Так, в «Сводном реестре исторических документов храма Хо:рю:дзи» (法隆寺伽藍縁起并流記資財帳, Хо:рю:дзи гаран энги нарабини рю:ки сидзай тё:)⁸ сохранилась запись, свидетельствующая об активной торгово-хозяйственной деятельности храма и его церемониальных нуждах.

«Всего описано 16 видов благовоний, из них: четыре типа кековой древесины (薰陸香, кунрикуко:, лат. *Pistacia mutica* Fisch. El Mey.) для изготовления статуй Будды, 168 рё:⁹ из которых были куплены храмом; 10 рё: агаровой древесины (沈水香, дзинсуйко:), 385 рё: другого типа агаровой древесины (浅香, сэн-ко:)¹⁰, 46 рё: кековой древесины (薰陸香, кунрикуко:) и 48 рё: кирказона слабого (青木香, сэйбокуко:, лат. *Radix Aristilochiae*) были доставлены в императорский дворец Хэйдзё: 平城 для императрицы¹¹ на 22-й день 2-го месяца в старшем году огненной мыши, то есть в 8-й год эры Тэмпё: (737 г.)¹². Кроме того, было также десять типов древесины для Будды, а именно: 407 рё: сандаловой древесины бякуданко:, 86 рё: агаровой древесины дзинсуйко:, 403 рё: 2 бу другого вида агаровой древесины сэн-ко:, 84 рё: благовоний из гвоздики (丁子香, тё:дзико:), 70 рё: 2 бу стиракса бензойного (安息香, ансокуко:, лат. *Styrax benzoin*), 511 рё: кековой древесины, 96 рё: нарда индийского (甘松香, кансёко:, лат. *Nardostachys jatamansa* DC), 96 рё: ликвидамбара формозского (楓香, фу:ко:, лат. *Liquidambar formosana*), 12 рё: ликвидамбара восточного (蘇合香, сого:ко:, лат. *Liquidambar orientalis* и 281 рё: кирказона слабого. В дополнение к этому лицу, ответственному за императрицу, во дворец Хэйдзё: были доставлены сандаловые благовония (496 рё: для священников и монахов, 160 рё: для строительства пагод), это было во 2-м месяце года деревянной собаки, то есть в 6-й год эры Тэмпё: (735 г.)» [Выставка сокровищ ...].

⁸ Известен и как «Финансовая книга Хо:рю:дзи» (法隆寺資財帳, Хорюдзи синдзайтё:). Начало составления памятника принято датировать 747 г., он ежегодно дополнялся новыми сведениями и периодически переписывался. Оригинал не сохранился. В настоящее время существуют как отдельные копии более поздних периодов, так и выдержки из источника в составе других исторических сочинений [Исигами Эйити, 1976, с. 1–10].

⁹ Единица измерения веса. В эпоху Нара так же, как в Китае эпохи Тан, один 両 рё: (кит. *лян*) составлял 16 分 бу (кит. *фэнь*), то есть примерно 41–42 г. [Эл. энциклопедия Дайдзисэн, 2009].

¹⁰ По мнению Дзимбо Хироюки, это вид агаровой древесины, название которого записывается также как 全浅香 (дзэнсэнко:), 紅塵 (ко:дзин), 煎香 (сэнко:), 棧香 (санко:). Эти бруски агаровой древесины до сих пор хранятся в сокровищнице Сё:со:ин в Нара [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 333, 375].

¹¹ Вероятно, имеется в виду императрица Ко:мё: (701–760), супруга 45-го японского императора Сё:му.

¹² Эра Тэмпё: 天平 (729–749) – годы правления императора Сё:му (701–756), на которое приходится расцвет эпохи Нара (710–784).

Наряду с Хо:рю:дзи выдающуюся роль в распространении традиции использования благовоний сыграл и другой храм в Нара, а именно – буддийский храм То:дайдзи (東大寺)¹³. В национальной сокровищнице Сё:со:ин (正倉院), находящейся на его территории, с давних пор хранится фрагмент древесины аквилярии (наилучшего сорта с ароматом *кяра*), у которого есть два названия – 黄熟香, *о:дзюку-ко:* (букв. «жёлтый спелый аромат») и 蘭奢待, *рандзятai* (букв. «принимать долгожданный превосходный аромат»). В последнем названии принято усматривать скрытые иероглифы названия буддийского храма То:дайдзи¹⁴.

Кусок древесины *рандзятai* (длиной 156 см, весом 11,6 кг, в самой широкой части достигает 42,5 см) признан важнейшим национальным сокровищем. Он до сих пор обладает высочайшей репутацией, олицетворяя в определённом смысле императорскую власть [Сё:со:ин, 1994, с. 40]. С этим куском древесины связано множество необыкновенных историй. По легенде, он был привезён из Китая и послан императрице Ко:мё: в 756 г. в храм То:дайдзи. В итоге он оказался вместе с другими сокровищами императора Сё:му в специальном хранилище Сё:со:ин для увековечивания его памяти после смерти.

Однако, прежде чем осесть окончательно в сокровищнице Сё:со:ин, этот предмет в разное время попадал в руки известных политических деятелей и военных правителей. Среди них были Асикага Ёсимицу (1358–1408), 3-й сёгун Муромати-бакуфу; Асикага Ёсинори (1394–1441), 6-й сёгун Муромати-бакуфу (сын Ёсимицу); Асикага Ёсимаса (1436–1490), 8-й сёгун Муромати-бакуфу (сын Ёсинори); Токи Ёритакэ, влиятельный даймё рубежа XV–XVI вв.; Ода Нобунага (1534–1582) – военачальник эпох Сэнгоку и Адзуты-Момояма, один из объединителей Японии¹⁵; император Мэйдзи (1852–1912)¹⁶, – все они оставили надрезы на этом знаменитом куске ароматической древесины. Есть свидетельства, что сёгун

¹³ Вместе с храмом Хо:рю:дзи он входит в число семи крупнейших южных храмов (南部七大寺).

¹⁴ Когда появилось это название, неясно. Однако уже в «Собрании текущей корреспонденции» (尺素往来, *Сэкисо:рай*) за 1481 г. встречается название *рандзятai* (蘭奢袋), а уже в начале XVI в. в дневниковом эссе «Записки о трёх увлечениях» (三愛記, *Сан'ай-но ки*, 1516), посвящённом рассуждениям о «трёх приятных делах» («цитра, вино, стихи» либо «вино, благовония, цветы»), зафиксировано название *рандзятai* в другом написании (蘭奢待). В сочинениях конца XVI в. по чайному искусству (например, 山上宗二記, *Яма-но уэ-но со:дзики*) среди описаний «десяти видов благоуханной древесины» (十種名香, *дзиссю мэйко:*) встречаются упоминания о виде *то:дайдзи* (東大寺) как об одном из таких видов [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 440].

¹⁵ В 1574 г. Ода Нобунага стремился укрепить своё влияние в провинции Ямато. Не желая прибегать к военному противостоянию, он пошёл по пути дипломатии и проявления уважения к традициям. Под предлогом желания получить фрагмент драгоценной ароматической древесины *рандзятai*, хранившейся в сокровищнице Сё:со:ин храма То:дайдзи, он прибыл в провинцию с внушительным военным отрядом, который расквартировался на территории могущественного храма Ко:фукудзи (興福寺). Ода Нобунага послал запрос в храм То:дайдзи на доступ к аквилярии, но получил отказ. Однако он не сдался и обратился с прошением к императору Оогимати (正親町天皇, 1517–1593). На следующий день пришло известие о произведении его в нижний 4-й ранг, которым когда-то обладал сёгун Асикага Ёсимаса – последний из тех, кому было дозволено отрезать фрагмент от *рандзятai*. Императорский двор не только удовлетворил прошение Ода Нобунага, но сделал его официальное положение равным тому, каким обладали до своего падения сёгуны из династии Асикага. Таким образом, Ода Нобунага выиграл сложнейшую битву за влияние в провинции Ямато без применения силы [Такасава Хитоси, 2011, с. 163–165].

¹⁶ Император Мэйдзи, который, ликвидировав власть Эдо-бакуфу, восстановил государственную мощь и взял курс на модернизацию Японии, тоже однажды обратился к этому куску древесины. Он отрезал маленькую пластину от куска древесины, служившую своеобразным символом монаршей власти, тем самым продемонстрировав своё право на реформы Мэйдзи по реставрации императорского правления [Peace and Harmony, 2011, p. 112].

и объединитель Японии Токугава Иэясу в 1602 г. тоже оставил свой след на поверхности древесины¹⁷ [Ёнэда Юсукэ, Сугимото Кадзуки, 2009, с. 348–351]¹⁸.

В настоящее время ароматическая древесина *рандзятэй* всё так же хранится в сокровищнице Сё:со:ин, принадлежащей по традиции императорской семье Японии. Каждую осень Национальный Музей в Нара отбирает предметы из знаменитого собрания Сё:со:ин, чтобы произвести ротацию артефактов на ежегодной выставке сокровищ (正倉院展, Сё:со:ин-тэн). Посетители могут оценить эту редкостную вещь далеко не часто – её выставляют лишь раз в 10–15 лет [Peace and Harmony, 2011, p. 112].

Что касается начала использования ароматического сырья, то в начале эпохи Нара (710–784) вместе с распространением и укреплением буддизма из материкового Китая в Японию было завезено большое количество ароматической древесины, фрагменты которой теперь хранятся на территории буддийских комплексов Хо:рю:дзи и То:дайдзи (в сокровищнице Сё:со:ин)¹⁹.

В то время древесина ароматических деревьев широко использовалась в буддийских поминальных службах (её сжигали перед табличкой с именем умершего). Поскольку такая древесина препятствовала появлению древесных жучков, её также использовали при изготовлении футляров для хранения свитков с сутрами и кистей для письма. Помимо этого, из неё часто делали шкатулки, игровой инвентарий, рукоятки и ножны мечей²⁰.

В отношении ароматической древесины 香木, *ко:боку* в Японии использовалось несколько понятий. В целом термином *ко:боку* называли пораненные деревья и растения родом из жарких тропических стран. Повалившиеся на землю вследствие разных причин (как правило, при поражении грибом), долгое время пролежавшие во влажной земле, такие деревья для самозалечивания начинали вырабатывать смолу, источавшую благоуханье. Ввиду содержания в древесине большого количества смолы, из-за чего она не плавала на поверхности, а погружалась в воду, такие деревья называли и «тонущее ароматическое дерево» (沈香木, *дзинко:боку*), и «тонущий в воде аромат» (沈水香, *дзинсуйко:*, сокр. 沈香,

¹⁷ Известно, что Токугава Иэясу (1542–1616), сёгун Эдо-бакуфу, был страстным собирателем агаровой древесины. В начале XVII в. он обратился к различным правителям стран Юго-Восточной Азии с просьбой найти для него лучшие сорта агаровой древесины. В результате он получил много высококлассных сортов древесины *кяра*. Позже он хвалился, что в его коллекции было более 100 кг самых лучших сортов древесины *кяра* [Peace and Harmony, 2011, p. 111–112].

¹⁸ Современный исследователь из Осацкого университета Ёнэда Кайсукэ насчитал на куске древесины всего 38 надрезов разного времени (длина вырезанных пластин составляла 2–6 см). По его предположениям, не только знаменитые личности в истории Японии, но и обычные люди свыше 50 раз срезали пластинки из разных мест (в том числе, по несколько раз с одного и того же места). Об этом свидетельствуют следы надрезов и оттенки разного цвета на поверхности древесины. Он предполагает, что доступ к этому сокровищу имели, в основном, влиятельные люди (они как раз должны были «отметиться» в силу своего высокого статуса, а остальные надрезы могли быть сделаны теми, кто имел отношение к транспортировке этого артефакта в Японию) [«Рандзятэй» тории-кири...].

¹⁹ В информации о выставке, проводимой с апреля по сентябрь 2020 г. в Токийском национальном музее, посвящённой сокровищам из буддийского храма Хо:рю:дзи VII в. в Нара, упоминается несколько редких экспонатов: два бруска сандаловой древесины (梅檀香, *сэндан-ко:*, N-112 и 白檀香, *бякудан-ко:*, N-113) и фрагмент агаровой древесины (沈水香, *дзинсуй-ко:*, N-114) в форме извилистого корня [Выставка сокровищ ...].

²⁰ Среди сокровищ хранилища Сё:со:ин можно упомянуть ящик с подставкой для игры в *сугороку*, сделанный из агаровой древесины (沈水香画双六局), восьмиугольный ящичек из сандалового дерева (白檀八角箱), нож с ножнами из агарового дерева (沈香把鞘刀子), футляр для хранения свитков с сутрами, натёртый порошком из агаровой древесины (沈香末塗経筒) и незаконченный футляр для хранения кистей с техникой инкрустации агаровым деревом (未造了沈香木画筆管) и др. [Выставка сокровищ...].

дзинко:). Дровесина, которая погружается в воду неполностью, называлась 浅水香, сэнсуйко: (букв. «аромат в мелкой воде»).

С эпохи Хэйан (794–1185) поджигаемые на буддийском алтаре куски такой дровесины стали называться 名香, мё:го: («ароматические деревья с хорошим запахом»), тогда же за этим термином закрепилось значение «аромата, преподносимого в дар Будде». В эпоху Муромати (1336–1573) произношение этого слова изменилось – оно стало звучать как мэйко: (сокращение от понятия 名物の香, мэйбуцу-но ко: – «аромат хороших вещей»). Это понятие приобрело следующие значения – «аромат благородного происхождения» (由緒ある香, юисё ару ко:), «аромат чудесного благоухания» (香気の優れた香, ко:ки-но сугурэта ко:) – в том числе для дровесины²¹.

Классификации ароматической дровесины аквилярии в Японии

Именно с эпохи Муромати в Японии стали составляться классификации сортов высококачественной благоухающей дровесины 名香, мэйко:, которые впоследствии приобрели большую известность.

Так, среди самых известных можно назвать классификацию из 180 видов благовонной дровесины, разработанную известным военачальником эпохи Южного и Северного дворов Сасаки Доё (佐々木道誉, 1296–1373), а также классификацию из десяти видов душистой дровесины, составленную чайным мастером Яманоуэ Со:дзи (山上宗二, 1544–1590), изучавшим чайное мастерство у мастера Сэн-но Рикю: (1522–1591) и служившего при Тоётоми Хидэёси (1536–1598). Были и другие перечни ароматической дровесины, включавшие 66 видов (六十六種名香), 120 видов (百二十種名香), 130 видов (百三十種名香) и даже 200 видов (二百種名香) [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 446].

По приказу 8-го сёгуна эпохи Муромати Асикага Ёсимаса (足利義政, 1436–1490), известного покровителя искусств, главам основных школ «пути аромата» 香道 ко:до: – а именно Сино Со:син (志野宗信, 1443–1522), основателю школы Сино-рю: (志野流), и основателю школы Оиэ-рю: (御家流) – аристократу, поэту Сандзё:ниси Санэтакэ (三条西実隆, 1455–1537) – было поручено составление списка наилучших дровесных ароматов с учётом специфики запаха и места произрастания, в результате чего появился перечень «61-го вида ароматической дровесины» (六十一種名香, рокудзю: иссю мэйко:), который до сих пор считается нормативным в японском искусстве ароматов²².

Примечательно, что список из 61 вида ароматической дровесины открывают два вида агаровых деревьев, имеющих специальные названия по имени храмов, где изначально находились фрагменты этой дровесины – 法隆寺 Хо:рю:дзи (или 太子, Тайси)²³ и 東大寺 То:дайдзи (или 蘭奢待, Рандзятэ). Вместе с остальными девятью видами они составляют

²¹ О традиции использования благовоний в Японии и о японских классификациях ароматической дровесины см. [Информационный портал лечебной дровесины *кигусури*].

²² По некоторым упоминаниям, этот нормативный список надо было запомнить наизусть [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 446].

²³ Храм Хо:рю:дзи в Нара основан принцем Сё:току Тайси (聖徳太子, 574–622), считавшимся первым реформатором Японии, активно поддерживавшим связи с Китаем и распространение буддийского вероучения.

«11 видов знаменитых ароматов» (十一種名香, *дзю: иссю мэйко:*), остальные виды объединены в группу «50 видов знаменитых ароматов» (五十種名香, *годзю: сю мэйко:*).

Список из 61 вида ароматической древесины:

法隆寺・東大寺（蘭奢待）・逍遙・三芳野・紅塵・枯木・中川・法華経・花橘・八橋・園城寺・似・不二の煙・菖蒲・般若・鷓鴣斑・青梅・楊貴妃・飛梅・種島・滯標・月・竜田・紅葉の賀・斜月・白梅・千鳥・法華・臘梅・八重垣・花の宴・花の雪・名月・賀・蘭子・卓・橘・花散里・丹霞・花形見・上薫・須磨・明石・十五夜・隣家・夕しぐれ・手枕・有明・雲井・紅・泊瀬・寒梅・二葉・早梅・霜夜・七夕・寢覚・東雲・薄紅・薄雲・上馬

Хо:рю:дзи, То:дайdzi (Рандзятай), Сё:ё: (Прогулка), Миёсино, Ко:дзин (Красная пыль), Засохшее дерево Кобоку, река Накагава, Хокэкё (Лотосовая сутра), Хана-татибана (Цветущий померанец)²⁴, Яцухаси (Восемь мостков)²⁵, храм Ондзё:дзи²⁶, Нитари (Подобие), Фудзи-но кэмури (Дым над Фудзи), Аямэ (Ирис), Ханья (Праздник), Сякобан (Пятна жемчужного турача)²⁷, Аоумэ (Зелёная слива), Ян Гуйфэй, Тобиумэ²⁸ (Летучая слива), Танэ-га сима, Миоцукуси²⁹, Цуки (Луна), Тацута³⁰, Момидзи-но га³¹, Сягэцу (Клоняющаяся к западу луна), Хакубай (Белая слива), Тидори (Кулик), Хоккэ (Цветок закона), Ро:бай (Зимоцвет)³², Яэгаки (Восьмислойная ограда)³³, Хана-но эн³⁴, Хана-но юки (Цветочный снег)³⁵, Мэйгэцу

²⁴ Переводится ещё как мандарин, или апельсин Татибана (известное стихотворение из антологии X в. «Кокин Вакасю»).

²⁵ Мостки *яцухаси* – образ из лирического повествования «Исэ-моногатари» эпохи Хэйан [Исэ моногатари, 1979, с. 46].

²⁶ Храм Ондзё:дзи (園城寺), известный также как Миидэра (三井寺), был основан в 672 г. императором Тэмму (天武天皇, ок. 631–686) после смуты Дзинсин, в результате которой он сверг сына своего покойного брата императора Тэндзи и занял престол. Находится у подножия горы Хиэй, недалеко от озера Бива. С конца VI в. храм входил в число четырёх наиболее влиятельных буддийских институтов, наряду с То:дайdzi, Ко:фукудзи и Энрякудзи (延暦寺). Со второй половины X в. храм Миидэра в числе первых начинает активно формировать отряды монахов-воинов, которые приняли участие в военном противостоянии Тайра и Минамото на стороне последних, оказывали вооруженное сопротивление войскам сёгуната в эпоху Муромати, сражались в коалиции с кланами Асаи и Асакура против Ода Нобунага. С этим храмом связана легенда о похищении 2-тонного колокола монахом-воином Сайто-но Мусасибо Бэнкэй – оруженосцем и другом Минамото-но Ёсицунэ [Оми мэйсё дзюэ].

²⁷ «Пятна жемчужного турача» – название указывает на пятнистую древесину, похожую на оперенье жемчужного турача *сяко* (перепёлки).

²⁸ Образ связан с Сугавара-но Митидзанэ (845–903), который в 901 г. был обвинён в придворных интригах и выслан на Кюсю. Отправляясь туда, оплакивал разлуку с растущими в его саду сосной, сакурой и сливой. По легенде, когда он уехал из столицы, сакура засохла от тоски, а слива и сосна полетели по небу к нему на Кюсю. Сосна обессилела по дороге и, не долетев, упала на территорию Сума, где и укоренилась, а слива сумела долететь до его жилища. Сейчас сливовое дерево является символом храма Анракудзи (安楽寺) в Дадзайфу (Кю:сю:).

²⁹ Название гл. 14 («У бакенов») «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу.

³⁰ Река Тацута – знаменитое место любования алыми осенними кленами *момидзи*.

³¹ Название гл. 7 («Праздник алых кленов») «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу.

³² Химонант скороспелый – дерево с жёлтыми цветами, разновидность сливы, цветёт почти одновременно со сливой.

³³ Образ из хроники VIII в. «Кодзики» («В Идзумо, где в восемь гряд облака встают, / Покои в восемь оград, / Чтобы укрыть жену...») [Кодзики, 1994, с. 60; Кодзики, 2014, с. 103–104].

³⁴ Название гл. 8 («Праздник цветов») «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу.

³⁵ Поэтический образ, основанный на приёме 見立て *митатэ* – уподобление цветов сливы снегу.

(Полнолуние), Га (Праздник)³⁶, Рансу (Дитя орхидеи), Дзёку (Приалтарный)³⁷, Татибана (Померанец), Хана-тирусато³⁸, Танка (Красные облака, пронизанные лучами солнца), Хана-гатами (Цветочная корзина)³⁹, Увадаки (Куренья для верхнего платья), Сума, Акаси⁴⁰, Дзю:гоя (Пятнадцатая ночь), Ринка (Соседний дом)⁴¹, Ю:сигурэ (Вечерний дождик), Тамакура (Изголовье из рук), Ариакэ (Предрассветная луна), Кумои (Облачная обитель), Курэнай (Алый), Хакусэ, Камбай (Зимняя слива), Футаба (Два первых листка), Со:бай (Ранняя слива), Симоё (Холодная ночь)⁴², Танабата (Седьмая ночь), Нэдзамэ (Пробуждение), Синономэ (Рассветные облака), Усукурэнай (Розовый)⁴³, Усукумо⁴⁴, Нобориума (Прекрасный конь)⁴⁵.

Все эти виды ароматов принадлежат различным сортам агаровой древесины 沈香 *дзинко*:, особенности которой значительно отличаются друг от друга в зависимости от места произрастания и типа формирования. Этот список был составлен с учётом специфики разных видов агаровой древесины.

Если говорить об особенностях этого списка, то кроме первых названий, соотносящихся с главными и древнейшими буддийскими храмами Нара, остальные названия являются названиями других растений и деревьев («белая слива» 白梅, *хакубай*; ирис 菖蒲, *аямэ* и др.), церемоний и праздников календарного цикла (например, осенний праздник ясной луны 十五夜, *дзю:гоя*, отмечавшийся в 15-ю ночь 8-го лунного месяца; праздник Волопаса и Ткачихи 七夕, *танабата*, приходившийся на 7-й день 7-го месяца, и др.). Кроме того, ряд наименований сортов агаровой древесины связан с поэтическими и образными названиями растений и деревьев («ранняя слива» 早梅, *со:бай*; «зелёная слива» 青梅, *аоумэ*⁴⁶; цветущая в холода «зимняя слива» 寒梅, *камбай* и др.) и с устойчивыми образами традиционной культуры (мостик из восьми секций 八橋, *яцухаси*⁴⁷ в японском саду; специальное «сезонное слово» в японской поэзии 夕時雨, *ю:сигурэ* «вечерний дождь», ассоциировавшееся с зимой, и др.).

³⁶ Этот праздничный аромат использовали в день празднования 50-летия Асикага Ёсимицу в 1408 г., то есть незадолго до его смерти.

³⁷ Жертвенный столик для благовоний перед буддийским алтарём.

³⁸ Название гл. 11 («Сад, где опадают цветы») «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу.

³⁹ Название пьесы *ё:кёку* для театра Ноо, автором которой был известный драматург Дзэами (1363–1443).

⁴⁰ Подряд идут названия глав «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу: Сума (гл. 12) и Акаси (гл. 13).

⁴¹ По легенде, военачальник Сасаки Доё получил эту ароматическую древесину от соседа – отсюда название.

⁴² Буквально – «ночь, когда выпадает иней».

⁴³ Вероятно, этот образ связан со стихотворением из антологии 1132 г. «Горная хижина» (*Санкасю*) поэта-отшельника Сайгё (1118–1190), где есть такие строки: たぐいなき 思ひいではの 桜かな 薄紅の花の にほひは, *Тагуинаки омоидэва-но сакура кана усукурэнай-но хана-но ниои ва* [«Что с ними сравнится? / Воспоминания о вишнях/, увиденных в Дэва / Яркая прелесть / розовых цветов» (пер. Т. Л. Соколовой-Делюсиной)] [Словарный банк]. Слово *ниои*, обозначающее понятия «яркость» и «пышность», позднее стало связываться с дивным ароматом, что и было использовано в классификации.

⁴⁴ Название гл. 19 («Тающее облако») «Повести о принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу.

⁴⁵ Имеется в виду конь, который выводился во время синтоистских обрядов.

⁴⁶ Название *аоумэ* относится к виду агаровой древесины, отличающейся кисловато-горьким ароматом, характерным для вкуса зелёной сливы.

⁴⁷ Этот вид агаровой древесины отличается сильным ароматом с горьковатым привкусом.

Ряд понятий не относится к исконным образам японской культуры и литературы, а отсылает к известным буддийским произведениям (к примеру, к «Лотосовой сутре» 法華經, *Хокэкэ:*), широко используемым в буддизме понятиям типа 般若, *ханья* («мудрость», «прозрение», санскр. *Prajñā*) и 紅塵, *ко:дзин* (букв. «красная пыль» в значении «мирская суэта»), а то и к знаменитым персонажам вроде красавицы Ян Гуйфэй (楊貴妃) – возлюбленной китайского императора Сюань-цзуна (685–762).

Большинство названий видов ароматической древесины в списке связано с японской классической литературой. Помимо указания на известные театральные драмы (например, на пьесу Дзэами «Цветочная корзина» 花形見, *Ханагатами*), можно насчитать много примеров, относящихся к прославленному произведению эпохи Хэйан – «Повести о принце Гэндзи», написанного на рубеже X–XI вв. Мурасаки Сикибу. В основном, это названия глав из знаменитого произведения: «Праздник алых листьев» (紅葉の賀, гл. 7); «Праздник цветов» (花の宴, гл. 8); «Сад, где опадают цветы» (花散里, гл. 11); «Сума» (須磨, гл. 12); «Акаси» (明石, гл. 13); «Тающее облако» (薄雲, гл. 19) и др.

Надо признать, что эти элегантные названия, вызывающие целый шлейф литературно-художественных аллюзий, очень трудно запоминаются, будучи выстроены в списке подряд друг за другом. Видимо, вследствие этого во второй половине эпохи Эдо (в конце XVIII в.) неизвестным автором было создано ритмически организованное стихотворение в семь и пять слогов (七五調の歌, *ситиготё:-но ута*), которое со временем стало называться «Цепочка слов-названий 61 вида ароматов» (名香六十一種名寄文字鎖, *Мэйко: рокудзю: иссю: наёсэ модзи кусари*)⁴⁸.

Стихотворение о 61 аромате

それ名香の数々に にほひ上なき蘭奢侍 いかにおとらん法隆寺 逍遙・三吉野・
紅塵や やどの古木の春の花 ながれたえせぬ中川と とくに妙なる法華経は 花たちば
なの香ぞふかみ みかはにかくる八橋の 法のはやしの園城寺 しかはた似うらみそふ
ふじの煙の絶えやらじ しげる菖蒲にふく軒ば 般若・鷓鴣斑・青梅よ よにすぐれたる
楊貴妃の のどけき風に飛梅は 花のあとなる種が嶋 またも浮き世に身をつくし 白妙
なれや月の夜に にしき竜田の紅葉の賀 かたぶく斜月・白梅よ 夜さむの千鳥浦つたふ
ふかき教えの法花こそ そこそと匂う鑑梅や 八重垣こめし花の宴 むもるる花の雪をみ
め 名月・賀・蘭子・蜀・橘 名さへ花散里とへば 春の丹霞のたちそひて 手に持ちな
れし花かたみ 身の上薫の香を残す 須磨の浦はに夜を明石 しらむもしらぬ十五夜の
軒は隣家に立ちならぶ ふる夕時雨・手枕の のこる有明ほどもなく 雲井うつろふ紅は
はなの初瀬の曙か 寒梅・二葉・早梅を をく霜夜とぞまがえけん むすぶ契りは七夕よ
夜は老の身の寝覚せし 東雲はやくうす紅 日陰もさすや薄雲の 上り馬とや名づけらん
六十の香これをいふなり

⁴⁸ Текст «Мэйко: рокудзю:…» приводится по [Репозиторий о:раймоно курабу], а также по [Официальный сайт компании Байкундо], расположенной на острове Авадзи. Список ароматов и стихотворение также приводятся по [Ота Киёси, 2001, с. 96–98].

«Вот какие есть славные ароматы:
Равных не имеющий Рандзятай,
Никак не уступающий ему Хо:рю:дзи,
Прогулка, Миёсино, Красная пыль,
Засохшее дерево у дома весной покрывается цветами.
Беспрерывный поток реки Накагава
И благодатная Лotosовая сутра
Насыщены глубоким ароматом Цветущего Померанца,
Восемь мостков в стране Микава,
Храм Ондзё:дзи, окруженный лесом истины-дхармы.
Им Подобен стелющийся вдоль залива,
Не иссякающий Дым над вершиной Фудзи.
Стреха, высланная пышными Ирисами,
Праздняя, Пятнышки турача, Зелёная слива,
И не знающая равных в мире Ян Гуйфэй.
Лёгкий ветер подхватит Летучую сливу,
Цветы за собою оставили Остров Семян – Танэ-га сима,
И снова «У бакенов» отделись на волю волн бренного мира.
Белотканной её назовём ли? Лунной ночью
У парчой сверкающей реки Тацута Праздник алых клёнов.
Клонящаяся к западу луна и Белая слива.
А ночью холодной Кулики-тидори бродят по берегу моря.
Цветок Закона сокровенного Учения –
Здесь его обретешь – словно так говоря, благоухает Зимощвет,
На Празднике цветов за Восьмислойной оградой
Полюбуйтесь землю покрывшим Цветочным снегом.
Полнолуние, Праздник, Орхидея, Приалтарный, Померанец -
Стоит лишь спросить о них в Селении, где опадают цветы,
И окутает всё вокруг весенняя Красная дымка.
От привычной руке Цветочной корзины
Остаётся аромат Курений для Верхнего платья.
На побережье Сума ночь скоротали, в Акаси (так светло, что)
Непонятно, когда светлеет Пятнадцатая ночь.
Рядом высятся крыши Соседних домов.
Сыплет Вечерняя морось, Изголовье из рук
Недолго будет ещё его озарять свет Предрассветной луны.
Алость, окрашивающая Облачную обитель,
Уж не утренняя ли заря это над Хацусэ в цвету?
Или, может, это была Ночь инея, манящая к себе
Зимнюю сливу, Два первых листка, Раннюю сливу?
Клятвы давать – дело Седьмой ночи-Танабата.
Ночью старики легко Пробуждаются от сна,
А Рассветные облака уже окрашены Розовым.
Неужели тень отбрасывают Тающие облака?

Или может это то, что называют Прекрасными конями?

И все это зовется 60-ю ароматами»⁴⁹.

(перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной)

Эти тексты во вторую половину эпохи Эдо (1603–1867) были включены в издания, предназначенные для женского образования. К самым ранним относятся такие издания, как «Поучительные песни для декламации нараспев женщинами» (女郎詠教訓歌, Дзёро:эй кё:кун-ута, 1753) и «Сочинения для женского чтения» (女用続文章, Дзёё: ёми бунсё, 1787), а также некоторые другие.

Поскольку это произведение было предназначено, в основном, для женщин, подобные издания сопровождалось иллюстрациями. Так, на развороте одного такого издания изображена сцена в гостиной с участием семи дам, сидящих в длинных кимоно на татами вокруг утвари для возжигания благовоний. По всей вероятности, они заняты игрой «ароматы беговых лошадей» (競馬香, кэйбако:) с фигурками всадников и лошадей на специальной подставке⁵⁰. Картинку обрамляет текст со стихотворением «Цепочка слов-названий 61 вида ароматов», которое, возможно, уместно было декламировать во время развлечений по отгадыванию запахов [Онна ро:эй кё:кунка].

Рис. 3. Иллюстрация из издания «Поучительные песни для декламации нараспев женщинами» (女郎詠教訓歌, Дзёро:эй кё:кун-ута, 1753)
[Онна ро:эй кё:кунка]

⁴⁹ На самом деле, здесь указан весь вышеприведённый перечень из 61 вида ароматов. В некоторых изданиях (см., напр., [Ота Киёси, 2001, с. 98]) в конце перечня вместо 六十の香 (рокудзю-но ко:) указано понятие むそじ (мусодзи), что тоже означает «60» и часто используется в значении «60 лет», обозначая и период, и возраст.

⁵⁰ Это один из популярных видов развлечений в эпоху Эдо, принятых во всех основных школах искусства чая и ароматов. Ритуал изначально имел отношение к синтоистским празднествам в святилище Камо-дзиндзя в Киото, связанным с состязаниями беговых лошадей, которые ежегодно проводятся 5 мая [Войтишек, 2011, с. 204–206].

На основе классификации из 61 вида ароматической древесины, составленной в начале XVI в. двумя корифеями искусства *кодо* – Сандзё:ниси Санэтака и Сино Со:син, – к концу XVII в. окончательно сформировалась ещё одна система, получившая название «шесть стран – пять вкусов» (六国五味, *риккоку-гоми*), которая объединяла лучшие ароматы агаровой древесины родом из Индии и тропической Азии с разными оттенками вкусов: 甘 *кан* (сладкий), 酸 *сан* (кислый), 辛 *син* (острый), 鹹 *кан* (солёный), 苦 *ку* (горький). Учитывая места произрастания ароматических растений, было выделено шесть сортов агаровой древесины по названию шести стран: древесина 伽羅, *кяра* с пряным вкусом и резким запахом (лучшие сорта из Индии, Вьетнама); сладкая древесина 羅国, *ракоку* (Сиам, Мьянма); без ярко выраженного запаха древесина 真那伽, *манака* (Малакка, Малазия); горько-солёная, чуть сладковатая древесина 寸聞多羅, *сумотара* (Суматра); кисло-горькая древесина 真南蛮, *манабан* (область Малабар на восточном побережье Южной Индии) и древесина с холодным и солоноватым привкусом 佐曾羅, *сасора* (Индия и Индонезия) [Войтишек, 2011, с. 189–190; Войтишек, 2019, с. 70–71].

В соответствии с этой системой, самая качественная древесина *кяра* содержала запахи всех пяти видов, поэтому её часто называли 五味立 *гоми-тацу* (букв. «обладающая пятью вкусами»). Считалось, что знаменитая древесина 蘭奢待 *рандзятэй* из храма То:дайдзи относится как раз к такому виду.

- Знаменитая древесина агарового дерева 黄熟香, *о:дзюку-ко:* (蘭奢待, *рандзятэй*) из национальной сокровищницы Сёсоин при храме Тодайдзи (Нара, Япония) [Сё:со:ин, 1994, с. 40].
 - Ароматическая древесина «из шести стран». Справа налево: *ракоку*, *кяра*, *сумотара*, *манабан*, *манака*, *сасора* (длиной 42,5 см) [Ко:до:гу, 2006, с. 80].
 - Наборы инструментов для разрезания ароматической древесины [Ко:до:гу, 2006, с. 149].
- Коллаж – И.А. Аксёнов

Что касается классификации из 61 видов благоуханной агаровой древесины, то она в эпоху Эдо была переосмыслена. На основе уже имеющейся классификации и в соответствии с системой «шесть стран – пять вкусов» там были выделены, прежде всего, 11 сортов древесины (шесть видов 伽羅, *кяра* родом из Индии; три вида 羅国, *ракоку* родом из Сиам (сейчас Таиланд); два вида 真那伽, *манака* родом из Малакки). В оставшихся 50 сортах агаровой древесины выделили 41 вид 伽羅, *кяра*; шесть видов 羅国, *ракоку*; девять видов 真那蜚, *манабан* с восточного побережья Индии и пять видов 真那伽, *манака* родом из Малакки [Информационный портал лечебной древесины *кигусури*].

Кроме этого, примерно тогда же в древесине *кяра* стали выделять два вида – старый (古伽羅, *ко кяра*) и новый (新伽羅, *син кяра*). В результате этих преобразований постепенно сформировалась система из семи видов ароматической древесины, которая до сих пор считается одной из самых оптимальных и гармоничных классификаций. В настоящее время ею пользуются многие эксперты по оцениванию качества ароматической древесины [Peace and Harmony, 2011, p. 46–48; 112–113].

В основе вышеприведённой классификации лежал принцип опоры на вкусовые и обонятельные рецепторы. Действительно, чтобы определить вид аромата, душистую древесину нагревают и оценивают качество исходящего из неё запаха («сладкий», «кислый», «солёный», «горький» или «острый»). По меткому наблюдению Ивасаки Ёко из Университета Досия (Киото, Япония), маркировка ароматов с помощью вкуса и обоняния выявляет другую проблему: обоняние – крайне неустойчивое чувство. Кроме того, человеческий нос быстро привыкает к запахам, вследствие чего оценивание аромата не может продолжаться долго. Следовательно, мудрость средневековых мастеров состояла в том, чтобы маркировать запахи с помощью вкусов, чтобы благодаря такой кодировке извлекать из памяти конкретные ароматы [Ивасаки Ёко].

В настоящее время в Японии по-прежнему чрезвычайно высоко ценят древесину аквиларии. Помимо использования в медицине, парфюмерии и косметологии агаровое дерево нашло своё применение в искусстве 香道 *ко:до:* («путь аромата»), дающем возможность в обстановке изысканной атмосферы насладиться благовониями, оценить их значение в религиозном церемониале и художественной сфере. Японцы убеждены, что это искусство способствует очищению сознания, пробуждает человечность и проявляет темперамент. С помощью «слушания благовоний» (聞香 *монко:*) можно подчеркнуть красоту и неповторимость каждого времени года [Morita Kiyoko, 2015, p. 13–15].

С тех пор как кусок благоуханной древесины чудесным образом попал в Японию, благовония прочно вошли в обиход и простолюдинов, и самураев, и аристократов, и богатых торговцев, со временем став частью массовой культуры. Изделия из ароматической древесины давно вошли в сферу декоративно-прикладного искусства: из неё вырезаются скульптуры персонажей буддийского пантеона, изготавливаются фигурки, сосуды, шкатулки, веера, подставки, различный игровой инструментальный. Отдельным видом японского искусства благовоний стало изготовление разнообразных и богато декорированных инструментов для расщепления и распиливания брусков ароматической древесины.

Большое значение благовоний и различных ароматических субстанций в истории культуры Японии подчёркивает наличие значительного количества идиоматических выражений и пословиц, связанных с благоухающей древесиной аквиларии и сандала.

Так, понятие *кяра* представляет не только агаровую древесину высшего качества, но и символизирует все лучшие свойства людей и предметов. Например, красавицу часто называют 伽羅女, *кяра-мэ* (букв. «женщина, [прекрасная], как аромат *кяра*»); мудреца называют 伽羅者, *кяра-моно* (букв. «человек, [прекрасный], как аромат *кяра*»); искусное изделие и мастера, его изготовившего, тоже сравнивают с ароматом и качеством душистой древесины (伽羅細工, *кяра-дзайку*); тёмно-коричневый цвет часто обозначают словом 伽羅色, *кяра-иро* («цвет древесины *кяра*»). При описании бездумного расточительства часто используют выражение 烧尽伽羅, *сё:дзин кяра* (букв. «полностью спалить благоуханную древесину»)⁵¹ [Peace and Harmony, 2011, p. 113].

Здесь же уместно привести ряд японских пословиц, вошедших в обиход с эпохи Эдо и упоминающихся в современных словарях.

沈丁花は枯れても芳し

Дзинтё:гэ ва карэтэ мо камбаси

(букв. «Цветы аквиларии и гвоздики, засохнув, всё равно источают аромат»).

Агаровое дерево и гвоздика, даже высохнув, источают прекрасный аромат. Так и после смерти хорошего человека печаль светла [Котовадза 15000 дзитэн, 1989, с. 297].

梅檀は双葉より芳し

Сэндан ва футаба ёри камбаси

(букв. «И два листочка сандала источают благоухание»).

Иносказательно говорится о взрослом человеке, который и в детстве проявлял выдающиеся таланты, предвосхищая свою счастливую судьбу [Канъё: котовадза дзитэн, 1988, с. 214].

梅檀の林に入る者は染めざるに衣自ずから芳し

Сэндан-но хаяси иру моно ва сомэдзару-ни коромо онодзукара камбаси

(букв. «У входящего в сандаловую рощу одежда сама собой начинает благоухать»).

Иносказательно говорится о человеке, который, воспитываясь в благоприятной среде, вырабатывает хорошие качества и привычки [Канъё: котовадза дзитэн, 1988, с. 214].

沈香 (伽羅／線香)⁵²も焚かず屁もひらず

Дзинко: (кяра/сэнко:) мо такадзу хэ мо хирадзу

(букв. «Не зажжёт аквиларию (ароматную палочку), не испустит газы»).

⁵¹ Видимо, это намёк на исторический анекдот из самурайского эпоса XIV в. «Повесть о Великом мире» (太平記, *Тайхэйки*, свиток 39), связанный с военачальником, *басара-даймё* Сааки Доё (1296–1373), известным своими экстравагантными выходками. В 1366 г. во время церемонии любования сакурой в храме Сёдзидзи (勝持寺) в Охарано 大原野 (юго-западное предместье Киото) при большом стечении народа он за раз сжег 1 *кин* (около 600 г) ценнейшей древесины *кяра* (обычно сжигают не более одного грамма). Рассказывали, что густой дивный аромат распространился далеко во все стороны [Тайхэйки, 2000, с. 302–305].

⁵² Вариант (伽羅／線香) указан в словаре [Канъё: котовадза дзитэн, 1988, с. 193].

Ничего не происходит – ни плохого, ни хорошего, всё равно в жизни. Выражение используется также для обозначения человека, от которого нет ни пользы, ни вреда [Котовадза 15000 дзитэн, 1989, с. 297]. Иносказательно говорится, что тот, кто не делает ошибок, не делает ничего [Нитиэй хикаку котовадза дзитэн, 1981, с. 151].

Выводы

На материале анализа японских письменных и художественных источников, а также полевых исследований авторов работы были рассмотрены основные классификации ценнейших пород ароматической древесины агарового дерева (аквилярии), которые играли большую роль в культуре Японии в Средние века и Новое время. Именно тогда, в период правления третьей династии сёгунов, пришедшийся на последний этап в истории Японии, когда страна, не знакомая ещё с западной цивилизацией, возвращалась к ценностям и эстетическим установкам традиционной культуры, заложенным в эпоху Хэйан (794–1185), были выработаны оригинальные классификации ароматической древесины.

Одна классификация, созданная главами основных школ «пути аромата» в начале XVI в., объединяла лучшие виды древесины аквалярии, названия которых были весьма далеки от научных. Перечень видов ароматической древесины включал 61 название: по определённой логике перечислялись знаменитые храмы, буддийские и мировоззренческие понятия, философские категории, исторические прецеденты, известные персонажи из истории Японии и Китая, элементы календарно-праздничной обрядности, природные явления, поэтические и литературные образы, предания и легенды, – словом, всё, что составляло большую ценность в повседневной материальной и духовной жизни японского общества на протяжении столетий. Другая знаменитая классификация, появившаяся к концу XVII в. и получившая название «шесть стран – пять вкусов» (六国五味, *риккоку-гоми*), объединяла лучшие ароматы агаровой древесины родом из Индии и тропической Азии с пятью базовыми вкусами (сладкий, кислый, солёный, горький, острый).

Уникальность этих классификаций состоит в их научной значимости, что подтверждается массой исторических и письменных источников, а также определяется их ролью в культуре, литературе, в религиозных и бытовых практиках целого региона. Обращает на себя внимание несомненное открытие средневековых японских мастеров, касающееся способов кодировки того или иного аромата душистой древесины, связанное не только с конкретными характеристиками вкусов и местами произрастания ароматических деревьев, но и с образно-символическим значением каждого названия. Часть этих классификаций до сих пор используется авторитетными специалистами всего мира при оценивании качества древесины и изделий из неё.

Анализ различных видов ароматической древесины неизменно выводит на тему формирования и развития торгово-экономических связей в Восточной, Юго-Восточной Азии и тропических регионах Южной Азии, на изучение роли торговых посредников с Ближнего Востока и Центральной Азии (на это указывают и археологические находки с затонувших кораблей, а также выжженные печати и надписи на кусках древесины на согдийском, персидском, пехлевийском языках). Возможно, открытие и изучение новых источников и памятников на этих языках в будущем позволит более точно определить маршруты следования торговых судов и оценить в полной мере культурные находки. Кроме того,

перспективным видится изучение феномена ароматической древесины с точки зрения существования специфической категории товаров *карамоно* («вещи из Китая»), от поставок которых во многом зависели привычки и социальный статус аристократии, духовенства и высших военачальников.

Значение ароматической культуры в Японии, насчитывающей почти 1500 лет своего развития с момента появления бруска ароматического дерева у побережья о. Авадзи, поистине огромно. Как и во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии, оно не исчерпывается ни медицинскими, ни санитарно-гигиеническими функциями, ни религиозными и культовыми практиками, ни бытовыми нуждами. Однако только в Японии использование ароматического сырья выросло до высот настоящего искусства. Соединившись с идейно-мировоззренческой основой буддизма и взяв на вооружение принципы аристократической, а позднее и самурайской идеологии, использование благовоний, обогатившись разнообразными методиками, приёмами и аксессуарами, со временем трансформировалось не только в традиционное искусство, но и превратилось в определённый символ национальной культуры, во многом основанный на осознании ценности настоящего момента, быстротечности жизни и эфемерности всего сущего.

Необычайно трепетное и бережное отношение к различным видам ароматических веществ, а также ко всем обстоятельствам, сопутствующим истории их появления, особенностям использования и оценивания, – одна из устойчивых констант традиционной японской культуры. Тому есть множество примеров из древней и современной истории Японии, один из которых – культурный феномен благоухающей древесины, границы которого так и не удастся очертить в полной мере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Войтишек Е.Э. «Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, Вып. 4: Востоковедение. С. 61–74. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74

Войтишек Е.Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея) // Новосибирск: изд-во Новосибирского госуниверситета, 2011. 312 с., 44 с. илл.

Войтишек Е.Э., Речкалова А.А. Политические игры с благовониями: даймё Датэ Масамунэ и его увлечения изящными искусствами // Японские исследования. 2017. № 3. С. 68–84. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00020

Выставка сокровищ из буддийского храма Хо:рю:дзи VII в. в Нара (апрель-сентябрь 2020 г.) // Сайт Токийского национального музея. URL: https://www.tnm.jp/modules/r_exhibition/index.php?controller=item&id=3049 (дата обращения: 07.05.2020).

Дзимбо Хироюки. Ко:до:-но рэкиси дзитэн (神保博行. 香道の歴史事典) : [Словарь по истории искусства благовоний]. Токио: Касива-сёбо, 2003. 454 с. (На яп.).

Ёнэда Юсукэ, Сугимото Кадзуки. Сё:со:ин бидзюцукан (米田雄介、杉本一樹. 正倉院美術館) : [Художественная галерея Сё:со:ин]. Токио: Коданся, 2009. 368 с. (На яп.).

Ивасаки Ёко. Каори то киго: гэндзи-ко: но дзу-о мэгуттэ (岩崎陽子. 香りと記号—源氏香之図をめぐって) : [Благовония и символы: о знаках гэндзи-ко: но дзу]. Университет

Досися, Исследовательский центр человеческой безопасности, 2015. URL: <http://perfumeartproject.com/wpcontent/uploads/2015/02/e0e34546e4dc307d6c75dd49e96cf306.pdf#search='%E5%BE%8C%E6%B0%B4%E5%B0%BE%E9%99%A2+%E6%BA%90%E6%B0%8F%E9%A6%99%E3%81%AE%E5%9B%B3> (дата обращения: 24.06.2020).

Иллюстрированное жизнеописание Сё:току Тайси // Сайт e-Museum – Национальные сокровища и важные культурные памятники национальных музеев Японии. URL: http://www.emuseum.jp/detail/100205/001/003?word=&d_lang=en&s_lang=&class=&title=&c_e=®ion=&era=&cptype=&owner=&pos=1&num=1&mode=¢ury= (дата обращения: 01.07.2020).

Информационный портал лечебной древесины *кигусури*. О традиции использования благовоний в Японии и о японских классификациях ароматической древесины. URL: https://www.kigusuri.com/kampo/asano/asano_21.html (дата обращения: 05.07.2020).

Исигами Эйити. Хо:рю:дзи гаран энги нараби-ни рю:ки сидзайтё: сёсяхон-но дэнрай (石上英一。法隆寺伽藍縁起并流記資財帳諸写本の伝来) : [Введение в рукописные документы «Описания истории и имущества храма Хо:рю:дзи»] // Вестник Института историографии Токийского Ун-та. Токио: То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё, 1976. № 10. С. 1–10. (На яп.).

Исэ моногатари (серия «Литературные памятники») / пер., прим. Н.И. Конрада; изд. подгот. В.С. Санович. М.: Наука, 1979. 287 с.

Канъё: котовадза дзитэн (慣用ことわざ辞典) : [Учебный словарь пословиц]. Токио: Сёгакукан, 1988. 424 с. (На яп.).

Кобэ симбун. 31.12.2019. URL: www.kobe-np.co.jp (дата обращения: 15.06.2020).

Ко:до:гу (香道具) : [Художественная утварь искусства благовоний] / под ред. Аракава Хирокадзу. Киото: Танкося, 2006. 255 с. (На яп.).

Кодзики – Записи о деяниях древности / пер., коммент. Е.М. Пинус. СПб.: ШАР, 1993. 320 с.

Кодзики (古事記) : [Записи о деяния древности] / пер. на совр. яп. яз. Фукунага Такэхико. Токио: Кадокава сётэн, 2014. 455 с. (На яп.).

Котовадза 15000 дзитэн (ことわざ 15000 辞典) : [Словарь 15000 пословиц] / сост. Ямада Мицудзи. Осака: Мусаси сёбо, 1989. 854 с. (На яп.).

Мэйко: рокудзю: иссю: наёсэ модзи кусари (名香六十一種名寄文字鎖) : [Цепочка слов-названий 61 вида ароматов] // Репозиторий о:раймоно курабу. URL: http://www.bekkoame.ne.jp/ha/a_r/sinhakken_161-165.htm (дата обращения: 10.06.2020).

Мэйко: рокудзю: иссю: наёсэ модзи кусари (名香六十一種名寄文字鎖) : [Цепочка слов-названий 61 вида ароматов] // Официальный сайт компании Байкундо. URL: http://www.baikundo.co.jp/61_fine_incense/ (дата обращения: 08.05.2020).

Нитиэй хикаку котовадза дзитэн (日英比較ことわざ辞典。監修山本忠尚) : [Японо-английский сравнительный словарь пословиц] / под ред. Ямамото Тадахиса. Токио: Согэнся. 1981. 394 с. (На яп. и англ.).

Нихон сёки. Анналы Японии / пер. со старояп. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2. 427 с.

Оми мэйсё дзуэ (近江名所図会) : [Списки достопримечательностей провинции Оми] // Электрон. коллекция Международного института цифровых гуманитарных наук. URL: http://www2.dhii.jp/nijl_opendata/searchlist.php?md=thumbs&bib=200017488 (дата обращения: 07.07.2020).

Онна ро:эй кё:кунка (女郎詠教訓歌) : [Поучительные песни для декламации нараспев женщинами]. Киото: Уэмура Тоэмон, 1755. 1 тетр. // Электрон. коллекция Национальной парламентской библиотеки. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2533881> (дата обращения: 07.07.2020).

Ота Киёси. Каори то тя-но ю (太田清史。香と茶の湯) : [Благовония и чайная церемония]. Киото: Танко:ся, 2001. 190 с. (На яп.).

Ота Сё:ко. Хо:рю:дзи-но Сё:току Тайси эдэн-о ёмитоку – э-но какарэта «Синко: канкё:-но со:тай»-о тэкисуто-тоситэ (太田昌子。法隆寺の聖徳太子絵伝を読み解く—絵の描かれた「信仰環境の総体」をテキストとして—) : [Анализ «Иллюстрированного жизнеописания Сё:току Тайси»: интерпретация «религиозной ситуации» по изображениям] // «Текстология и синтаксис японских религиозных текстов» // Материалы IV международного семинара «Герменевтические исследования и обучение языковой конфигурации». Высшая школа филологии Ун-та Нагоя (G-COE), 2008. 360 с. (На яп.).

«Рандзятэй» тори-кири Нобунага-рэра дакэ дэ накатта Сё:со:ин ко:боку (「蘭奢待」切り取り、信長らだけでなかった 正倉院香木) : [Надрезы на ароматической древесине Рандзятэй. Были не только Нобунага и его соратники. Благоуханное дерево из хранилища Сё:со:ин] // Асахи симбун. 15.01.2006. URL: <http://www.asahi.com/culture/update/0115/008.html> (дата обращения: 17.06.2020).

Сё:со:ин (正倉院) : [Национальное хранилище Сё:со:ин]. Нара: Сё:со:ин дзимусё кансю:. 1994. 79 с. (На яп.).

Сё:току Тайси дэнряку (聖徳太子伝暦) : [Описание деяний Сё:току Тайси]. В 2-х свитках. Свиток 2-й в 2-х частях. Часть 2 // Электрон. коллекция Национальной парламентской библиотеки. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2544997?tocOpened=1> (дата обращения: 01.07.2020).

Словарный банк. URL: <https://kotobank.jp/word/薄紅-192656> (дата обращения: 15.07.2020).

Тайхэйки (太平記) : [Повесть о Великом мире] / пер. и коммент. Хасэгава Тадаси. Токио: Сёгакукан, 2000. 318 с. (На яп.).

Такасава Хитоси. Син-синтё: ко:ки – Нобунага-но сё:гай-о сайгай суру (高澤等。新・信長公記—信長の生涯を再考する) : [Новые записи о деяниях Нобунага: переосмысление жизни Нобунага]. Нагоя: Бицу: сорю:сён, 2011. 341 с. (На яп.).

Хосино Сатоси. Хо:рю:дзи кэнно: хо:моцу-но ко:боку-но кокумэй то якиин-ни цуйтэ (星野聰。法隆寺献納宝物の香木の刻銘と焼印について) : [О выжженной печати и надписи на фрагменте ароматической древесины, пожалованной храму Хо:рю:дзи] // Хранилище академических источников университета Хиросаки, 1996, с. 166–174. URL: https://hirosaki.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=1236&item_no=1&page_id=13&block_id=21 (дата обращения: 12.06.2020).

Электронная энциклопедия Дайдзисэн. Токио: Сёгакукан, 2009. (На яп.).

Ядзима Хикоити. Хо:рю:дзи дэнрай-но кокумэй ири ко:боку -о мэгуру мондай (家島彦一。法隆寺伝来の刻銘入り香木をめぐる問題。沈香・白檀の産地と7・8世紀のインド洋貿易) : [Проблема фрагмента ароматической древесины из храма Хо:рю:дзи с выгравированной надписью. Торговля в Индийском океане в VII–VIII вв. и места произрастания агарового дерева и сандала] // Журнал азиатских и африканских исследований, 1989, № 37, с. 123–141. URL: <http://repository.tufts.ac.jp/bitstream/10108/21758/1/jaas037006.pdf#search> (дата обращения: 12.06.2020).

Morita Kyoko. The Book of Incense. Enjoying the traditional art of Japanese scents. New York: Kodansha, 2015.

Peace and Harmony (祥和。中國香港沉香珍藏展) : [The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts] / ed. by P. Kan. Hong Kong: Trinity International Lim., 2011, 289 p. (На кит. и англ.).

REFERENCES

Asahi Shinbun. (2006). “Ranjatai” torikiri Nobunaga-rera dake de nakatta Shōshōin kōboku [Cuts on Ranjatai aromatic wood. There were not only Nobunaga and his associates. Fragrant wood from the Shōshō-in], 15 January. URL: <http://www.asahi.com/culture/update/0115/008.html> (accessed: 17 June 2020). (In Japanese).

Daijisen Electronic encyclopedia. (2009). Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Hoshino, Satoshi (1996). Hōrūji kennō hōmotsu-no kōboku-no kokumei to yakiin tsuite [On the Burnt Seal and Inscription on a Fragment of Aromatic Wood Granted to the Ho: ryu: ji Temple], in *Hirosaki University National History Study*. 100: 166–174. URL: https://hirosaki.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=1236&item_no=1&page_id=13&block_id=21 (accessed: 12 June 2020). (In Japanese).

Illustrated biography of Shotoku Taishi. E-Museum – National Treasures & Important Cultural Properties of National Museums, Japan. URL: http://www.emuseum.jp/detail/100205/001/003?word=&d_lang=en&s_lang=&class=&title=&c_e=®ion=&era=&cptype=&owner=&pos=1&num=1&mode=¢ury= (accessed: 1 July 2020).

Informational Portal of the *kigusuri* medicinal wood. On the tradition of using incense in Japan and the Japanese classifications of aromatic wood. URL: https://www.kigusuri.com/kampo/asano/asano_21.html (accessed: 5 July 2020).

Ise Monogatari. (1979). (“Literary Monuments”), transl., comment. by N.I. Konrad, ed. by V.S. Sanivich, Moscow: Nauka. (In Russian).

Ishigami, Eiichi (1976). Hōrūji garan engi narabini ryuki shizaichō shoshahon-no denrai [An introduction into collection of manuscripts “Descriptions of the History and Property of the Hōrūji Temple”], *Bulletin of the Institute of Historiography, University of Tokyo*. 10:1–10. (In Japanese).

Iwasaki, Yoko (2015). Kaori kigō genjikō-no zu-wo megutte [Incense and symbols: on the signs of genji-ko: no zu]. URL: <http://perfumeartproject.com/wpcontent/uploads/2015/02/e0e34546e4dc307d6c75dd49e96cf306.pdf#search='%E5%BE%8C%E6%B0%B4%E5%B0%BE%E9%99%A2+%E6%BA%90%E6%B0%8F%E9%A6%99%E3%81%AE%E5%9B%B3> (accessed: 24 June 2020). (In Japanese).

Jinbo, Hiroyuki (2003). *Kōdō-no rekishi jiten* [Encyclopedia of the history of art of incense], Tokyo: Kashiwa-shobo. (In Japanese).

Kanyō kotowaza jiten. (1988). [Learning Dictionary of Proverbs], Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Kobe shinbun. (2019). 31 December. URL: www.kobe-np.co.jp (accessed: 15 June 2020). (In Japanese).

Kōdōgu (2006). [Incense art accessories], by Arakawa Hirokazu, Kyoto: Tankosha. (In Japanese).

Kojiki – Records of Ancient Matters. (1993). Transl., comment. by E. M. Pinus, Saint Petersburg: SHAR. (In Russian).

Kojiki. Records of Ancient Matters. (2014). Transl. to modern Jap. by Fukunaga Takehiko, Tokyo: Kadokawa Shouten. (In Japanese).

Kotowaza 15000 jiten (1989). [Dictionary of 15,000 proverbs], by Yamada Mitsuji, Osaka: Musashi shobo. (In Japanese).

Meikō rokujū isshū nayose moji kusari [List of the names of 61 types of incense]. Official website of Baikundo company. URL: http://www.baikundo.co.jp/61_fine_incense/ (accessed: 08 May 2020). (In Japanese).

Meikō rokujū isshū nayose moji kusari [List of the names of 61 types of incense]. Ōraimono kurabu Repository. URL: http://www.bekkoame.ne.jp/ha/a_r/sinhakken_161-165.htm (accessed: 10 June 2020). (In Japanese).

Morita, Kiyoko (2015). *The Book of Incense. Enjoying the traditional art of Japanese scents*, New York: Kodansha.

Nichiei hikaku kotowaza jiten. (1981). [Japanese-English Proverbs Comparative Dictionary], by Yamamoto Tadahisa, Tokyo: Sogensha. (In Japanese).

Nihon shoki. Annaly Yaponii. (1997). [Annals of Japan], transl. by L. M. Ermakova and A.N. Mesheryakov, Saint Petersburg: Giperion. Vol. 2. (In Russian).

Omi meisho zue [Guide to Famous Omi sites]. Repository of the National Institute of Japanese Literature. URL: http://www2.dhii.jp/nijl_opendata/searchlist.php?md=thumbs&bib=200017488 (accessed: 7 July 2020). (In Japanese).

Onna rōei kyōkunka [Women Didactic Songs]. National Diet Library. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2533881> (accessed: 7 July 2020). (In Japanese).

Ota, Kiyoshi (2001). *Kaori to chanoyu* [Incense and tea ceremony], Kyoto: Tankousha. (In Japanese).

Ota, Shōko (2008). *Hōrūji-no Shōtoku Taishi eden-wo yomitoku – e-no kakareta “Shinkō kankyō-no sōtai”-wo tekisuto toshite*. [Analysis of the “Hōryūji's Pictorial Legend of Prince Shōtoku”: interpretation of the “religious situation” by images], *The global stature of Japanese religious texts aspects of textuality and syntactic methodology*. (In Japanese).

Peace and Harmony (2011). *The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts*, ed. by P. Kan, Hong Kong: Trinity International Lim. (In Chinese and English).

Research Center for the Study of the Incense and Shitsurai Culture in Japan. URL: www.kaorihanafusa.jp (accessed: 24 June 2020). (In Japanese).

Shōsō-in (1994). [Shōsō-in National Repository], Nara: Shōsō-In jimusho kanshū. (In Japanese).

Shōtoku Taishi denryaku [Chronological Biography of Prince Shōtoku]. National Diet Library. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2544997?tocOpened=1> (accessed: 1 July 2020). (In Japanese).

Taiheiki. (2000). [Chronicle of Great Peace], transl. and comments by Hasegawa Tadashi, Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Takasawa, Hitoshi (2011). Shin Shinchō kōki – Nobunaga-no shōgai-wo saigai suru [The New Chronicle of Lord Shinchō: rethinking the life of Nobunaga], Nagoya: Bijutsu soryushon. (In Japanese).

The Exhibition of treasures from the Buddhist Temple Hōrūji (Nara) of the 7th century. Tokyo National Museum (April – September 2020). URL: https://www.tnm.jp/modules/r_exhibition/index.php?controller=item&id=3049 (accessed: 5 July 2020).

Voytishek, E.E. (2011). Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the spirit culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)], Novosibirsk: NSU Publ. (In Russian).

Voytishek, E.E. (2019). “Tsarstvennii aromat” v culture Vostochnoi Azii: vidi, svoistva i osobennosti agarovih dereviev [The “Imperial Fragrance” of East Asian Culture: types, properties and features of the agarwood tree], *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 18 (4): 61–74. (In Russian).

Voytishek, E.E., Rechkalova, A.A. (2017). Politicheskie igri s blagovoniyami: daimyo Date Masamune i ego uvlecheniya izyashnimi iskusstvami [Political games with incense: daimyo Date Masamune and his passion for Japanese traditional arts], *Japanese Studies in Russia*, 3: 68–84. (In Russian).

Words bank. URL: <https://kotobank.jp/word/薄紅-192656> (accessed: 15 July 2020). (In Japanese).

Yajima, Hikoichi (1989). Hōrūji denrai-no kokumei iri kōboku-wo meguru mondai [The Stamped Aromatic Wood from the Treasure House of Hōrūji. Trade in the Indian Ocean in the 7th–8th centuries and places where agarwood and sandalwood grow], *Journal of Asian and African Studies*, 37: 123–141. URL: <http://repository.tufts.ac.jp/bitstream/10108/21758/1/jaas037006.pdf> (accessed: 12 June 2020). (In Japanese).

Yoneda, Yusuke, Sugimoto, Kazuki (2009). Shōsō-In bijutsukan [Shōsō-In Art Gallery], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Поступила в редакцию 20.07.2020

Received 20 July 2020

Для цитирования: Войтишек Е.Э., Речкалова А.А. Агаровое дерево как феномен ароматической культуры Японии: классификации и функции // Японские исследования. 2020. № 3. С. 65–89. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10020

For citation: Voytishek E.E., Rechkalova A.A. (2020). Agarovoye derevo kak fenomen aromaticheskoy kul'tury Yaponii: klassifikatsii i funktsii [Agarwood as a phenomenon of the incense culture of Japan: classifications and functions], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 65–89. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10020

Японские исследования. 2020. № 3. С. 90–106.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 90–106.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10021

Феномен *модан гару* в истории Японии 1920-х – 1930-х годов в эпоху модернизма и культуры потребления

Э.И. Гараева

Аннотация. Настоящая статья посвящена феномену *модан гару*, который просуществовал в Японии около десяти лет, с 1920 по 1930 год. В это время многие интеллектуалы, писатели и критики размышляли над данным феноменом, поскольку он был совершенно беспрецедентным и непонятным явлением в японском обществе. Между Первой и Второй мировыми войнами в Японии в связи с технологическим прогрессом, индустриальным развитием и ускоренным процессом урбанизации был переосмыслен и переопределён уклад повседневной жизни. Урбанизация в Японии в конце 1910-х – 1920-х годов происходила вместе с европеизацией. После Первой мировой войны новая волна увлечения Западом хлынула на Японию. Социальные изменения этого времени послужили причиной динамизации образа японской женщины. Так на сцену вышли раскрепощённые, уверенные в себе, обладающие сильным характером, энергичные женщины. В масс-медиа женщины стали появляться в образах официанток кафе, танцовщиц и продавщиц. Они, став иконами современного города, прогуливались по торговым рядам, вели беседы в кафе, ходили в кино, занимались различными видами спорта, ездили в автобусах и трамваях. Современный стиль жизни 1920-х – 1930-х годов диктовал новые изменения во внешности молодых девушек: менялись их одежда и причёски. *Модан гару*, которых часто сравнивают с американскими флэпперами, носили яркие европейские наряды, туфли на каблуках, короткие стрижки и различные аксессуары. Японское общество, пытавшееся сохранить концепцию *рёсай кэмбо* (良妻賢母, «хорошая жена и мудрая мать»), не желало видеть независимых и свободных от семейных обязательств молодых девушек, которые своё свободное время проводили в кино, кафе и на танцплощадках. *Модан гару* никогда не выступали за женские права, не относились к числу суфражисток. Но, несмотря на это, они не желали оставаться под мужским контролем. *Модан гару* освободили себя от вековых условностей и традиций, добились финансовой независимости и больше ни в чём не уступали мужчинам.

Ключевые слова: *модан гару*, новые женщины, культура потребления, модернизм, *рёсай кэмбо*, период Тайсё, городской средний класс.

Автор: Гараева Эльвира Ильдаровна, магистр; ассистент Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). ORCID: 0000-0002-4465-0131; E-mail: garaeva-elke@mail.ru

***Modan gāru* phenomenon in the history of Japan in the 1920s and 1930s in the age of Modernism and consumer culture**

E.I. Garaeva

Abstract. The article discusses the *modan gāru* phenomenon, which existed in Japan for about ten years, from 1920 to 1930. During this time, many intellectuals, writers, and critics contemplated this phenomenon, as it was completely unprecedented and incomprehensible in Japanese society. In Japan, between the First and Second World Wars, due to technological progress, industrial development, and the accelerated process of urbanization, the way of everyday life was rethought and redefined. Urbanization in Japan in the late 1910s and 1920s occurred with Europeanization. After the First World War, a new wave of fascination with the West rushed into Japan. Social changes of this time caused the dynamization of the image of the Japanese woman. This is how liberated, self-confident, strong-willed, energetic women appeared. In the media, women began to appear in the images of cafe waitresses, dancers, and saleswomen. Having become icons of a modern city, they walked around the shopping malls, had conversations in cafes, went to the cinema, did various sports, and traveled in buses and trams. The modern lifestyle of the 1920s-30s dictated new changes in the appearance of young girls: their clothes and hairstyle changed. *Modan gāru*, often compared to American flappers, wore colorful European outfits, high heels, short haircuts, and various accessories. Japanese society, trying to preserve the concept of *ryo:sai kenbo* (良妻賢母, «good wife, wise mother»), did not want to see young girls who were independent and free from family obligations and who spent their free time in the cinema, cafes, and dancefloors. *Modan gāru* never stood for women's rights, never belonged to the number of suffragists. But, despite this, they did not want to stay oppressed under male control. *Modan gāru* liberated themselves from age-old conventions and traditions, achieved financial independence, and were no longer inferior to men.

Keywords: modern girl, new women, consumer culture, modernism, *ryōsai kenbo*, Taishō period, urban middle class.

Author: Garaeva Elvira I., Master, assistant, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics” (address: 20, Myasnikskaya Str., 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4465-0131; E-mail: garaeva-elke@mail.ru

Одним из эпохальных событий в современной истории Японии считается Великое землетрясение Канто (関東大震災), случившееся 1 сентября 1923 г.: за два года и три месяца до конца исторического периода Тайсё (1912–1926). Однако в сознании нации именно землетрясение ознаменовало конец эры. Токио и его окрестности были полностью разрушены. Землетрясение Канто унесло жизни нескольких сотен тысяч человек. На время культурная жизнь, до сих пор кипевшая в столице, пришла к застою.

Разрушительная сила землетрясения не изменила столичную культуру в корне, но она стала причиной зарождения новых феноменов, а именно возникновения американской потребительской культуры, которая активно поддерживалась женскими журналами. Женщины, которые с периода Мэйдзи (1868–1912) начали играть большую роль в модернизации Японии, твёрдо заявили о своем намерении меняться.

Социальный феномен под названием «модернизм», который проявился в японском обществе в период между двумя мировыми войнами, может быть описан как стремление к новой жизни, в котором активно проявили себя образованные городские женщины. Модернизм был воплощён в популярной культуре через масс-медиа: журналы, кино, радиопередачи. Его символами стали неоновые огни, кафе, танцы, джаз, западная мода, стрижка боб и *модан гару* (モダンガール от англ. modern girl – современная девушка), которые старались подражать американским звездам кино. После Великого землетрясения 1923 года, когда впервые заговорили о модернизме как о социальном феномене, и до начала 1930-х годов, когда он исчез с нарастанием милитаристических настроений, он был символом изменений в социальных порядках и нравах, которые особенно коснулись Токио. Начиная с 1924 г. и до начала

1930-х годов его также часто отождествляли с направлением стиля и моды. В этот период быть *модан* в Японии означало быть современным социальным представителем своего времени [Sato, 1994, с. 19].

Повышение уровня жизни, которое пришлось на период Тайсё, означало, что новые западные веяния и западная культура могли глубоко проникнуть в Японию и стать понятными и принятыми простыми японцами. Уже после Первой мировой войны развитие городской культуры стало набирать обороты. В это же время американское влияние, отразившееся на стиле жизни среднего класса и на масс-медиа, начало создавать новую популярную культуру в Японии. Американская и европейская культура также проникали и в разговорную речь японцев с такими модными словами, как *dancer* (танцор), *department store* (торговый центр), *liquor* (ликёр), *jazz* (джаз), *rush-hour* (час пик). Все эти слова ярко характеризуют городскую культуру потребления, охватившую Запад и Японию.

С начала 1920-х годов в Японии стали появляться новые виды средств массовой информации, строиться торговые центры, открываться кафе, танцплощадки и так далее. В этих рамках городской средний класс желал пользоваться новыми поступавшими с Запада товарами, которые, в свою очередь, меняли его жизненный уклад и привычки. В основном средний класс составляли хорошо образованные люди, обладающие относительно высоким заработком. Так, официальная статистика и большинство газет в него включали правительственных чиновников, учителей, врачей, полицейских, банковских служащих, армейских и флотских офицеров, корпоративных служащих и даже некоторых квалифицированных фабричных рабочих, проживавших в крупных городах. Доля представителей среднего класса среди всей рабочей силы выросла с 5,6 % (1908 г.) до 21,5 % (1920 г.) [Мак-Клейн, 2016, с. 488]. В 1920 г. средний класс составлял 8,5 % населения всей Японии, которое насчитывало в то время 56 млн человек. В столице большинство представителей среднего класса работали в деловых центрах города, таких как Гиндза, Маруноути, Касумигасэки.

В 1922 г. из 27 млн японских женщин приблизительно 3,5 млн относились к среднему классу. Число работающих женщин возросло по трём причинам: необходимость зарабатывать, пробуждение женского сознания, увеличение возможностей трудоустройства. По результатам опроса, проведённого в 1922 г., в Токио из 900 опрашиваемых женщин (среди них были учителя, машинистки, офисные работники, продавщицы и телефонистки) примерно половина женщин (471) указали, что их заработная плата полностью составляет домашний бюджет. Примерно 12,9 % женщин (98 из 784) были главными кормильцами в своих семьях [Bernstein, 1991, с. 206]. Среди них были одинокие, разведённые и вдовы. Одинокие девушки содержали своих родителей, вдовы – своих детей, некоторые разведённые женщины – своих детей и родителей. Тот же опрос показал, что большинству замужних женщин приходилось работать, чтобы повысить уровень жизни своей семьи или чтобы

попросту сводить концы с концами. Часто юные девушки были вынуждены устраиваться на работу сразу же после окончания учёбы и работать до замужества. Их заработная плата была не только дополнительным доходом семьи, но и сбережениями для будущих свадебных расходов.

В большинстве случаев именно экономическая нужда заставляла женщин работать, однако были женщины, которые хотели построить карьеру, стать независимыми и чувствовать уверенность в себе. Как и в случае с другими индустриальными странами, на Японию и японских женщин оказало влияние движение за эмансипацию. Женская занятость была олицетворением неукротимого духа, который ратовал за независимость и самореализацию. Многим незамужним девушкам трудоустройство гарантировало экономическую самостоятельность, которая обеспечивала им возможность свободной жизни. В 1922 г. на вопрос о предстоящих планах на замужество некоторые девушки отвечали, что они намерены прежде получить профессию. Другие отвечали, что они находятся в поисках хобби и собственных интересов и не планируют вступать в брак [Bernstein, 1991, с. 207]. Очевидно, что многие незамужние девушки, как и японское общество в целом, скептически относились к возможности совмещать семейную жизнь с карьерой.

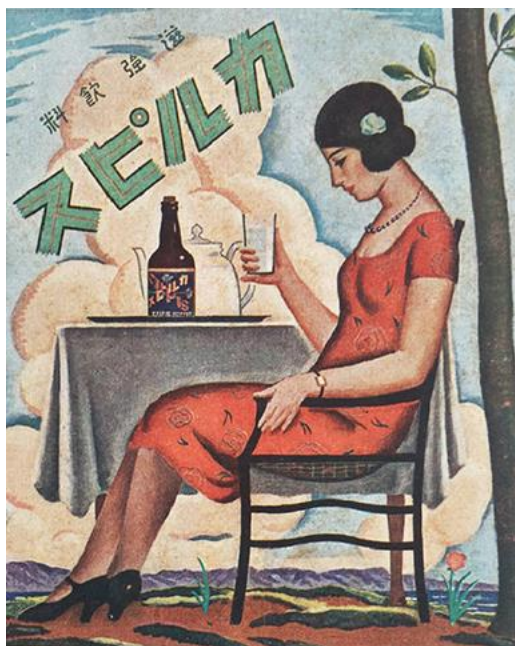
Окраины таких больших городов, как Токио и Осака, разрастались вместе с развитием пригородной железнодорожной сети. Токио стал расширяться на запад и юг после Великого землетрясения, которое нанесло огромный ущерб восточной части Токио: районам Уэно, Гиндза, Нихонбаси, Тайто, Сумида и Ситамати. В этих районах власти проводили масштабные восстановительные работы, реконструировали дорожные магистрали. Такие районы, как Сэтагая, Ота и Синагава, будучи окраиной Токио, в 1923 г. стали частью столицы. Культуру и моду в крупных расширяющихся и развивающихся городах стали задавать их жители. К новому городскому классу часто применяли термин «культурный»; типичная семья среднего класса проживала в городе или в ближайшем пригороде, где у неё был свой собственный двухэтажный дом. Архитекторы и застройщики тщательно продумывали план постройки

современного жилища, отвечающего всем запросам и желаниям современной японской семьи. Они, вдохновленные разнообразными западными стилями, отказались от японской традиционной архитектуры: теперь дома обшивали досками или штукатурили. В отличие от традиционного жилища, состоявшего из одного просторного помещения и рассчитанного на проживание большого количества человек, в новом современном доме было несколько комнат: отдельные спальни для детей и для супругов, ванная комната, кухня и гостиная европейского типа. В гостиной домочадцы могли завтракать, обедать и ужинать вместе, сидя за одним большим круглым столом. В городе, в новом или отремонтированном городском жилище размещались кухня и «многофункциональная» комната, устроенная по европейскому стилю, которая служила обеденной зоной, гостиной и местом для учёбы.

Разрастание крупных городов и возникновение необходимости перемещаться среднему рабочему классу с окраины в город привели к созданию торгово-развлекательных центров. На центральных станциях Токио и Осаки начали появляться многоэтажные магазины, где можно было провести свободное время после работы в ожидании своего поезда домой в пригород. В 1929 г. в Осаке железнодорожная компания Ханкю (阪急電鉄) открыла торговый центр на станции Умэда. В Токио были открыты торгово-развлекательные центры на крупных пересадочных станциях, где собиралось большое количество людей. Самым первым торговым центром в Токио стал Мицукоси (三越) в районе Нихонбаси, на линии Гиндза; вслед появились торговые центры на станциях Синдзюку, Сибуя, Икэбукуро. Появление торговых центров стало большим шагом в мир современного и западного. Теперь японцы совершали покупки, неспешно прогуливаясь и любясь красочными витринами различных магазинов. При входе в торговый центр японцам не нужно было снимать обувь. Для привлечения покупателей в ход шли новые виды маркетинга: рекламные постеры у станций, подарочные купоны, заказ товаров по почте и служба доставки [Francks, 2009, с. 113]. Торговые центры предлагали не только огромное количество разнообразных японских товаров, таких как кимоно, керамика, продукты, но и западных, которые невозможно было найти в каком-либо другом месте. Так торговые центры взяли на себя роль проводников среднего класса в западный мир. Они также выполняли и развлекательную роль: в торговых центрах часто устраивались выставки и художественные вечера, на крышах располагались сады, небольшие зоопарки, катки, детские площадки для игр и рестораны, в которых можно было отведать блюда как японской, так и европейской кухни.

Японский поэт и художник Такэхиса Юмэдзи (竹久夢二, 1884–1934) в своём произведении «Шифр любви» (恋愛秘語) писал: «Раньше женщина передвигалась украдкой. А сейчас она вальяжно гуляет» [Такэхиса, 1920, с. 68]. Такэхиса Юмэдзи был свидетелем появления *модан гару*, девушек, которые действовали, поступали и жили так, как им того

хотелось. Возродившийся и заново отстроенный Токио стал городом современных людей, городом *модан гару*. Но кто такие эти *модан гару*? Как японские девушки превратились в них? Современники отчаянно пытались найти ответы на эти вопросы.

Журналист и критик Киёсава Киёси (清沢 洌, 1890–1945) в эссе «Воспитание мужчин и воспитание женщин» пытался выдвинуть некую теорию появления *модан гару* в японском обществе. Автор видел причину, прежде всего, в воспитании, которое, по его мнению, строилось на основе гендерной принадлежности. Киёсава говорит о том, что в Японии

20-х годов гендерная дифференциация явно прослеживалась с самого рождения человека. Так,

например, девочек одевали в красное кимоно, а мальчиков – в кимоно, украшенное изображениями сказочного героя Момотаро. Казалось, что с детства дети воспитываются в отличных друг от друга мирах. И к моменту взросления юноши и девушки оказывались на противоположных берегах реки, они будто из разных стран, их ценности и стандарты жизни совершенно различны. Киёсава призывает воспитывать детей в одной и той же среде, воспитывать их одинаково. И тогда, по его мнению, в японском обществе не будет возникать проблем на почве гендерных различий, а значит, и девушкам не придётся отчаянно с ними бороться, становясь предметом нападков и критики со стороны общества [Silverberg, 2009, с. 54–55].

Многие исследователи считают, что журналист Китадзава Хидэити (北澤 秀一, 1884–1927) был первым, кто использовал термин «*модан гару*». В 1906 г. в возрасте 22 лет Хидэити стал журналистом газеты «Ёмиури-симбун», а немного позже начал печататься в газете «Асахи-симбун». С 1920 по 1922 г. в качестве журналиста газеты «Ёмиури-симбун» Китадзава провёл два года в Лондоне. С 1922 г. под псевдонимом Тёго (長梧) он начал публиковать в «Ёмиури-симбун» колонку под названием «Заметки о жизни в Лондоне». Так, в январе следующего года вышла очередная заметка с заголовком «Современная девушка», где Китадзава впервые употребил выражение *модан гару* по отношению к молодым европейским девушкам.

Литературный исследователь Таруми Тиэ (垂水 千恵, 1957–...) в своём эссе «Современная городская культура, выпуск 16. *Модан гару*» (モダン都市文化 16. モダンガール) также утверждает, что выражение «*модан гару*» ввёл Китадзава Хидэити. Однако Таруми добавляет, что термин «современная девушка», изначально относящийся к англичанкам, стал применяться ко всем женщинам новых взглядов, а позднее он прочно закрепился за свободомыслящими девушками в самой Японии [Икута, 2012, с. 5]. Выходит, что выражение *модан гару* появилось ещё до Великого землетрясения Канто, но популярным оно стало только после 1926 г.

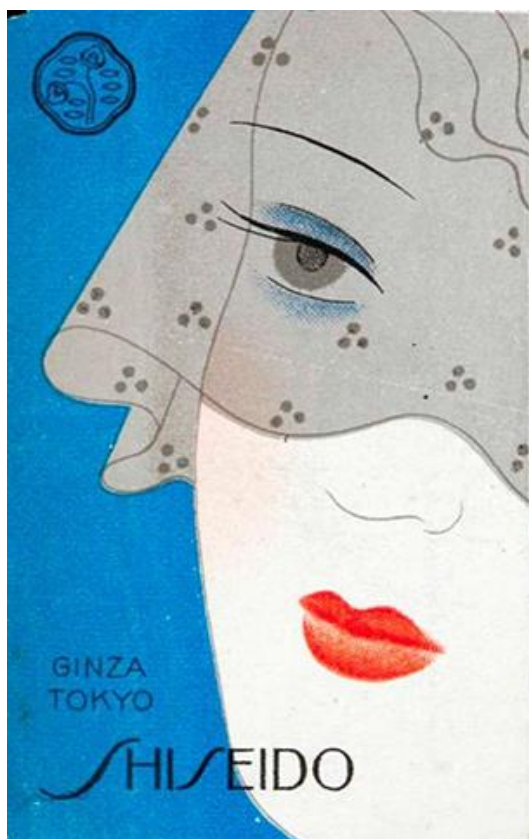
Несмотря на то, что существование феномена *модан гару* в истории Японии было весьма коротким, оно было беспрецедентным, ярким и шокирующим. Его существование пришлось на 1920-е – 1930-е годы, на время, когда на вершине популярности был неологизм «эротика, гротеск, бессмыслица», который в равной степени включал в себя черты декаданса и безнравственности и воплощал собой гедонистическую культуру.

Американский профессор истории Мириам Сильверберг делит *модан гару* на две группы: на работающих женщин и девушек-подростков из среднего класса, поведение и уклад жизни которых оказали серьёзное влияние на социальные отношения в Японии [Silverberg,

2009, с. 72]. После землетрясения Канто *модан гару*, ставшие иконами культуры потребления, добавили городским улицам новый колорит. Многие современники видели в юных модницах своенравных, скандальных женщин с низкими моральными принципами, а их наряды находили вульгарными и безвкусными. Такой негативный образ *модан гару* поддерживался и культивировался прессой. В беспокойное десятилетие культурных и социальных изменений на страницах журналов и газет активно обсуждались самобытность и индивидуальность *модан гару*. В печать также выходило множество литературных произведений, главными героинями которых становились юные модницы. Авторы не чурались даже самых грязных историй, компрометирующих *модан гару* и критикующих их за легкомысленное поведение и промискуитет. «Девушки без моральных принципов», – это определение стало несмываемым клеймом для *модан гару*. Именно поэтому у современников складывалось впечатление о юных модницах, как об искуственницах и соблазнительницах. Дина Лоуи в своей книге «Японская «новая женщина»: гендерные и современные образы» высказывает мнение о том, что феномен *модан гару*, появившийся в 1920-х годах, был больше сенсацией средств массовой информации, чем реальным явлением [Lowy, 2007, с. 129].

Появление *модан гару* свидетельствовало об изменениях, касающихся не только современных женщин, но и таких глобальных понятий, как «феминизация» и «маскулинизация» в гендерных отношениях. Именно в это время в японском обществе происходит феминизация мужчин и маскулинизация женщин.

В начале 1920-х годов дебаты вокруг культуры потребления, с которой ассоциировали угрозу для общественной нравственности, становились всё горячее, и в конечном итоге превратились в массовую истерию. Большинство интеллектуалов считали появление *модан гару* результатом праздной жизни. *Модан гару*, часто именуемые «манекенщицами», расхаживали в торговых центрах будто модели, завораживая всем своим видом окружающих. Всё чаще японских модниц можно было увидеть на постерах. Они рекламировали чай, часы, универмаги, косметические средства. Но особенно часто молодые девушки появлялись на рекламных постерах алкогольной продукции.

Старейшая в мире косметическая компания «Сисэйдо» (資生堂) также выбрала *модан гару* лицом своей фирмы. В 1872 г. Фукухара Аринобу (福原有信), бывший главный фармацевт японского Императорского военно-морского флота, открыл в районе Гиндза аптеку европейского типа под названием «Сисэйдо». В 1897 г. «Сисэйдо» заявила о себе как о косметической линии, которая ввела в продажу тональные кремы, улучшающие тон кожи лица. Компания также начала продажу лосьона «Ойдермин», выпускающегося и по сей день. В 1902 г. в магазине начали продавать содовую воду и мороженое, там был даже сооружен фонтан с содовой водой. Позже магазин превратился в ресторан. Сын Фукухара Аринобу, Фукухара Синдзо (福原信三), в 1915 г. перепрофилировал «Сисэйдо» в косметическую компанию, а в следующем году организовал исследовательский институт [Икута, 2012, с. 24]. С 1927 г. «Сисэйдо» начала массово открывать свои магазины по всей стране. Для

увеличения числа покупателей компания стала выпускать различные открытки с рекламой, на которых красовались юные модницы.

Район Гиндза с его ночной жизнью и развлечениями стал одной из популярных площадок *модан гару*. В это время молодые девушки породили новую идиому – *гинбура* (銀ぶら). Первый слог был взят из слова *Гиндза*, а второй – из *бурабура*, которое означает бесцельное шатание по улицам в поисках приключений и развлечений. В районе Гиндза *модан гару* проводили своё время в пивных барах и кабаре, посещали джазовые клубы и танцевальные площадки, ходили в театры на пьесы японских авторов и западных драматургов, таких как Генрик Ибсен и Морис Метерлинк. Любимыми магазинами *модан гару* в Гиндза были «Сисэйдо», «Сэнбикия» (千疋屋) и ювелирный магазин «Хаттори токэй» (服部時計), связанный с известной компанией «Сэйко» (成功) [Икута, 2012, с. 106].

Другим излюбленным местом для развлечений *модан гару* был район Асакуса, где располагались кинотеатры, которые были весьма популярны у японцев. Здесь находились первые японские кинотеатры: «Дэнкикан», открывшийся в 1903 г., и «Ёсидзава», открывшийся в 1905 г. Также в этом районе располагалась «Опера Асакуса». «Полусвет Гиндза и Асакуса дал жизнь многочисленным звёздам кино и театральных подмостков, которые ухватили образ японской молодёжи и способствовали распространению новой городской культуры по всей территории страны» [Мак-Клейн, 2016, с. 495–496].

В 1920-е годы американский кинематограф стал частью жизни японцев, у всех на устах были имена таких актеров, как Клара Боу, Рудольф Валентино и Чарли Чаплин. Многие интеллектуалы, сокрушаясь, говорили о том, что вся Япония оказалась в плену Голливуда, который изменил Гиндзу до неузнаваемости и превратил её в часть западного модного мира. В Токио и его окрестностях росло число кинотеатров: в 1912 г. функционировало

44 кинотеатра, к 1922 г. это число увеличилось до 112, а уже в 1929 г. достигло 207. Вместе с увеличением количества кинотеатров росло и число посетителей. Если в 1912 г. число зрителей составляло 12 722 человека, то к 1929 г. оно увеличилось в три раза [Sato, 2003, с. 71]. Большинство японских интеллектуалов видело в американском кино опасность для юношей и девушек и ассоциировало кино с морально нездоровой атмосферой, где главное место занимали *модан гару* и американская культура потребления. И в самом деле, *модан гару* были яркими поклонницами голливудского кино: они заучивали реплики своих любимых актёров и знали по именам всех голливудских звёзд. Интересно заметить, что и в США в 1920-е годы также широко обсуждалось негативное влияние кино на нравственное воспитание юных девушек.

Для большинства современников феномен *модан гару* казался призрачной иллюзией, нежели существующей реальностью. Поэтому среди интеллектуалов того времени вставал важный вопрос, касающийся социальной позиции *модан гару*, которые никогда громогласно не заявляли о себе и о своих убеждениях [Sato, 2003, с. 43]. Можно сказать, что юные модницы вели безмолвное существование в отличие от «новых женщин», которые играли активную роль в «женском вопросе». Многие считали феномен *модан гару* временным поветрием, широко распространённым среди молодых столичных девушек, праздно проводящих время в районах Гиндза и Маруноути. Они полагали, что среди *модан гару* нет девушек из простых семей, которых заставляли работать бедность и нужда. *Модан гару*, превратившись в символ массовой потребительской культуры, стали феноменом, чётко ассоциирующимся у современников с новым образом женщин в послевоенное время, в период экономического кризиса и социальных волнений.

Появление *модан гару* в истории Японии изначально было обречено на шквал критики, и тому есть несколько причин. В 1800-е годы идеальная мэйдзийская женщина служила «хранительницей прошлого», оберегала и защищала традиции в то время, пока мужчина был вдохновлён радикальными изменениями, касающимися политической и культурной жизни. Что касается образа *модан гару*, то он был далёк от идеального образа традиционной японской женщины, поскольку юные девушки поддерживали свободу выбора и предпочитали семье свободную любовь. Также важно отметить, что существование *модан гару* пришлось на время, когда властями предпринимались попытки восстановить стабильность в стране через сохранение на государственном уровне концепции «хорошая жена, мудрая мать». Во время широкомасштабных культурных изменений власти всеми силами боролись за сохранение традиций, а не за их переосмысление, к которым тяготели *модан гару* [Silverberg, 2009, с. 70]. Самой жёсткой критики *модан гару* подвергались со стороны либеральных интеллектуалов, которые яростно боролись против идей европеизации и вестернизации в целом. Практически все интеллектуалы сходились в одном: *модан гару* связывали себя с модернизмом лишь потому, что касались его самых поверхностных форм, таких как западная одежда, причёски, стрижки, журналы и кино [Silverberg, 2009, с. 56].

Некоторые современники сравнивали *модан гару* с девушками лёгкого поведения за их чрезмерную раскрепощённость и легкомысленный образ жизни. Ведь современные красавицы позволяли себе носить вульгарные короткие платья и юбки, ярко краситься, носить короткие стрижки, распивать алкогольные напитки, курить сигареты и кокетничать с молодыми людьми. Кажется, что в период модернизации яркий образ *модан гару* вызывал у современников больше опасений и волнений, чем вопрос развития японского общества и его будущего. Так, в мае 1927 г. в полицейское управление Токио поступила информация о том, что *модан гару* становятся объектом соблазнения со стороны иностранцев. Полиция незамедлительно начала расследование, уделяя особое внимание популярным местам юных модниц: кафе, танцевальным площадкам,

кинотеатрам, отелям и особенно району Гиндза.

В меньшинстве были те, кто терпимо и даже с пониманием относился к *модан гару*. Такие интеллектуалы своего времени, как Тиба Камэо (千葉亀雄)¹, Нии Итару (新居格)², Миякэ Ясуко (三宅やす子)³ считали, что *модан гару* в силу своей юности и неопытности сложно отличить хорошее от плохого, правильное от неверного. Они следуют зову своего сердца, а не идут по навязанному обществом пути, поэтому они равнодушны к тому, что говорят и думают о них другие. Некоторые современники видели положительную сторону в связи между *модан гару* и культурой потребления, благодаря которой, по их мнению, на свет должна родиться сильная и решительная женщина. Они были уверены, что образ женщины будущего будет резко контрастировать с образом прошлой скучной и поверхностной молодой девушки, олицетворяющей пагубные и разрушающие стороны буржуазного общества [Sato, 2003, с. 59–61]. Кон Вадзиро (今和次郎)⁴ полагал, что сила *модан гару* заключена не в статистических данных и цифрах, свидетельствующих об их численности, а в том, что юные модницы осмелились пойти на радикальный разрыв с условностями и стали примером для многих японских женщин [Sato, 2003, с. 51].

Некоторые современники считали *модан гару* последовательницей «новой женщины» (新しい女), поскольку её поведение и способы выражения также были необычны и отходили от традиционных. «Новые женщины» были озабочены такими серьёзными проблемами, как брак, семья, саморазвитие и место женщины в обществе. «Новые женщины» не считали *модан гару* своими единомышленницами, поскольку в них они видели лишь одетых по последнему пisku западной моды юных девушек, которые не имели никакого отношения

¹ Тиба Камэо (1878–1935) – литературный критик и социолог, автор нескольких книг и статей, посвящённых «женскому вопросу».

² Нии Итару (1888–1951) – писатель, переводчик и литературный критик, активно интересовался «женским вопросом».

³ Миякэ Ясуко (1890–1932) – писательница, критик, регулярно печаталась в женских журналах.

⁴ Кон Вадзиро (1888–1972) – архитектор, фольклорист, занимался исследованиями по социологии города, считается основателем «модернологии». Кон Вадзиро, увлекаясь визуальной презентацией «человека с улицы», составил собственную типологию городских жителей.

к «женскому вопросу». В 1927 г., в июньском выпуске журнала «Фудзин корон» (婦人公論, «Женское общественное мнение») Хирацука Райтё опубликовала статью под названием «Такими должны быть модан гару» (かくあるべきモダンガール). В ней Хирацука пишет: «Настоящая *модан гару* – дочь «новой женщины», она родилась из её чрева» [Хирацука, 1983, с. 294]. Но далее писательница добавляет, что на самом деле никаких родственных связей между ними нет. Хирацука описывает два вида *модан гару*. Первый – это молодая девушка, у которой есть время и

деньги, их она тратит на походы по магазинам и покупку ярких западных нарядов. Такая девушка озабочена только тем, чтобы её платье гармонировало со шляпкой. Свободное от шопинга время она проводит в кафе на Гиндзе. Эта девушка представляет собой лишь объект мужского физического желания. Хирацука считала, что такая *модан гару* является аномальным явлением, не заслуживающим внимания и обсуждения. Она настаивала на том, что обществу стоит игнорировать существование *модан гару*. В своём эссе Хирацука также сокрушается по поводу того, что весь мир называет этих девушек современными, хотя они, по её мнению, таковыми не являются. Она считает, что недостаточно лишь выглядеть модно, чтобы быть современным. Феминистка описывает и другой вид *модан гару*, который, как она считает, пока ещё не существует в Японии. Хирацука уверена, что настоящая *модан гару* должна обладать социальной ответственностью. Она надеется, что в Японии такие девушки появятся среди работающих женщин, а не среди «рабов моды» [Хирацука, 1983, с. 290–297].

Важно отметить, что *модан гару* не была пассивным потребителем, какой её считали многие, наоборот, она была создателем новых товаров, услуг и привычек. В этом и состояла главная отличительная черта *модан гару* от «новых женщин», которые сопротивлялись старым традициям, но при этом не предлагали новой модели повседневной жизни. Мириам Сильверберг считает, что «новые женщины» были романтиками, а не реалистами. Все их усилия были направлены на то, чтобы подражать мужчинам, вместо того чтобы пытаться создать отдельную от мужчин жизнь, где женщины могли бы стать совершенно самостоятельными и независимыми [Silverberg, 2009, с. 58]. Очевидно, что условия, позволившие появиться *модан гару* в истории Японии 1920-х годов, начинали складываться ещё в 1910 г., когда «новые женщины», переступая социальные границы и отчаянно борясь за независимость, стали создавать угрозу гендерным отношениям. В 1910 г. японские женщины впервые заговорили о своём месте в обществе, о своих правах и возможностях, создали общество и журнал «Сэйто»⁵, который стал арендой для их активной деятельности. Важно помнить, что в общество «Сэйто» входили писательницы, поэтессы и образованные талантливые женщины, которые могли своим словом взбудоражить умы и сердца людей.

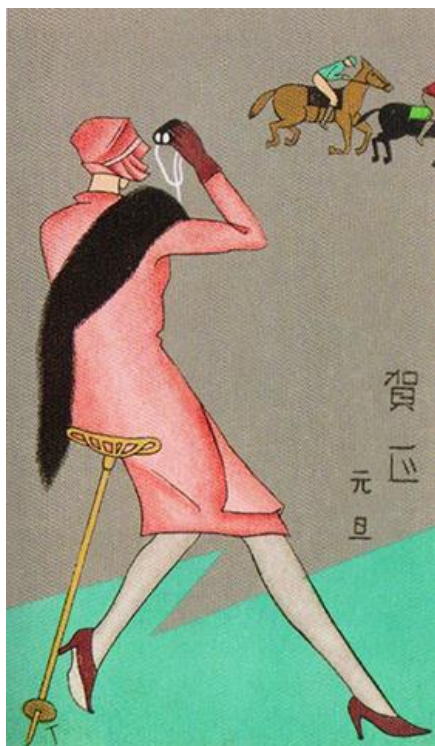
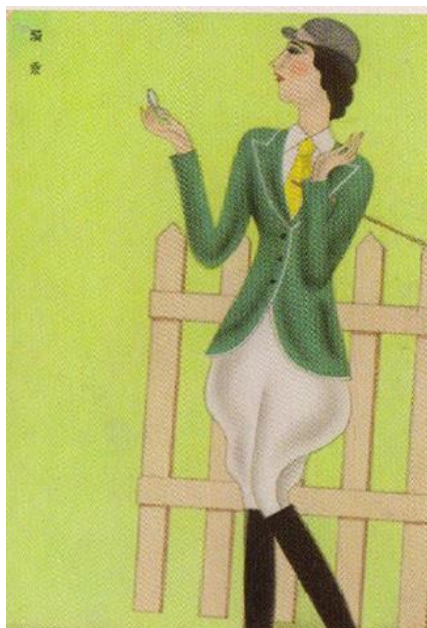
⁵ Журнал «Сэйто» (青鞿, «Синий чулок») – литературный женский журнал, созданный в 1911 г. Хирацука Райтё, Ясумоти Ёсико, Киути Тэйко, Накано Хацуко и Модзумэ Кадзуко. Цель журнала состояла в том, чтобы воодушевить японских женщин на поиски их внутренней свободы и независимости, которые станут первым шагом на пути освобождения.

Модан гару, юные девушки из среднего городского класса, подхватив идеи феминистического движения, иным способом выражали свою точку зрения в «женском вопросе». Яркой одеждой, новомодными стрижками и непосредственным поведением они демонстрировали протест против прежних пережитков общества. Свобода *модан гару* заключалась в том, что родственные связи для них были неважны, поскольку только так они освобождались от обязательств перед отцом, матерью, мужем и детьми. Такой подход не только противоречил нормам, которые прививались японцам со школьной скамьи, но окончательно разрушал модель семьи с главной концепцией *рёсай кэмбо*. *Модан гару* не принимали разделение труда, при котором сфера деятельности женщины ограничивалась домом. Самостоятельность современных девушек вытекала из их экономической независимости. Они показали на своём примере, как японская женщина может добиться независимости и свободы, о которых уже на протяжении десяти лет говорили «новые женщины», продемонстрировали, что японская женщина способна выйти за пределы дома и семьи, самостоятельно зарабатывать, не зависеть от мужчины и вести интересную жизнь.

Внешне *модан гару* напоминали американских флэпперов (от англ. Flapper – «хлопушка»). Так назывались эмансипированные девушки, олицетворяющие поколение послевоенной Америки 20-х годов XX века. Они смело делали короткие стрижки, отказались от викторианской моды на корсеты, носили юбки выше колена, ярко красились, водили автомобили и стали завсегдатаями вечеринок, на которых играла джазовая музыка. «Хлопушки» первыми указали на то, что одежда должна быть свободной и не сковывать движения. Флэпперы были противоположностью идеала викторианской женщины, как в поведении, так и во внешности. Они курили, употребляли алкоголь, вели светскую жизнь и не особо берегли свою репутацию и честь. *Модан гару*, как и флэпперы, носили яркие цветные платья и юбки обычно выше или до колен, туфли на каблуках и прозрачные чулки, позволяющие любоваться их ногами. *Модан гару* в своих дерзких и смелых нарядах воплощали изменение в истории моды японских женщин.

Ещё с начала 1880-х годов японские дамы высших сословий стали носить корсеты и декольтированные

платья, в которых они себя чувствовали крайне неловко и стеснённо. В 1886 г. сама императрица Харуко надела западный наряд, после чего все придворные дамы последовали её примеру. Мода на новый стиль женской одежды стала распространяться очень быстро. В январе 1887 г. было опубликовано высочайшее мнение о реформировании женской одежды. Императрица Харуко через газету «Тёя Симбун» обратилась к японским женщинам с призывом последовать её примеру в деле ношения европейского костюма. Она высказала мнение о том, что западное платье ничуть не противоречит японским традициям, ведь оно тоже состоит из двух частей (верхней и нижней), как *кимоно* и *хакама*, и даёт большую свободу. Кимоно постепенно становилось одеждой для дома, во всё остальное время японцы носили западный костюм. В бóльшей части это касалось японских мужчин: на работе они подчинялись законам западной цивилизации, а дома возвращались к привычным и комфортным традициям.

Мэйдзийская политика «цивилизованности и просвещения» *буммэй кайка* в бóльшей части относилась к мужчинам, женщинам по-прежнему предписывалось носить кимоно и длинные волосы. Изменения, затронувшие одежду и причёску, были призваны поменять образ японского мужчины, сделать его «цивилизованным и просвещённым», а образ женщины был призван оставаться неизменным и традиционным.

До появления *модан гару* японские женские причёски имели несколько вариаций, так, например, в период Мэйдзи самой распространенной причёской среди молодых девушек старше тринадцати лет была причёска *сокухатцу* (束髪), которая представляла собой убранные в пучок волосы. Теперь юные модницы отдавали предпочтение коротким стрижкам (*дампацу*, 断髪), которые оставляли

открытыми уши и заднюю часть шеи. Такие стрижки знаменовали собой отклонение от традиционной японской причёски. Помимо стрижки боб, которую носили такие звезды кинематографа и иконы стиля, как Пола Негри, Мэри Пикфорд, Клара Боу, *модан гару* также часто носили стрижку *сингуру* (シングル), от английского *shingle*, что означает «галька, круглый камушек». Это была очень короткая, открывавшая шею стрижка округлой формы. Она также известна под названием «стрижка под фокстрот». Другой не менее популярной стрижкой была стрижка *итон* (イトン), которая взяла своё название от Итонского колледжа, частной британской школы для мальчиков [Икута, 2012, с. 12–13]. На русский язык её можно перевести как «стрижку под мальчика». Часто молодые девушки зачёсывали и укладывали волосы назад, такая причёска называлась *ору бакку* (オールバック), от

английского all back. Короткие стрижки *модан гару* отражали стиль и моду всего мира, поэтому японские женщины, которые до этого не имели практически никакого отношения к процессу модернизации, наконец, стали его значительной частью. Можно сказать, что новомодные стрижки явились для японских женщин неким проводником в совершенно иной мир, где они могли диктовать свой стиль.

В моде у *модан гару* были и европейские головные уборы, которые элегантно и гармонично смотрелись с короткими стрижками. Это были французские шляпки клош в виде колокольчика, широкополые шляпы, береты, вязанные шапочки, соломенные, бархатные и фетровые шляпки [Икута, 2012, с. 13–14]. Юные девушки серьёзно подходили к выбору головного убора. Он подбирался по цвету, форме, материалу и дизайну так, чтобы идеально соответствовал европейскому наряду и был его

украшением. Летом *модан гару* носили соломенные шляпки, к которым в виде аксессуаров они пришивали атласные или вельветовые ленточки. Также в жаркие дни обязательными атрибутами *модан гару* были зонтики различных цветов и веера. Но девушки отдавали предпочтение не традиционным японским, а западным большим веерам, которые можно было увидеть в Театре оперы.

Многие статьи в женских журналах были посвящены пошиву западной одежды, что свидетельствовало о массовом переходе на иностранную одежду. Например, журнал «Сюфу но томо» (主婦の友, «Друг домохозяйки»), который был ориентирован на замужних женщин, ведущих домашнее хозяйство, в 1917 г. выпустил свои первые серии по созданию западной одежды. А в 1923 г. журнал опубликовал статьи под названием «Как сделать удобную домашнюю одежду», пропагандирующие западную одежду как домашнюю, стильную и комфортную [Silverberg, 2009, с. 65]. Так западная одежда стала постепенно превращаться в часть домашнего уюта, заменяя родное для японцев кимоно.

На фоне массового перехода на западную одежду, кажется, довольно логичным видеть на различных изображениях *модан гару* в европейских коротких или длинных платьях. Конечно, дорогие роскошные платья были доступны далеко не всем девушкам. Вечерние платья (イブニング・ドレス) *модан гару* надевали в особых случаях; декольтированные платья (ローブ・デコルテ) были главным представителем всех вечерних нарядов. В моде у юных девушек также были спортивные костюмы и одежда для занятий такими видами спорта, как катание на лыжах, коньках, игра в гольф, верховая езда и скачки. В спортивной одежде *модан гару* могли свободно двигаться, при этом красиво и модно выглядеть.

В холодное время года девушки предпочитали пальто и шали, которые добавляли им особого шарма и женственности. В сентябре 1927 г. в магазине тканей в торговом центре Мицукоси прошёл первый в Японии показ мод, который с огромным интересом был воспринят *модан гару*. После этого стали популярны воротники из кроличьего меха, а немного позже – воротники из лисьего меха. Девушки носили меховые воротники поверх

пальто, цвета которых были самые разнообразные: красные, жёлтые, зелёные, голубые и чёрные. Также можно было увидеть *модан гару* в длинных плащах-тренкот, полупальто-дафлкот или манто чёрного цвета.

Большое внимание *модан гару* уделяли дамским сумочкам. Они стали настолько популярны среди молодых девушек, что выйти без них на улицу считалось просто невозможным. Сумочки были самых разнообразных форм и размеров, они могли быть кожаными, лакированными или тканевыми. В сумочке любой *модан гару* можно было найти пудру и компактное зеркальце.

Кимоно японских модниц тоже были не совсем традиционного вида. В моде были не японские мотивы на тканях, а геометрические рисунки, цвета кимоно стали гораздо ярче. Для пошива кимоно японки стали

использовать органди, жоржет, тонкую шерсть. Одним из самых распространенных материалов для пошива кимоно был шёлк мэйсэн (銘仙), который изготавливался в префектурах Гумма и Сайтама. Кимоно из мэйсэна было сравнительно дешёвое, поэтому позволить себе такое платье могли девушки даже из простых семей. Теперь юные модницы носили кимоно с европейскими короткими причёсками и дополняли свои образы различными аксессуарами.

В журнале «Сандэ майничи» (サンデー毎日), в статье 1927 г. «Делай так и сможешь стать *модан гару*» (かうすればモダン・ガールになれます) была описана подробная инструкция по нанесению макияжа *модан гару*:

«*Модан гару* используют много пудры, чтобы сделать своё лицо как можно бледнее. Они сбривают свои брови и рисуют новые тонкие брови ближе друг к другу, при этом, не утолщая основание бровей, удлиняют кончики к вискам. Румяна на щеках и мочках ушей, а также помада на губах обязательны для *модан гару*. Сначала они наносят на губы тонкий слой помады, а затем ещё раз выделяют внутренние уголки губ. Некоторые *модан гару* прихлопывающими движениями наносят румяна на подбородок» [Икута, 2012, с. 18].

Макияж *модан гару* не оставил равнодушным даже такого писателя, как Оя Соити (大宅壮一, 1900–1970), который в 1930 г. главу «Модан гару на все 100 процентов» (100パーセント・モガ) в своей книге «Современный социальный класс и современные черты» (モダン層とモダン相) посвятил юным красавицам и их внешности: «Я не понимал, почему весь процесс макияжа так детально расписан и почему ему уделяется большое внимание. Но на самом деле оказалось не всё так просто. Макияж – это безупречная изысканность, которая начинается рисованием бровей и заканчивается полировкой ногтей. Но не только макияж, но и само существование *модан гару* является изысканным. Кажется, будто этим особым макияжем пропитана каждая частичка их сердца и каждое их слово. Будто они продумывают до мельчайших подробностей всё, начиная с выражения лица и поведения, заканчивая высотой своего голоса» [Оя, 1930, с. 9–10].

Одним словом, сами *модан гару* и их европейская одежда, модифицированное японское кимоно, обувь, шляпки, аксессуары и макияж – всё должно было соответствовать

требованиям современной моды, стиля и всеобщей динамизации. И *модан гару*, взявшие на себя роль модниц, справлялись с этой задачей и активно пропагандировали современный образ жизни в Японии в 20-х – 30-х годах прошлого столетия.

Феномен *модан гару* просуществовал всего лишь десять лет, но он оказался настолько беспрецедентным и шокирующим в истории Японии, что взбудоражил умы как простых японцев, так и интеллигентов, писателей и критиков того времени. Уже к концу 1930-х годов популярность *модан гару* сошла на нет, поскольку подъём национализма и экономические трудности Великой депрессии привели к насаждению идеологии «хорошая жена, мудрая мать».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Икута Макото. Модан гару дзукан: Тайсё-Сёва-но осярэ дзёси : [Иллюстрированная книга модан гару: стильные девушки периодов Тайсё и Сёва]. Токио: Кавадэ сёбо синся, 2012.

Мак-Клейн Джеймс Л. Япония: От сёгуната Токугавы – в XXI век. М.: Аст «Астрель», 2016. С. 412–565.

Оя Соити. 100 пасэнтэ мога : [Мога на все 100 процентов] // Модан со-то модан со. Токио: Дайхокаку, 1930. С. 8–13

Такэхиса Юмэджи. Рэн`ай хиго : [Шифр любви]. Токио: Бункоин сёппан, 1920.

Хирацука Райтё. Каку ару бэки модан гару : [Такими должны быть модан гару] // Хирацука Райтё тэсакую. 1983. № 4. Токио: Оцуки сётэн. С. 290–297.

Bernstein Gail Lee. Recreating Japanese Women, 1600-1945. L.A.: University of California press, 1991.

Francks Penelope. The Japanese Consumer: An Alternative Economic History of Modern Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Lowy Dina. The Japanese «New Woman»: Images of Gender and Modernity. New Brunswick: Rutgers University press, 2007.

Maureen Turim. Modern Girls and New Women in Japanese Cinemas // Japan studies review. Volume eleven. Florida International University and the Southern Japan Seminar, 2007. Pp. 129–143.

Sato, Barbara Hamill. Japanese Women and Modanizumu: The Emergence of a New Women's Culture in the 1920s. N.Y.: Columbia University Press, 1994.

Sato Barbara. The New Japanese Woman: Modernity, Media, and Women in Interwar Japan. Durham and London: Duke University press, 2003.

Silverberg Miriam. Erotic Grotesque Nonsense: the Mass Culture of Japanese Modern Times. Berkeley: University of California press, 2009. P. 1–72.

REFERENCES

Bernstein, Gail Lee (1991). Recreating Japanese Women, 1600-1945, California: University of California Press.

Francks, Penelope (2009). The Japanese Consumer: An Alternative Economic History of Modern Japan, Cambridge: Cambridge University Press.

Hiratsuka, Raichō (1983). Kaku Aru Beki Modan Gāru [This is How Modan Gāru Should Be], *Hiratsuka Raichō Chosakushuu*, 4, Tokyo: Ootsuki Shoten, 290–297. (In Japanese).

Ikuta, Makoto (2012). Modan Gāru Zukan: Taishō — Shōwa no Oshare Joshi [Illustrated Reference Book of Modan Gāru: Stylish Girls of Taishō — Shōwa], Tokyo: Kawade shobō shinsha. (In Japanese).

Lowy, Dina (2007). The Japanese “New Woman”: Images of Gender and Modernity, New Brunswick: Rutgers University Press.

MacClain, James L. (2016). Yaponiya: Ot syogunata Tokugavy – v XXI vek [Japan: From Tokugawa Times to the 21st century], Moscow: Ast «Astrel». (In Russian).

Maureen Turim (2007). Modern Girls and New Women in Japanese Cinemas, *Japan Studies Review*, 11: 129–143.

Ōya, Sōichi (1930). 100 pāsento moga [100 per cent of moga], *Modan Sō to Modan Sō*, Tokyo: Daihōkaku, 8–13. (In Japanese).

Sato, Barbara Hamill (1994). Japanese Women and Modanizumu: The Emergence of a New Women’s Culture in the 1920s, New York: Columbia University.

Sato, Barbara (2003). The New Japanese Woman: Modernity, Media, and Women in Interwar Japan, Durham and London: Duke University Press.

Silverberg, Miriam (2009). Erotic Grotesque Nonsense: the Mass Culture of Japanese Modern Times, Berkeley: University of California Press.

Takehisa, Yumeji (1920). Ren'ai higo [The Cipher Text of Love], Tokyo: Bunkōin. (In Japanese).

Поступила в редакцию 06.08.2020

Received 6 August 2020

Для цитирования: Гараева Э.И. Феномен модан гару в истории Японии 1920–1930-х годов в эпоху модернизма и культуры потребления // Японские исследования. 2020. № 3. С. 90–106. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10021

For citation: Garaeva E.I. (2020). Fenomen modan garu v istorii Yaponii 1920–1930-kh godov v epokhu modernizma i kul'tury potrebleniya [*Modan gāru* phenomenon in the history of Japan in the 1920s and 1930s in the age of Modernism and consumer culture], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 90–106. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10021

Японские исследования. 2020. № 3. С. 107–122.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 107–122.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.)*

В.А. Перминова

Аннотация. Тайвань, бывший в течение полувека японской колонией (1895–1945 гг.), в силу ряда факторов до сих пор остаётся единственным регионом, жители которого, пережив длительное японское правление, не акцентируют внимание на негативных сторонах этого периода. Вопросы исторического прошлого, хотя напрямую не сказываются на развитии традиционно тесных японо-тайваньских отношений, тем не менее играют важную роль в формировании такого феномена как «тайваньская идентичность» и оказываются неразрывно связанными с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики Китайской Республики. Продолжающийся уже более полувека антагонизм между материковой и островной частями Китая, вкупе с текущей международной обстановкой, в свою очередь, также сказываются на оценке тайваньцами своего колониального прошлого, политики Японской империи в первой половине 20-го столетия, а также на восприятии жителями острова современной Японии.

В статье рассматриваются подходы руководства КР к вопросам исторического прошлого при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) – в период, когда власти выстраивали одинаково хорошие отношения как с Японией, так и с КНР на основе нового понимания «тайваньской идентичности». Прилагая усилия по примирению сторонников и противников независимости КР, президент попытался сформировать в тайваньском обществе более взвешенный подход к пониманию собственной истории – периодам японского и китайского правления на Тайване, а также роли Японии в формировании современной КР. Называя себя «лучшим другом Японии», Ма Инцзю реализовывал курс на дальнейшее укрепление отношений с Токио, но вместе с тем придерживался жёсткой позиции в отношении территориального спора – вопроса принадлежности островов Дяоюйдао (釣魚島) / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтэй 釣魚臺 как их называют на Тайване), который вновь появился на повестке японо-тайваньских отношений. При этом, характерной особенностью периода правления Ма Инцзю стало то, что актуализация проблем исторического прошлого не мешала развитию японо-тайваньского сотрудничества, а имидж Японии на Тайване в 2008–2016 гг. оставался неизменно положительным.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, Китайская Республика, Дяоюйдао, Сэнкаку, вопросы исторического прошлого, международные отношения.

Автор: Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (адрес: 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49). E-mail: verger177@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016)*

V.A. Perminova

Abstract. Taiwan, a former colony of Japan (1895–1945), due to a host of different factors, still remains one of the few regions that doesn't place an emphasis on the negative sides of a rather long period of colonial rule. Though the problems of the historical past do not have a great impact on developing the traditionally close relations between Japan and Taiwan, they play an important role in forming the "Taiwanese identity" and are closely related to current issues of foreign and domestic policy of the Republic of China. The still ongoing feud between Mainland China and Taiwan, coupled with the current international political situation, in their turn, also have an effect on the evaluations of the colonial past, the policy of the Japanese Empire in the first part of the 20th century, and the perception of contemporary Japan in Taiwan.

The article discusses approaches of Taiwanese authorities to problems of the historical past under president Ma Yingjiu (2008–2016) – the period when Kuomintang built up similarly good relations with Japan and China on the basis of a new conception of "Taiwanese identity". Making an effort to harmonize pro-unification and pro-independence parties, the president tried to form in Taiwanese society a balanced approach to understanding the Japanese and Chinese periods of Taiwanese history, as well as the role of Japan in the formation of the modern Republic of China. Calling himself "the best friend of Japan", Ma Yingjiu continued to strengthen ties between Tokyo and Taipei, and, at the same time, pursued a hard line in the territorial dispute with Japan – the question of sovereignty over Diaoyudao (釣魚島)/Senkaku islands (or Diaoyutai islands 釣魚臺 as they are called in Taiwan), which reappeared on the agenda of relations between Japan and Taiwan. However, problems of the historical past in the Ma Yingjiu era did not hamper the development of cooperation between Tokyo and Taipei, while the image of Japan remained constantly positive.

Keywords: Taiwan, Japan, Republic of China, Diaoyudao, Senkaku, problems of the historical past, foreign affairs.

Author: Perminova Vera A., PhD (History), researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: verger177@yandex.ru

Вопросы исторического прошлого, связанные с экспансией Японской империи в Азии в первой половине XX в., до сих пор сохраняют свою актуальность во взаимоотношениях Японии со своими соседями – её бывшими колониями и странами, подвергшимися военной оккупации в период Второй мировой войны. В первую очередь, это относится к Китайской Народной Республике и Республике Корея – странам, противоречия с которыми на почве интерпретации военного прошлого Японии не утихают последние несколько десятилетий. Вместе с тем, Тайвань, бывший в течение полувека японской колонией (1895–1945 гг.), в силу ряда факторов до сих пор остаётся единственным регионом мира, который, испытав

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

на себе наиболее длительное японское правление, не акцентирует внимание на негативных сторонах этого периода. Кроме того, восприятие японцев в тайваньском обществе на протяжении всего послевоенного периода и до сих пор остаётся положительным, что заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в современной Корее, также в прошлом бывшей колонией Японской империи, не говоря уже о явно отрицательном восприятии японцев в КНР.

Основные дискуссии по поводу трактовок японского присутствия на Тайване и итогов Второй мировой войны, как правило, ограничиваются узким кругом вопросов – это требование признания Японией своей вины перед тайваньскими женщинами, которые в военные годы были отправлены в военные бордели для «утешения» солдат японской армии (т.н. женщины для утешения, кит. *вэйаньфу* 慰安婦), требование денежных компенсаций для таких женщин, а также оспаривание суверенитета над островами Дяюйдао (釣魚島) / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтай 釣魚臺 как их называют на Тайване). Важно отметить, что все эти вопросы имеют отношение не ко всему периоду японского правления, а к военному времени (проблема *вэйаньфу*) либо к трактовке итогов войны (территориальный спор). Обсуждения в обществе и СМИ по поводу аспектов собственно колониальной политики на острове в основном происходили в 1990-е и начале 2000-х годов в ходе дискуссий по поводу компенсаций «женщинам для утешения», которые, в свою очередь, как считают многие исследователи, были сильно политизированы и нередко переходили на уровень межпартийного противостояния – главным образом, между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией (ДПП).

Формированию коллективной памяти о японском присутствии на Тайване способствовали как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Несомненно, международная обстановка, сложившаяся к середине XX в., разделение мира на два противоборствующих лагеря и сохраняющаяся угроза военного присоединения острова к коммунистическому Китаю, главным образом влияли на выстраивание японо-тайваньских отношений после 1945 г., а с ним и на формирование в обществе коллективной памяти о японском периоде. Вместе с тем антагонизм между материковой и островной частями Китая, будучи в первые десятилетия после войны только лишь дипломатической повесткой в отношениях Тайваня с внешним миром, с началом демократизации острова в 1990-х годах постепенно перешёл во внутривнутриполитический дискурс и стал поводом для переоценки собственного колониального прошлого.

Противопоставление Тайваня материковому Китаю в контексте отстаивания либеральных и демократических ценностей (при президенте Ли Дэньхуэ 李登輝 в 1988–2000 гг.) и даже стремления к приобретению политической независимости (в период администрации Чэнь Шуйбяня 陳水扁 в 2000–2008 гг.) предполагало также и противопоставление тайваньского общества китайскому. Основой для этого стал т.н. тайванецентричный подход к пониманию собственной истории, который предполагал акцент на уникальности тайваньской истории, культуры, языка и этнического состава населения (все те элементы, которые составляют «тайваньскую идентичность»), нередко за счёт сильного преуменьшения или отрицания влияния китайской материковой культуры и истории [He Yinan, 2014, p. 475–476]. В этом смысле привнесённые на остров в первой половине 20-го столетия элементы японской традиции и новая система ценностей служили дополнительным

аргументом для подтверждения уникальности Тайваня и особой идентичности у местных жителей.

Эта тенденция была немного приглушена в период правления Ма Инцзю (馬英九), представителя партии Гоминьдан, который предпринял попытку выстроить дружественные отношения как с Японией, так и с КНР на основе нового понимания «тайваньской идентичности» (основным элементом которой теперь являлась китайская традиционная культура). При этом важно, что, прилагая усилия по примирению сторонников и противников независимости Китайской Республики, президент попытался сформировать в тайваньском обществе более взвешенный подход к пониманию собственной истории – периодам японского и китайского правления на Тайване, а также проблемам исторического прошлого и роли Японии в формировании современной КР.

Победа Ма Инцзю на выборах в 2008 г. означала возвращение к власти Гоминьдана после восьмилетнего правления ДПП. Внешняя политика Тайваня с этих пор характеризовалась значительной сдержанностью в его отношениях с материковым Китаем и желанием избежать конфликтных ситуаций для построения взаимовыгодного сотрудничества. Если в предыдущие годы власти проводили прояпонскую политику, ориентируясь на тесные связи с Токио при президентах Ли Дэньхуэе и Чэнь Шуйбяне, то Ма Инцзю придерживался «золотой середины», стремясь развивать одинаково хорошие отношения как с Японией, так и с КНР. На фоне предыдущих 20 лет, когда политика КР носила явно антикитайский характер, в результате чего отношения Тайбэя и Пекина существенно осложнились, политический курс Ма Инцзю стал «прекращением огня» в противостоянии КР и КНР. В период президентства Ли Дэньхуэя и Чэнь Шуйбяня власти придерживались курса на получение Тайванем независимости, стремление к демократии и противостояние КНР. Ма Инцзю, в свою очередь, избрал политику соблюдения «Консенсуса 1992 г.» (договорённости, предполагающей признание обеими сторонами единства и единственности Китая: «Китай и Тайвань – не отдельные государства» 一个中国, 各自表述), что предполагало возврат японо-тайваньских отношений к формату полностью неофициальных.

В представлении японских политиков приход к власти Ма Инцзю предполагал изменение «дружественных отношений с Японией» на «дружественные отношения с КНР». Нового президента КР, до этого занимавшего пост мэра Тайбэя, Токио в целом относил к числу политиков, настроенных скорее враждебно, чем дружественно по отношению к Японии. Ещё до своего избрания Ма Инцзю критиковал излишне мягкую позицию Чэнь Шуйбяня в отношении спорных островов Дяоюйдао/Сэнкаку и призывал вернуться за стол переговоров по вопросу принадлежности этих территорий¹. Помимо этого, он выступал с резкой критикой военных преступлений Японии в Китае и в отношении событий прошлого заявлял, что «нужно простить, но не забыть» те беды, которые пришлось испытать китайскому народу из-за японской агрессии [Цзя Чаовэй, 2011, с. 102–103; Гордеева И.В., 2012, с. 45].

¹ Вопрос о принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку являлся не только частью политической программы Ма Инцзю, но и темой его научных изысканий. Получив юридическое образование в Национальном университете Тайваня, Ма Инцзю защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете по юридическим аспектам суверенитета КР над этими островами.

Практически сразу после вступления Ма Инцзю в должность произошло несколько событий, которые продемонстрировали некоторое отдаление Тайбэя от Токио:

- Во время инаугурационной речи в мае 2008 г. президент КР, говоря о приоритетных направлениях внешней политики Тайваня, упомянул только США, ничего не сказав о Японии. Это было расценено как невнимательное отношение Тайбэя к двусторонним отношениям [Ма Инцзю, 2008].

- Отставка руководителя тайваньского представительства в Японии Сюй Шикая (許世楷), причём с конца мая по июль эта должность оставалась незанятой, что также рассматривалось японской стороной как неуважительное отношение со стороны Тайваня [Цзя Чаовэй, 2011, с. 101–103].

- Инцидент с тайваньским рыболовецким судном, столкнувшимся в июне 2008 г. с патрульным катером Японии в районе островов Дяюйдао/Сэнкаку.

В период правления Ма Инцзю КР впервые за долгие годы вновь стала заявлять о своих претензиях на острова Дяюйдао/Сэнкаку – группу из восьми островов в Восточно-Китайском море, суверенитет над которыми помимо Тайваня оспаривают Япония и КНР. Претензии КР в отношении этих территорий основываются на тех же аргументах, которые приводит КНР в свою пользу: в эпоху Цин острова были частью китайской провинции Тайвань, впоследствии по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. они в составе этой провинции перешли Японской империи и впоследствии так и остались закреплёнными за Тайванем, от которого по итогам Второй мировой войны отказалась Япония. В силу того, что по условиям Сан-Францисского мирного договора 1951 г. статус Тайваня остался неопределённым, КР считает острова Дяюйдао/Сэнкаку своей территорией, а КНР – своей, вместе с Тайванем и прочими прилегающими к нему более мелкими островами.

КР впервые заявила о том, что она имеет право на эксплуатацию запасов нефти на шельфе в районе этих островов в 1969 г., вскоре после того, как там обнаружили запасы углеводородов. В 1970 г. тайваньские власти объявили острова принадлежащими КР. В 1971 г., в период подготовки договора о передаче американской администрацией островов Рюкю (вместе с островами Сэнкаку) под юрисдикцию Японии, власти КР выступили против подписания этого соглашения, считая включение Дяюйдао в состав японской префектуры Окинава незаконным [Киреева, 2013, с. 4–5]. С этого момента Тайвань, так же как и КНР, стал оспаривать суверенитет над островами Дяюйдао.

В самом начале 1970-х годов после пролонгации японо-американского Договора безопасности в 1970 г. и возвращения Японии Окинавы по договору 1971 г. возникло «Движение в защиту островов Дяюйдао» (*баодяо* 保釣/保釣愛國運動) – патриотическое движение в защиту суверенитета Китая над этими территориями, объединяющее активистов в материковом Китае, Макао, Гонконге, на Тайване и китайскую диаспору за рубежом. Участники движения *баодяо* регулярно проводили акции протеста, приближаясь на катерах и рыболовецких судах к спорным территориям, нередко совершая попытки высадки на берег².

Одним из подобных инцидентов стало потопление корабля движения *баодяо* 10 июня 2008 г., когда рыболовецкое судно КР «聯合號» столкнулось с японским патрульным катером вблизи островов Дяюйдао/Сэнкаку. В результате столкновения тайваньское судно

² Впоследствии активисты этого движения стали присоединяться к антияпонским протестам в Китае и за рубежом, не связанным напрямую с территориальным спором.

было пробито и затонуло, находившихся на борту 16 человек экипажа сотрудники японской береговой охраны вытащили из воды и доставили на о. Исигаки для проведения допроса, командир корабля был задержан. Реакция властей Тайваня после этого инцидента была достаточно жёсткой – МИД опубликовал официальное заявление из четырёх пунктов, основной смысл которых следующий: острова Дяюйтай являются территорией Китайской Республики; КР неизменно защищает суверенитет над этими территориями; власти Тайваня заявляют решительный протест в связи с задержанием судна, нанесением ему вреда и арестом капитана корабля; КР требует от японской стороны прекратить задержание капитана судна, извинений и возмещения материального ущерба; Тайвань намерен укрепить боеспособность таможенной патрульной службы [Министр иностранных дел Оу Хунлянь..., 2008]. На следующий день после публикации этого заявления японская сторона выпустила из-под ареста капитана рыболовецкого судна и принесла свои извинения за случившееся. Вместе с тем 14 июня Токио также опубликовал заявление, в котором он возлагал вину за инцидент на экипаж тайваньского судна и, в свою очередь, тоже требовал компенсаций. В ответ на это КР отозвала своего официального представителя в Японии [He Yinan, 2014, p. 495].

Это был первый случай за предшествующие 20 лет, когда власти КР официально заявили о своей принципиальной позиции по вопросу принадлежности островов. Инцидент с потоплением тайваньского корабля вызвал волну протеста под началом активистов движения *баодяо*. 15 июня 2008 г. участники этого движения одновременно вышли в море на катерах из портов Гонконга, Тайваня и КНР (из г. Сямэня) и в качестве акции протеста проплыли вблизи островов Дяюйдао (тайваньское судно обогнуло острова). Важной особенностью этой акции было то, что тайваньская сторона, хотя формально и участвовала в ней, однако постаралась максимально дистанцироваться от остальных активистов – их судно прошло в сопровождении фрегата в тот же день, но в другое время, на борту корабля могли присутствовать только тайваньцы, кроме того, власти КР заявляли, что Тайвань отстаивает свой суверенитет над островами и защищает права тайваньских рыболовов, которые столетиями занимались рыбной ловлей в районе этих островов. Акция прошла без каких-либо происшествий, однако Токио впоследствии осудил Тайбэй за вторжение в территориальные воды Японии [He Yinan, 2014, p. 494–495].

Довольно жёсткая реакция Тайбэя на инцидент с потоплением рыболовецкого судна была не столько показателем того, что КР кардинально пересматривает своё отношение к Японии, сколько стремлением показать, что Гоминьдан гораздо решительнее, чем ДПП отстаивает интересы Тайваня на международной арене. Особую чёткость позиции КР по поводу принадлежности спорных островов придавало также нежелание Тайваня выступать с КНР «единым фронтом» и противопоставлять КР Японии, находясь при этом в «одном лагере» с материком. Традиционное давление со стороны Пекина на тайваньские власти примкнуть к антияпонским акциям в моменты, когда японо-китайские отношения обострялись на почве вопросов исторического прошлого, неизменно приводило к тому, что КР демонстративно отдалялась от материка, заявляя о «собственном споре с КНР» [Гордеева И.В., 2015, с. 109–110].

Вместе с тем, определённое нагнетание напряжённости в японо-тайваньских отношениях не поддерживалось широкой общественностью в КР – президента критиковали за излишне строгие меры по отношению к Токио и сознательное ухудшение двусторонних отношений. Впрочем, Ма Инцзю не собирался отказываться от тесных торгово-экономических

связей с Японией. Президент заявлял, что является «лучшим другом» этой страны, и прилагал значительные усилия для укрепления двусторонних связей. Характеризуя японо-тайваньские отношения как «специальное партнёрство», президент КР способствовал поддержанию контактов между Токио и Тайбэем в различных областях, несмотря на их неофициальный статус. После того, как напряжённость в связи с инцидентом в июне 2008 г. постепенно сошла на нет, власти КР в 2009 г. выступили с рядом инициатив по укреплению японо-тайваньского взаимодействия – министром иностранных дел Тайваня Оу Хунлянем (歐鴻鍊) была разработана программа развития двусторонних отношений по 5 основным направлениям: экономическое и торговое сотрудничество, культурные обмены, молодёжная политика и студенческие обмены, развитие туристической сферы, поддержание диалога между сотрудниками научных центров Японии и Тайваня.

В результате в 2010–2012 гг. между сторонами был подписан целый ряд документов, касающихся торгово-экономического и промышленного сотрудничества, взаимодействия в патентной сфере, соглашение об «открытом небе», защите инвестиций, а также комплекс договорённостей в гуманитарной сфере [Цзя Чаовэй, 2011, с. 106–107]. Токио и Тайбэй оказывали помощь друг другу после стихийных бедствий – в 2009 г. после мощного тайфуна на Тайване Япония направила в Тайбэй товары первой необходимости и оказала материальную помощь, в 2011 г. Тайвань активно помогал Японии преодолеть последствия цунами и аварии на АЭС (КР направила 560 тонн гуманитарных грузов и перечислила более 18 млрд иен) [Гордеева, 2015, с. 89–90].

В стратегическом отношении Ма Инцзю считал дальнейшее укрепление японо-американского альянса на основе Договора безопасности наилучшей гарантией безопасности в регионе, хотя не форсировал слишком активную включённость Тайваня в этот договор. Контакты между представителями власти Тайваня и Японии сохранялись на достаточно высоком уровне – за 2010–2012 гг. КР посетили бывшие премьер-министры Японии Асо Таро, Абэ Синдзо и Мори Ёсиро, а на полях саммита АТЭС в 2012 г. состоялась встреча премьер-министра Нода Ёсихико с бывшим вице-президентом КР Лянь Чжанем (連戰). По объёму заключённых соглашений и состоявшихся встреч 2011 г. был назван МИД Тайваня годом, когда двусторонние отношения находились в «точке наивысшего подъёма» [He Yinan, 2014, p. 495].

Обострение отношений между Токио и Пекином в 2010–2012 гг. по вопросу принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку в целом практически не отразилось на характере того же территориального спора между Токио и Тайбэем – позиция Тайваня оставалась прежней: КР будет отстаивать свой суверенитет над островами, т.к. она обязана «защищать права тайваньских рыболовов, веками осуществлявших рыбный промысел в районе островов Дяоюйтай», кроме того, Тайвань намеревался решать вопрос островов «в соответствии с собственными национальными интересами» [Глава Ассоциации по взаимным обменам..., 2012]. За период 2010–2012 гг. тайваньские участники движения *баодяо* на катерах и рыболовецких судах несколько раз проводили акции протеста, подплывая к островам, иногда пытаясь на них высадиться и объявляя через громкоговорители о принадлежности островов Дяоюйтай Китайской Республике. Японские патрульные корабли береговой охраны, в свою очередь, заставляли тайваньские корабли развернуться обратно и препятствовали высадке активистов на берег. В этих случаях Токио обычно заявлял в устной форме о неприемлемости нарушения тайваньской стороной суверенитета

Японии над островами. В августе 2012 г. Ма Инцзю попытался разрядить напряжённую обстановку, выступив с «Мирной инициативой в Восточно-Китайском море», которая предполагала решение территориального спора мирными средствами, отказ от враждебных действий и выработку правил поведения сторон в Восточно-Китайском море. Однако эта инициатива по ряду политических причин развития не получила [Президент Ма Инцзю выступил..., 2012].

Следует отметить, что акции протеста, как правило, проходили после обострения отношений Токио и Пекина. Например, после инцидента со столкновением китайского рыболовецкого судна с патрульными кораблями береговой охраны Японии 7 сентября 2010 г. тайваньские корабли в ответ на это происшествие 13 сентября также приблизились к островам Дяоюйдао/Сэнкаку. После национализации Японией спорных территорий 11 сентября 2012 г. тайваньские участники «Движения в защиту островов Дяоюйдао» 25 сентября провели свою акцию протеста: 50 кораблей под лозунгами движения *баодяо* (рыболовецкие судна с надписями «Острова Дяоюйтай – тайваньские») в сопровождении 10 патрульных катеров вошли в 12-мильную зону вокруг островов [Тайваньское рыболовецкое судно зашло в акваторию..., 2012]. Акция прошла достаточно спокойно – тайваньские суда не встретили противодействия со стороны японских катеров береговой охраны, хотя в некоторые моменты они находились друг от друга на достаточно близком расстоянии [Японская сторона сообщила..., 2012]. В день акции протеста МИД Тайваня опубликовал заявление, в котором вновь была разъяснена позиция КР по вопросу принадлежности островов [Глава Ассоциации по взаимным обменам..., 2012].

В отношении национализации островов власти КР, как и прежде, не стали выступать совместно с Пекином «единым фронтом» против Токио – Тайвань объяснял свою позицию тем, что между КР и КНР есть собственный неурегулированный конфликт по вопросу суверенитета. Впрочем, это не мешало Пекину заявлять в СМИ о том, что материковый Китай и Тайвань совместно противостоят попыткам Токио оспорить суверенитет над островами [Тайваньские корабли, 2012].

Ещё один случай с подходом кораблей движения *баодяо* к островам Дяоюйдао/Сэнкаку произошёл 24 января 2013 г., когда тайваньское рыболовецкое судно «全家福號» подошло к островам на расстояние 28 миль, после чего японские патрульные катера, применив водяные пушки, заставили его развернуться и отправиться обратно [Тайваньское судно, 2013]. Это же судно стало известно тем, что ранее, в июле 2012 г., подойдя к островам Дяоюйдао/Сэнкаку на расстояние 1,6 миль, экипаж этого корабля не позволил сотрудникам японской патрульной службы подняться на борт для проведения досмотра [Тайваньские корабли..., 2012].

Для урегулирования вопроса о праве ведения рыболовного промысла тайваньскими судами в районе Дяоюйдао/Сэнкаку Япония неоднократно выступала с предложением о предоставлении КР особых условий для ловли рыбы в этом районе. Тайваньские власти, как правило, отклоняли эти предложения под предлогом того, что КР отстаивает собственный суверенитет над островами и, следовательно, имеет полное право заниматься рыбным промыслом вблизи этих островов. Впрочем, 10 апреля 2013 г. японо-тайваньское соглашение о рыболовстве всё же было подписано. По условиям этого договора Тайвань мог вести беспрепятственную ловлю рыбы в акватории, прилегающей к островам Дяоюйдао/Сэнкаку (на морском пространстве, площадью примерно 4,5 тыс. км²), вместе с тем, заходить в 12-

мильную территориальную зону судам КР запрещалось. Для урегулирования всех вопросов совместного освоения морских территорий, прилегающих к островам, создавалась японо-тайваньская рыболовная комиссия. КР настояла на том, чтобы в соглашении было указано, что достигнутая договорённость не затрагивает вопроса суверенитета над островами [Гордеева, 2015, с. 110]. Позиция Тайваня по поводу принадлежности этих территорий была заключена в следующем: «отстаивать суверенитет, откладывая территориальный спор на будущее, стремиться к миру, способствовать совместному развитию стран», «совместно работать над освоением морских ресурсов региона» [The Implications of the Japan-Taiwan..., 2013].

Подписание японо-тайваньского соглашения о рыболовстве, которое значительно снизило напряжённость в отношениях между Токио и Тайбэем по вопросу спорных территорий, вызвало резкое осуждение со стороны КНР. Раздражающим фактором для Пекина являлось не только то, что Тайвань отказывался на какое-то время оспаривать у японской стороны принадлежность Дяюйдао/Сэнкаку, но и сам факт проведения японо-тайваньских переговоров. Хотя эти переговоры проходили под эгидой неофициальных представительств и позиционировались как неофициальные, в них, тем не менее, принимали участие сотрудники официальных ведомств (в т.ч. МИД) Японии [Гордеева, 2015, с. 110].

Выстраивая отношения взаимовыгодного сотрудничества с Токио, Ма Инцзю проводил политику укрепления экономических связей с материковым Китаем – в этом случае сторонам больше не приходилось делать выбор между двумя одинаково важными партнёрами, имея возможность развивать друг с другом максимально тесное экономическое сотрудничество, придерживаясь при этом определённых ограничений в политической сфере. Поддерживая контакты с японскими политиками-консерваторами, президент Тайваня, тем не менее, дистанцировался от сторонников независимости КР в Японии. Начиная с 2008 г. Тайвань действовал в рамках озвученного Ма Инцзю принципа «сохранения статус-кво в Тайваньском проливе»: «нет объединению, нет независимости, нет применению силы» (不統, 不獨, 不武) [Ма Инцзю, 2008]. За период 2008–2016 гг. КР и КНР подписали ряд соглашений, наиболее важными из которых стали Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве (2010 г.) и Соглашение по торговле услугами (2013 г.). Эти договоры открывали двери тайваньской экономики для китайских инвестиций, среднего и крупного бизнеса, существенно способствовали туристическим обменам.

В условиях переориентации внешней политики Тайваня с японо-американского направления на более сбалансированные отношения с КНР при сохранении тесных связей со своими стратегическими союзниками Ма Инцзю занял более «центристскую» позицию и в отношении тайваньской идентичности – проблемы, которая предыдущие десятилетия была неразрывно связана с аспектами как внутренней, так и внешней политики КР. Президент акцентировал внимание на китайской составляющей национальной идентичности жителей острова, что проявлялось в более расширенном изучении китайской истории и культуры молодым поколением тайваньцев. Путём того, что жителям напоминали об их китайских корнях, власти стремились лишить основы идею независимости Тайваня, которая базировалась на исторической и культурной уникальности острова. В период правления Ма Инцзю было популярно считать себя и китайцем, и тайваньцем (более 50 % населения), по крайней мере, доля тех, кто считал себя только тайваньцем, существенно снизилась по сравнению с тем, как было до 2008 г. [He Yinan, 2014, p. 491–492].

Если в 1990-х – начале 2000-х годов официальные лица КР присутствовали на праздничных мероприятиях в японском представительстве, посвящённых дню рождения императора Японии, что свидетельствовало об особой ценности для Тайбэя отношений с Токио и желании продемонстрировать мультикультурализм в тайваньской традиции, то Ма Инцзю, присутствовавший на церемониях поминовения Жёлтого императора (хуанди 皇帝) – легендарного первопредка китайской нации, демонстрировал приверженность традиционным китайским ценностям [Почитание первопредка нации..., 2016].

Власти КР вновь подняли вопрос о сопротивлении тайваньцев колониальной администрации и связи этого сопротивления с антияпонской борьбой всего китайского народа в период 1937–1945 гг. В 2011 г. в Тайбэе был открыт мемориал, посвящённый победе в антияпонской войне и «славному возрождению» Тайваня (抗日戰爭勝利暨臺灣光復紀念碑), где был отмечен вклад острова в дело борьбы с японскими захватчиками³. В 2015 г. Ма Инцзю выступил с инициативой отметить 70-летие окончания Второй мировой войны и годовщину победы Тайваня над Японией, однако это предложение вызвало неоднозначную реакцию в обществе – в частности, бывший президент КР Ли Дэньхуэй, выступавший против этой идеи, в качестве аргумента приводил тот факт, что Тайвань, в отличие от материкового Китая, не находился в состоянии войны с Японской империей [Norrens, 2018, p. 55].

В целом японское правление в учебниках истории оценивали достаточно нейтрально – хотя термин «оккупация» был возвращён в текст и вновь упоминалось об угнетении и дискриминации жителей острова, было уделено значительное внимание успехам колониальной администрации, модернизации и просвещению Тайваня [He Yinan, 2014, p. 491]. В подтверждение того, что тайваньцы помнят и ценят усилия колониальных властей по благоустройству острова, в 2011 г. в Тайнане был открыт ещё один памятник – известному японскому инженеру Хатта Ёити (八田與一), под руководством которого на острове было налажено водоснабжение, сооружены водохранилища, ирригационные системы, водоотводы, создана система канализации в Тайбэе⁴.

Неизменно хорошее отношение тайваньцев к японцам, которое проявляли жители острова на протяжении всего послевоенного периода вне зависимости от текущей внутриполитической обстановки, подтверждалось результатами социологических опросов и в период правления Ма Инцзю. Причём ответные благоприятные чувства японцев по отношению к тайваньцам значительно усилились в период обострения отношений Пекина и Токио в 2010–2012 гг. – количество тех, кто симпатизировал жителям КР, оказалось даже больше, чем в период особенно тесных японо-тайваньских связей при президенте Чэнь Шуйбяне (около 70 % японцев испытывали симпатию по отношению к жителям КР). В это же время 52 % тайваньцев считали Японию наиболее привлекательной для них страной

³ Мемориал был запланирован к установке ещё в 1995 г., к 50-ой годовщине окончания Второй мировой войны, однако из-за сопротивления части общества, он был установлен лишь в 1999 г., причём по решению Законодательного юаня монумент остался без какой-либо надписи под предлогом того, что история антияпонского сопротивления имеет слишком дискуссионный характер для того, чтобы быть чётко интерпретированной. В 2011 г. памятная надпись была установлена, мемориал был открыт заново.

⁴ В апреле 2017 г. статуя была обезглавлена сторонниками объединения Тайваня с КНР, однако в течение одного месяца памятник был отреставрирован и торжественно открыт вновь в присутствии потомков Хатта Ёити. Этот случай вызвал неоднозначную реакцию в обществе – после инцидента с памятником Хатта Ёити, некоторые статуи Сунь Ятсена и Чан Кайши были обезглавлены и облиты краской [«Бронзовая статуя Хатта Ёити» в Тайнане обезглавлена, 2017].

(«любимой страной»), изъявляли желание поехать туда в качестве туристов – 44 % и более 60 % заявили о чувстве близости к Японии [Гордеева, 2015, с. 91–92]. При этом, многие считали, что в будущем Тайваню следует развивать более тесные отношения с КНР, а не с Японией, как это было ранее [He Yinan, 2014, p. 492]. Всё это говорит о том, что тайваньцы выступали за поддержание хороших отношений с материковым Китаем не из-за того, что чувствовали антипатию к Японии или ощущали себя «больше китайцами, чем тайваньцами», а скорее, потому что не желали обострения ситуации в Тайваньском проливе. Ещё раз отметим, что в данном случае некоторое улучшение отношения жителей КР к материковому Китаю никак не повлияло на традиционно высокие показатели имиджа Японии на Тайване.

По мере укрепления связей с материковым Китаем Ма Инцзю, имевший и ранее репутацию прокитайского политика, со временем всё больше стал восприниматься обществом как проводник интересов КНР на Тайване. Эта тенденция стала проявляться сильнее после его избрания президентом на второй срок в январе 2012 г. и особенно с нарастанием китайского влияния на Тайвань с приходом к власти Си Цзиньпина в марте 2013 г. Население острова с настороженностью восприняло усилившуюся экономическую зависимость от материка и стремительно возросшее количество китайских туристов, буквально наводнивших КР. Подписанные с КНР соглашения (об экономическом сотрудничестве и по торговле услугами) открывали для неё широкий доступ к экономике острова, который не был в достаточной мере сбалансирован преференциями, которые получали тайваньские предприниматели в материковом Китае. В силу того, что содержание соглашения по торговле услугами (2013 г.) разрабатывалось, по сути, за закрытыми дверями, лишив широкую общественность возможности обсуждения этого договора, а впоследствии была нарушена и процедура рассмотрения его в Законодательном юане, тайваньское общество отреагировало протестом – после ратификации соглашения в марте 2014 г. недовольство вылилось в студенческую демонстрацию («Движение подсолнухов»), участники которой смогли захватить здание парламента. Случившаяся вскоре после этих событий «Революция зонтиков» – движение жителей Гонконга против намерения Пекина контролировать процесс выборов в местные органы самоуправления, и нежелание центральных китайских властей идти на какие-либо уступки оказались дополнительным аргументом против сближения КР с материком.

Значительное падение рейтинга Ма Инцзю к концу его второго президентского срока ожидаемо привело к возобновлению популярности идеи тайваньской идентичности на антикитайской основе, усилению симпатий жителей Тайваня к Японии и склонности общества поддержать на предстоящих выборах ДПП. Хотя сами по себе вопросы исторического прошлого в 2008–2016 гг. не мешали развитию японо-тайваньского сотрудничества, на фоне разочарования населения в про-китайской политике президента, его более сбалансированный подход в интерпретации вопросов прошлого тоже перестал устраивать общественность. Критика Ма Инцзю не ограничивалась только лишь внутривнутриполитическими аспектами и «китайским фактором», недовольство стала вызывать и его принципиальная позиция по территориальному спору с Японией. Это касалось не только инцидентов с заходом тайваньских судов в зону островов Дяоюйдао/Сэнкаку, но и появившегося в самом начале 2016 г. спора между тайваньской и японской сторонами по поводу определения кораллового атолла Окинотори, расположенного в территориальных водах Японии. Тайбэй заявил о том, что этот атолл является не островом, как считает Токио, а скалой, что исключает

возможность отсчитывать от его границы исключительную экономическую зону (этой же позиции придерживается и КНР) [Norrens, 2018, p. 55]. Что касается проблемы «женщин для утешения», то в период правления Ма Инцзю она не стояла на повестке японо-тайваньских отношений. Хотя президент выражал этим женщинам свою поддержку, какого-либо развития вопрос о компенсациях бывшим *вэйаньфу* не получил и эта тема ни властями, ни общественными организациями излишне не муссировалась [Suzuki, 2011, p. 244].

Оценка колониального правления и действий Японии в период Второй мировой войны, как правило, являлась на Тайване одним из аспектов дискуссии по поводу путей развития КР, её статуса и перспектив укрепления связей с ближайшими соседями – в первую очередь, с КНР, США и Японией. На внутривластной повестке проблемы исторического прошлого обычно появлялись в контексте прочих вопросов, имеющих отношение к национальной идентичности, переосмыслению собственной истории, поиску моделей дальнейшего развития общества и государства на Тайване. С учётом того, что власти часто использовали проблемы прошлого для повышения собственного рейтинга внутри острова, эти вопросы, приобретая явно политизированный характер, стали существенно меньше привлекать внимание широкой общественности, которая всё больше воспринимала их как элемент межпартийного противостояния. Как правило, сторонники более тесных отношений с КНР (в частности, Гоминьдан) чаще акцентировали внимание на отрицательных проявлениях колониального управления, тогда как сторонники независимого Тайваня (например, ДПП) обычно указывали на модернизацию острова под контролем японцев, противопоставляя её «белому террору» китайских властей в первые десятилетия после окончания войны. В этом смысле политика «золотой середины» Ма Инцзю была попыткой примирить эти два противоборствующих лагеря, убедив жителей острова в том, что они могут быть одновременно и тайваньцами, и китайцами, при этом обе эти грани единой национальной идентичности перестали быть взаимоисключающими и более не противопоставлялись друг другу, как это было в 1990-е и начале 2000-х годов.

Важно отметить, что в 2010-х годах существенным фактором в формировании внешней и внутренней политики КР являлась усиливающаяся в регионе роль материкового Китая, который более активно стал претендовать не только на региональное, но и на мировое лидерство. Принципиальная позиция КНР по спорным территориальным вопросам, более пристальное внимание Пекина к тайваньскому вопросу и значительное осложнение японо-китайских отношений в 2010–2013 гг., по сути, подталкивали КР к укреплению связей с японо-американским альянсом и решительному отказу от навязываемой экономической интеграции с материком, и, как следствие, приводили к усилению про-японских настроений в обществе и желанию Тайваня быть «ближе» к Японии, нежели к Китаю.

В таких условиях с целью сохранения баланса между КНР и Японией тайваньские власти стремились поддерживать достаточно хорошие отношения с каждой из стран, отстаивать собственные интересы КР в территориальном споре, отказываясь от явной поддержки японской либо китайской стороны в периоды обострения их отношений [He Yinan, 2014, p. 497–498]⁵. Впрочем, как показала практика, в полной мере следовать этому курсу оказалось для КР довольно трудно. Как считают некоторые учёные,

⁵ Некоторые исследователи объясняют такую политику баланса Ма Инцзю следствием того, что Тайвань в системе отношений КНР–Япония–КР представляет собой наиболее слабую из трёх вершин этого ассиметричного треугольника, находящуюся не в центре, а на периферии основных международных процессов [Chen Mumin, 2013].

маневрировать между такими весомыми игроками как КНР и Япония по мере ухудшения их двусторонних отношений в начале 2010-х годов становилось для Тайваня особенно сложно, поскольку он оказывался «сдавленным» противоречиями между Пекином и Токио, при том, что каждая из сторон ожидала, что в кризисные моменты Тайбэй поддержит именно её.

Та же зависимость просматривается и в вопросе определения тайваньцами своей национальной идентичности – в периоды конфликтов между Пекином и Токио, как правило, под нажимом китайских властей жители КР начинали с большей симпатией относиться к Японии, вспоминать о положительных проявлениях колониального периода и задумываться о своей принадлежности к мультиэтничному и мультикультурному обществу, которое, по мере своего развития на основе демократических ценностей, всё сильнее отдаляется от материка. Таким образом, историческая память о японском присутствии на Тайване, оценка колониального прошлого и роли Японии в становлении современной КР, которые неизменно влияют на формирование такого феномена как «тайваньская идентичность», оказываются неразрывно связанными с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики Тайваня.

Уверенная победа ДПП на выборах в 2016 г. (и впоследствии в 2020 г.), которая означала возвращение к власти сторонников укрепления связей КР с США и Японией, подтвердила намерение тайваньского общества дистанцироваться от коммунистического Китая и двигаться дальше по пути демократического развития при поддержке своих главных стратегических союзников. После вступления в должность нового президента от партии ДПП Цай Инвэнь (蔡英文) японо-тайваньские отношения ожидаемо получили большое развитие, а вопросы исторического прошлого были ещё сильнее приглушены на фоне укрепления столь важных для Тайбэя связей с Токио.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гордеева И.В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 38–48.

Гордеева И.В. Политика Японии в отношении Тайваня: история и современность / Дисс. на соискание уч.ст. к.и.н. Москва, 2015.

Жи бэнь цзяо лю се хуэй ли ши чжан цзинь цин чжэн бай хуэй вай цзяо бу бу чжан ян цзинь тянь шо мин жи бэнь чжэн фу «го ю хуа» дяо юй тай ле юй чжэн цэ : [Глава Ассоциации по взаимным обменам Имаи Тадаси во время встречи с министром иностранных дел Ян Цзиньтянем прокомментировал «национализацию» японским правительством группы островов Дяоюйтай] // МИД КР. 25.09.2012. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=7ACE3D5DDE29D6DA (дата обращения: 04.08.2020).

Жи фан чэн до соу тай вань бао дяо чуань цзинь жу дяо юй дао 12 хай ли хай юй : [Японская сторона сообщила о том, что несколько тайваньских кораблей Движения баодяо вошли в 12-мильную зону островов Дяоюйдао] // Хуань цю. 25.09.2012. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJxc3W> (дата обращения: 04.08.2020).

Киреева А.А. Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 10. С. 2–9.

Ма Инцзю цзун тун цзю чжи янь шо цюань вэнь : [Полный текст инаугурационной речи президента Ма Инцзю] // Reuters. 20.05.2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idCNnCT018060720080520> (дата обращения: 04.08.2020).

Ма цзун тун ти чу «дун хай хэ пин чан и» ху ю сян гуань гэ фан хэ пин чу ли дяо юй тай ле юй чжэн и : [Президент Ма Инцзю выступил с «Мирной инициативой в Восточно-Китайском море» и призвал все заинтересованные стороны разрешить спор в отношении островов Дяюйтай мирными средствами] // МИД КР. 05.08.2012. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=12E507923C25C262 (дата обращения: 04.08.2020).

Тай вань бао дяо чуань цзинь жу дяо юй дао лян цзе хай юй : [Тайваньское судно Движения *баодяо* вошло в акваторию, прилегающую к островам Дяюйдао] // Синь лан синь вэнь. 24.01.2013. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2013-01-24/112726113070.shtml> (дата обращения: 04.08.2020).

Тай вань бао дяо чуань цзинь жу дяо юй дао хай юй : [Тайваньские корабли Движения *баодяо* вошли в акваторию, прилегающую к островам Дяюйдао] // Синь лан синь вэнь. 05.07.2012. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2012-07-05/081024715562.shtml> (дата обращения: 04.08.2020).

Тай нань «ба тянь юй и тун сян» цзао кань тоу : [«Бронзовая статуя Хатта Ёити» в Тайнани обезглавлена] // Huaxia.com. 19.04.2017. URL: <http://www.huaxia.com/jjtw/jjtd/jrtw/04/5283355.html> (дата обращения: 04.08.2020).

Тай юй чуань цзинь жу дяо юй дао хай юй, сян жи хань хуа: чжэ ши тай вань лин ту : [Тайваньское рыболовецкое судно зашло в акваторию, прилегающую к островам Дяюйдао, и открыто заявило: «Это территория Тайваня»] // Тэн сюнь синь вэнь. 25.09.2012. URL: <https://news.qq.com/a/20120925/000802.htm> (дата обращения: 04.08.2020).

Цзя Чоувэй. Жи тай гуан си дэ ли ши хэ сян чжуан : [История японо-тайваньских отношений и их развитие на современном этапе]. Пекин: Хуа и чу бань шэ, 2011. 237 с.

Чжэнь дуй жи бэнь хай шан бао ань тин сюнь ло цзянь чжуань чэнь во го хай дяо чуань лян хэ хао ши цзянь вай цзяо бу чжан оу хун лян чжао цзянь жи бэнь цзяо лю се хуэй дай бяо чи тянь вэй бяо да янь чжэн кан и : [Министр иностранных дел Оу Хунлян во время встречи с представителем Ассоциации по взаимным обменам Икэда Тадаси выразил решительный протест в связи с инцидентом потопления тайваньского рыболовецкого судна «Лянь хэ» в результате его столкновения с патрульным кораблем береговой охраны Японии] // МИД КР. 12.06.2008. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=312E81BE37A69132 (дата обращения: 04.08.2020).

Чун цзин минь цзу: ма ин цзю чжу чи чжун шу яо цзи хаун ди лин дянь ли : [Почитание предка нации: Ма Инцзю присутствовал на главной церемонии поминовения Жёлтого императора Хуан-ди] // Хуань цю. 01.04.2016. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJU4V> (дата обращения: 04.08.2020).

Chen Mumin. Balancing or Bandwagoning? Taiwan's Role in Sino-Japan Relations // The United States between China and Japan / ed. by C. Rose, V. Teo. New Castle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 320–344.

He Yinan. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895–2012 // Political Science Quarterly. 2014. Vol. 129. No. 3. P. 469–500.

Hoppens R. Japan-Taiwan Relations under Abe and Tsai in Historical Context // Expert Voices on Japan: Security, Economic, Social and Foreign Policy Recommendations, U.S.-Japan Network for the Future Cohort IV / ed. by A. Arthur. Washington D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation, 2018. P. 49–64.

Suzuki Shogo. The Competition to Attain Justice for Past Wrongs: The “Comfort Women” Issue in Taiwan // Pacific Affairs. 2011. Vol. 84. No. 2. P. 223–244.

The Implications of the Japan-Taiwan Fisheries Agreement // Nippon.com. 05.06.2013. URL: <http://www.nippon.com/en/currents/d00081> (дата обращения: 04.08.2020).

REFERENCES

Chen Mumin. (2013). Balancing or Bandwagoning? Taiwan’s Role in Sino-Japan Relations, in C. Rose, V. Teo (eds.), *The United States between China and Japan*, New Castle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing: 320–344.

Gordeyeva, I.V. (2012). Ob osobennostyakh sovremennoy pozitsii Yaponii v otnoshenii Tayvanya [About Japan’s contemporary attitude to Taiwan], *Far Eastern Affairs*, 1: 38–48. (In Russian).

Gordeyeva, I.V. (2015). Politika Yaponii v otnoshenii Tayvanya: istoriya i sovremennost’ [Japan’s policy toward Taiwan: history and present], Diss. PhD (History), Moscow. (In Russian).

He Yinan. (2014). Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895-2012, *Political Science Quarterly*, 129 (3): 469–500.

Hoppens, R. (2018). Japan-Taiwan Relations under Abe and Tsai in Historical Context, in A. Arthur (ed.), *Expert Voices on Japan: Security, Economic, Social and Foreign Policy Recommendations, U.S.-Japan Network for the Future Cohort IV*, Washington D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation: 49–64.

Huan qiu. (2012). Ri fang cheng duo sou tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao 12 hai li hai yu [Japan says several Taiwanese *baodiao* boats entered 12-miles water area of Diaoyudao islands], 25 September. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJxc3W> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Huan qiu. (2016). Chong jing min zu: ma ying jiu zhu chi zhong shu yao ji huang di ling dian li [Worshipping the ancestor of Chinese nation: Ma Yingjiu attended grand ceremony for ancestor worship of Yellow Emperor Huang-di], 1 April. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJU4V> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Huaxia.com (2017). Tai nan “ba tian yu yi tong xiang” zao kan tou [Tainan “Bronze statue of Hata Yoichi” was decapitated], 19 April. URL: <http://www.huaxia.com/jjtw/jjtd/jrtw/04/5283355.html> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Jia Chaowei. (2011). Ri tai guan xi de li shi he xian zhuang [Relations between Japan and Taiwan: history and present], Beijing: Hua yi chu ban she. (In Chinese).

Kireeva, A.A. (2013). Yapon-kitayskiy spor: Senkaku ili Dyaoyudao? [Sino-Japanese dispute: Senkaku or Diaoyudao?], *Asia and Africa Today*, 10: 2–9.

Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). (2008). Zheng dui ri ben hai shang bao an ting xun luo jian zhuan chen wo guo hai diao chuan lian he hao shi jian wai jiao bu zhang ou hong lian zhao jian ri ben jiao liu xie hui dai biao chi tian wei biao da yan zheng kang yi [Minister of Foreign Affairs Ou Honglian voiced vigorous protest to deputy of Interchange Association Ikeda

Tadashi for incident of Taiwanese fishing boat “lian he hao” shipwreck after collision with Japanese coastal patrol interdiction craft], 12 June. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=312E81BE37A69132 (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). (2012). Ma zong tong ti chu “dong hai he ping chang yi” hu yu xiang guan ge fang he ping chu li diao yu tai lie yu zheng yi [President Ma proposes the East China Sea Peace Initiative, calls on all parties concerned to resolve Diaoyutai dispute peacefully], 5 August. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=12E507923C25C262 (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). (2012). Ri ben jiao liu xie hui li shi zhang jin jing zheng bai hui wai jiao bu bu zhang yang jin tian shuo ming ri ben zheng fu “guo you hua” diao yu tai lie yu zheng ce [The head of Interchange Association Imai Tadashi commented the Japanese policy of “nationalization” of Diaoyutai islands while meeting with Minister for Foreign Affairs of Taiwan Yang Jintian], 25 September. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=7ACE3D5DDE29D6DA (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Nippon.com. (2013). The Implications of the Japan-Taiwan Fisheries Agreement, 5 June. URL: <http://www.nippon.com/en/currents/d00081> (accessed: 4 August 2020).

Reuters. (2008). Ma Yingjiu zong tong jiu zhi yan shuo quan wen [Ma Yingjiu inaugural speech, full text], 20 May. URL: <https://www.reuters.com/article/idCNnCT018060720080520> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Suzuki, Shogo. (2011). The Competition to Attain Justice for Past Wrongs: The “Comfort Women” Issue in Taiwan, *Pacific Affairs*, 84(2): 223–244.

Teng xun xin wen. (2012). Tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao hai yu, xiang ri han hua: zhe shi tai wan ling tu [Taiwanese *baodiao* boat entered water area of Diaoyudao islands, claimed to Japanese: this is territory of Taiwan], 25 September. URL: <https://news.qq.com/a/20120925/000802.htm> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Xin lang xin wen. (2012). Tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao hai yu [Taiwanese *baodiao* boats entered water area of Diaoyudao islands], 5 July. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2012-07-05/081024715562.shtml> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Xin lang xin wen. (2013). Tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao lian jie hai yu [Taiwanese *baodiao* boats entered water area of Diaoyudao islands], 24 January. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2013-01-24/112726113070.shtml> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Поступила в редакцию 08.08.2020

Received 8 August 2020

Для цитирования: Перминова В.А. Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) // Японские исследования. 2020. № 3. С. 107–122. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

For citation: Perminova V.A. (2020). Istoricheskaya pamyat' na Tayvane i eyo vliyaniye na otnosheniya Tokio i Tayb-eya pri prezidente Ma Intszyu (2008–2016 gg.) [Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016)], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 3: 107–122. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

Японские исследования. 2020. № 3. С. 123–136.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 123–136.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

Фольклорная символика японской животной игрушки

А.Р. Садокова

Аннотация: Статья посвящена изучению народной символики японской традиционной животной игрушки. Отмечается, что народная игрушка является неотъемлемой частью традиционной культуры любого народа, всегда рассматривалась как необходимый этап познания мира. Она выполняла образовательные функции, знакомила с природными материалами и их свойствами, помогала осваивать законы жизни общества и его нравственные установки. Народная игрушка всегда была связана с разными видами хозяйственной деятельности и религиозными верованиями, выполняла обрядовые функции. Значительна роль животной игрушки, которая не только знакомила детей и взрослых с жизнью природы и воспроизводила облик реальных и фантастических зверей и птиц, но и зачастую играла роль «заместителя» божества, наделяясь божественной силой. Последнее в большой степени свойственно японской игрушке, изображающей животных. Именно эти игрушки хорошо сохранили фольклорную символику, однако этот аспект никогда прежде не был предметом специального исследования.

Набор животных, которые приняли в Японии форму народной игрушки, достаточно обширен и в основном совпадает с японскими традиционными представлениями о тех животных, которые и сегодня в Японии считаются символами счастья и процветания. При этом наблюдается чётко выраженный синкретизм типологических региональных представлений о тех или иных животных и стремления японской фольклорной традиции показать приоритет национальной специфики в выборе животных и истоках появления народной игрушки.

Вероятно, этим можно объяснить большое количество фольклорных текстов, которые пытаются объяснить происхождение японских народных игрушек-животных. Это легенды и предания, которые в силу специфики жанра ориентированы на «достоверность» рассказа. Интересно, что сама игрушка является важным элементом подтверждения достоверности фольклорного рассказа. То есть очевидна взаимосвязь: фольклорный текст объясняет появление игрушки, а игрушка доказывает правдивость фольклорного текста.

Оставаясь в большинстве случаев обычной детской игрушкой, керамические и бумажные животные получили также статус детского оберега, с которым можно играть, или просто иметь рядом с ребёнком. Все это придаёт народной животной игрушке современное звучание и делает её частью жизни современных японцев.

Ключевые слова: Япония, народная игрушка, животные, легенды и предания, обрядовая функция, оберег, символика.

Автор: Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры японской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Folk symbolism of Japanese zoomorphic toys

A.R. Sadokova

Abstract. The article is dedicated to research on folk symbolism of traditional Japanese zoomorphic toys. Folk toys are an integral part of any nation's traditional culture and have always been considered an essential stage in understanding the world. The toys performed educational functions, familiarized children with natural materials and their properties, helped them master social laws and moral foundations. Folk toys were connected with a variety of economic activities and religious beliefs and performed sacred functions. Zoomorphic toys played a significant role, not only acquainting children and adults with nature and mimicking the appearance of real and fantastic beasts and birds, but often also acting as a "substitute" for a deity, thus acquiring divine power. The latter is highly common for Japanese toys portraying animals. These toys retained folk symbolism to the largest degree. However, this aspect has never been studied specifically.

The range of animals that became folk toys in Japan is rather extensive and mainly reflects the traditional Japanese concepts of animals that are still considered symbols of happiness and prosperity. There is a clear syncretism of typological regional concepts of certain animals and the aim of the Japanese folk tradition to demonstrate the priority of national specifics in the selection of animals and in the origins of folk toys.

This can probably account for why there are so many folk texts attempting to explain the origins of Japanese zoomorphic folk toys. These are legends and fables that, due to the specifics of the genre, are geared towards the "authenticity" of the story. The toys themselves are an important element confirming the authenticity of folk stories. I.e., there is an evident connection – a folk text explains the origin of a toy, and the toy confirms the truthfulness of the text.

Although, in most cases, ceramic and paper animals remained common children toys, they were also given the status of protective children's amulets that could be used for play or simply placed next to the child. All of this gives folk zoomorphic toys a contemporary edge as a part of life of the modern Japanese.

Keywords: Japan, folk toys, animals, legends and fables, sacred function, protective amulet, symbolism.

Author: Sadokova Anastasiya R., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Av., Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Введение

Народная игрушка как часть традиционной культуры

Неотъемлемой частью традиционной культуры любого народа является народная игрушка, которая на протяжении веков воспринималась как чрезвычайно важная часть жизни людей. Игрушка рассматривалась как необходимый этап познания мира. Как традиционный элемент воспитания детей она выполняла важные образовательные функции, знакомила с природными материалами и их свойствами, помогала осваивать законы жизни общества и его нравственные установки. Народная игрушка всегда была связана с разными видами хозяйственной деятельности и религиозными верованиями, но при этом оставалась особым видом народного творчества. Как отмечает исследователь этого вида декоративно-прикладного искусства Е.И. Ковычева, в лучших образцах народных игрушек всегда есть «лаконичность и благородство их пластики, нарядное, но неназойливое декоративное

решение, проверенное вкусом многих поколений, бережное отношение к материалу и любование его естественной красотой» [Ковычева, 2010, с. 6].

При этом у всех народов игрушка выполняла и обрядовые функции. Конечно, это в большей степени относится к народным куклам, которые создавались по образу человека и наделялись человеческими способностями и эмоциями. Но чрезвычайно важна была и роль животных игрушек, которые не только знакомили детей и взрослых с жизнью природы и воспроизводили облик реальных и фантастических зверей и птиц, но и зачастую играли роль «заместителя» божества, наделяясь божественной силой. Последнее в большой степени свойственно японской игрушке, изображающей животных. Именно эти игрушки хорошо сохранили фольклорную символику.

Нельзя не заметить, что в японской культуре, как традиционной, так и современной огромное значение придаётся благопожелательной символике животных и предметов, а умелое «прочтение» этих символов – необходимая бытовая деталь Японии. В связи с этим большое внимание издавна уделялось игрушке, как предмету, наделённому особой благопожелательной символикой: ведь игрушки непосредственно контактировали с ребёнком, и тот позитив и правильные установки, которые они должны были давать ребёнку, имели особое значение. Эти тенденции прослеживаются и в современной японской культуре, что придаёт данному аспекту исследования особую актуальность, о чём свидетельствует периодическое появление работ японских этнографов и культурологов, в которых исследуются японские благопожелательные символы-*энгимоно*. Это, например, работы известных специалистов в этой области Кандзаки Норитакэ [Кандзаки Норитакэ, 2000] и Кимура Ёситаки [Кимура Ёситаки, 2011]. Однако такой аспект исследования, как связь японской народной игрушки, благопожелательной символики и фольклорных текстов, по-своему объясняющих зарождение этой символики, до сих пор не был предметом специального исследования.

Набор животных, которые приняли в Японии форму народной игрушки, достаточно обширен и в большей части совпадает с японскими традиционными представлениями о тех животных, которые и сегодня в Японии считаются символами счастья и процветания. Однако есть и своя специфика. Если «счастливые» животные, входящие в состав символов-*энгимоно*, во многом восходят к дальневосточным региональным представлениям, которые сложились в Китае, то народная животная игрушка больше тяготеет к японской традиции, стараясь объяснить появление этих игрушек событиями из национальной истории или явлениями японской культуры. То есть наблюдается чётко выраженный синкретизм типологических региональных представлений о тех или иных животных и стремления японской фольклорной традиции показать приоритет национальной специфики в выборе животных и истоках появления народной игрушки, олицетворяющей их.

Вероятно, этим можно объяснить довольно большое количество фольклорных текстов, которые пытаются объяснить происхождение японских народных игрушек-животных. Эти тексты, как правило, относятся к категории несказочной прозы, то есть это легенды и предания, которые ориентированы на «достоверность» рассказа. Эту часть устной народной прозы в японской традиции принято обозначать термином *дэнсэцу* (подробнее см. [Садокова, 2019, с. 50–51]). При этом, конечно, истинно народные представления о тех или иных животных запечатлелись и в народной сказочной прозе.

Несказочная проза, легенды и предания, как известно, в силу своей специфики, должны иметь «ссылку на авторитет», то есть всеми возможными способами доказать правдивость рассказа, что достигается за счёт упоминания реальных исторических лиц и событий, указаний на реально существующие географические и культурные объекты. В японском фольклоре, где в устной народной повествовательной традиции произведения несказочной прозы явно преобладают, это зачастую достигается, например, «ссылкой» на конкретные существующие ныне храмы, которые считаются хранителями памяти о давних событиях. Можно сказать, что и сама игрушка является важным элементом подтверждения достоверности фольклорного рассказа. То есть очевидна взаимосвязь: фольклорный текст объясняет появление игрушки, а игрушка доказывает правдивость фольклорного текста.

Здесь уместно вспомнить две однотипные по своему образу игрушки: бычка и тигра. Их особенность заключается в том, что у выполненных из глины или папье-маше игрушек особым образом закреплена голова, которая благодаря нехитрому приспособлению внутри тела может свободно двигаться влево-вправо, вверх-вниз. Эти известные с детства каждому японцу игрушки имеют свою реальную историю, причём не слишком давнюю, но большую популярность получили фольклорные интерпретации их рождения. Это было связано, прежде всего, с благопожелательной символикой этих животных в японской культурной традиции, включения их в набор благопожелательных символов-*энгимоно*. Хотя именно фольклорная традиция пыталась обозначить иную причинно-следственную связь и доказать доступными фольклорному тексту способами, что именно чудо, зафиксированное в фольклорном тексте, стало точкой отсчёта для благопожелательной символики этого животного.

Красный бычок: единение продуцирующей и охранительной магии

Говоря об образе быка и его игрушечной версии, следует вспомнить, что культ быка существовал издавна в культуре разных народов. Быку поклонялись как божеству и помощнику в нелёгком земледельческом труде, обожествляя его способности помогать на поле. Японская традиция также никогда не забывала о единении быка с земледелием. Этим нередко объясняется связь быка и бога Тэндзин (обожеествлённого духа Сугавара-но

Митидзанэ). Сегодня все знают, что бог Тэндзин покровительствует наукам и учёбе. Однако нельзя забывать, что у этого божества есть и другие функции. Исстари Тэндзин считался также богом земледелия и грома: неслучайно его имя понимается как «Небесный бог». В этом свете видится естественным, что ипостасью или сопровождением божества является бык – знаковый персонаж земледельческих работ. Связь бога Тэндзин и быка объяснялась также и тем, что Сугавара-но Митидзанэ не только родился в год Быка и в час Быка, но и умер в год Быка.

Сегодня в любом из многочисленных храмов, посвящённых этому божеству, можно увидеть каменные и деревянные изображения лежащих быков. Их называют *надэуси*. Глагол «надэру» в японском языке имеет значение «гладить, проводить рукой». То есть это быки для того, чтобы их погладили. Считается, что поглаживая этого чудесного быка, человек отгоняет от себя болезни: проведи рукой – и болезни уйдут. То есть бык и в культе бога Тэндзин ещё в давние времена приобрел функцию защитника от бед и болезней.

Сама же традиция такого восприятия быка уходит в фольклор, который через народную игрушку объяснял появление этой функции у земледельческого символа. И это при том, что сама игрушка появилась не раньше XVII в. Это небольшая керамическая игрушка – красный бычок с двигающейся головой, известная как *акабэко*. Буквально название означает всего лишь «красный бык», потому что на диалекте западной части префектуры Фукусима, местности Аидзу, откуда эта игрушка родом, слово «бык» – *уси* звучит как *бэко*.

Игрушка и сегодня пользуется огромной популярностью и производится в разных районах Японии, приобретая местный колорит, однако, традиционной считается фигурка красного цвета. Сегодняшняя версия игрушки утвердилась в Японии в 20-х годах XX в. Однако история о красном бычке уходит своими корнями в далёкое прошлое.

Рассказывают, что ещё в 807 г. достопочтимый монах Тоицу начал на территории буддийского храма Эндзо:дзи в местности Аидзу большое строительство: он решил построить там новый храм Коку:дзо:до:. Однако неожиданно с верховья реки Тадамигава, что несла свои воды в тех краях, принесло большое количество огромных сломанных деревьев. Они перегородили дорогу, а оттащить их в сторону было невозможно. Люди из окрестных селений пришли на помощь, но ничего сделать не могли. И тогда неизвестно откуда, словно кто-то послал людям помощь, появились быки, и работа закипела. Но особенно трудился красный бычок, который помогал людям даже тогда, когда все деревья были убраны. Остальные быки уже покинули это место, а он всё трудился и трудился. Но как только работы завершились, он замер и окаменел. Люди поняли, что сами боги решили помочь им и стали почитать красного быка как счастливый символ [Эндзо:дзи]. Попутно заметим, что мотив самопроизвольной «окаменелости» человека или животного нередко встречается в произведениях японской сказочной прозы. Такое «поведение» является для японского фольклора свидетельством особой божественной значимости персонажа.

Не случайно и окаменевший красный бычок стал восприниматься в фольклорной традиции как божество и в этом качестве служил японцам и позднее: в разные периоды считалось, что красный бычок защищает от болезней, поэтому его изображения даже прикрепляли к одежде, особенно в периоды эпидемий. Красный бычок издавна почитался и как важный оберег младенцев от скверны и болезней: глиняные фигурки вешали на люльки или клали рядом с ребёнком. Вероятно, немаловажную роль играл цвет, ведь, как известно, красный цвет издавна считался в Японии цветом благополучия и сильным оберегом. Все эти давние приметы привели к тому, что культ красного бычка-защитника приобрёл форму общенациональной народной игрушки, благодаря старинной легенде принесё в Новое время исконные представления о благопожелательной символике быка.

Тигры и львы: от фантастических представлений к благопожелательному символу

Примерно так же фольклор утвердил и стандартизацию игрушечного тигра. Несмотря на то, что тигры в Японии никогда не водились, это животное тоже с давних пор считалось благопожелательным символом и изображалось на свитках и картинах. Тем более что в соседних странах – Китае и Корее – это всегда был важный и любимый символ. Согласно китайской философии, белый тигр считался покровителем Запада и входил в число

сидзин – четырёх божеств, покровительствующих сторонам света (восток – синий дракон, юг – феникс, север – черепаха). В Корее тигр почитался как посланник бога гор. В Японии же он стал животным, сопровождающим бога Бисямон.

Также в Японии обратили внимание, что тигр очень бережно относится к своим детёнышам. Это сделало тигра животным, покровительствующим детям и оберегающим их. Именно поэтому стали мастерить игрушечных тигров, которые должны были служить детскими оберегами [Кандзаки Норитакэ, 2000, с. 43]. Как считает японский этнограф Кандзаки Норитакэ, эти, видимо, многочисленные игрушки, стали основой для создания тигра из папье-маше, который известен по всей стране. Особенно прославились, во многом благодаря этому благопожелательному символу-*энгимону*, синтоистский храм Сукуна-хикона-дзиндзя в Осака и буддийский храм Тёгосондзи (народное название Сигисандзи) на горе Сигисан в северной части префектуры Нара.

Игрушечного тигра из храма Сукуна-хикона-дзиндзя называют «дзинко-но-о-мамори» («оберег/защита божественного тигра»). В 1822 г. в Осака случилась эпидемия холеры, и тогда лекари, собравшись, сделали оберег, назвав его «голова тигра, убивающая демонов». Они принесли эту огромную голову, наполненную всякими целебными травами и снадобьями, в храм и упорно молились. Говорят, что холера вскоре отступила. Интересно, что и сегодня на некоторых сайтах предлагают повторить этот опыт в борьбе с коронавирусом, а многие храмы, посвящённые божеству Сукуна-хикона, за которым в народной японской мифологии закреплена функция лекаря-целителя, молятся о скорейшем завершении пандемии.

Надо сказать, что ещё в эпоху Хэйан в знатных домах действительно верили, что голова тигра обладает божественной силой и особенно помогает роженицам и младенцам. Поэтому существовал обычай подвешивать изображение (голову тигра) над ванной, куда окунали младенца. Подвешивали так, чтобы голова отражалась в воде. Это должно было отпугнуть всё недоброе от ребёнка и его матери.

Тигр из буддийского храма Сигисан известен как *фукутора*, то есть «тигр, приносящий счастье». Сохранилась храмовая легенда о том, что много веков назад принц Сётоку-тайси, чтобы одолеть своего противника Мононобэ-но Мория, поднялся на гору и молился там

о победе. В этот момент перед ним предстал бог Бисямон в сопровождении тигра и предрёк скорую победу Сётоку-тайси, вселив в его душу силу тигра. И случилось это в год Тигра, в день Тигра и в час Тигра. Как повествует легенда, Сётоку-тайси произнёс: «Эта гора достойна, чтобы её почитали и чтобы её уважали», и назвал гору Сигисан, что иероглифически означает «Гора веры и уважения», а также заложил там храм. С тех пор храм на горе Сигисан стал почитать тигра своим покровителем.

Сегодня этот храм часто называют «Храмом тигра» или «Бисямон с горы Сигисан». Считается, что там следует просить богов об удачной торговле, прибавлении денежного достатка, а также можно заручиться поддержкой для победы в намеченном деле [Сигисан]. И всему этому могут помочь многочисленные керамические и деревянные тигры, размещённые на всей территории храма. Но, конечно, главным оберегом, воплотившим в себе всю многовековую силу желания и возможности победить, остаётся игрушечный тигр сдвигающейся головой. Это до сих пор самый распространённый детский оберег. Он вечно стоит на страже.

Интересно, что игрушечной голове животного в Японии всегда придавалось особое значение. Голова считалась вместилищем не только ума, но также олицетворением собственного «я», показателем особой магической силы. В связи с этим можно вспомнить о большой роли, которую истари играла в японской обрядности голова льва. Конечно, эту голову, известную как *сисигасира*, трудно назвать игрушкой: магическая роль её слишком велика. Но ведь и игрушки животных не были просто игрушками, за всеми за ними был закреплён важный обрядовый смысл. Так что голова льва вполне может рассматриваться как элемент этого магически значимого ряда.

Напомним, что для японцев, которые никогда прежде не видели настоящего льва, он приобрёл образ фантастического животного, чему в немалой степени способствовали столь же фантастические представления об этом животном у рюкюсцев (жителей архипелага Рюкю, первоначально самостоятельного королевства, а ныне — самой южной префектуры Японии — Окинавы) и у китайцев. При этом на японский народный образ льва большее влияние оказала китайская традиция, в которой лев издавна считался благопожелательным символом. «Китайский народ никогда от львов не страдал, — пишет китайский журналист Ван Фан, — поэтому китайцы львов любят и считают их символом смелости и счастья. Бытовало поверье, что сильный и смелый лев способен изгонять злых духов, и потому изображение льва служило оберегом» [Ван Фан, 2009, с. 63].

В японском облике этого животного не было ничего от реального льва, и внешне оно тоже больше напоминало дракона или даже нечто драконообразное. Но при этом не злое, а скорее доброе: с головой зелёного или красного цвета, с большими глазами, белой гривой, а точнее — с большим пучком белых волос на лбу и с огромной золочёной приоткрытой пастью. Конечно, первоначально предполагалось, что японский лев имеет устрашающий вид. Более того, считалось, что своим страшным видом он

способен отогнать несчастья и всё вредоносное, а также призвать счастье и удачу. Вероятно, именно поэтому японские воины издавна прикрепляли на свою одежду и другие части воинского костюма изображения головы льва, известные как *сисигасира*. Именно «голова льва» является благопожелательным символом, оберегом, предметом, способным даровать большой успех и достаток. Это очень древний благопожелательный символ процветания и богатого урожая.

Ещё недавно в японской провинции существовала традиция обхода «львом» домов в деревне с целью изгнать всё дурное, очистить людей от проблем прошлого и принести счастье нового года. Сейчас такие обходы можно встретить нечасто, но достойной заменой этим обходам служат традиционные танцы льва *сисимай*, а также выполненные из папье-маше игрушечные «головы льва», которые хранят дома как оберег для всей семьи.

Фонетические ассоциации и утверждение новой символики

В качестве оберега для всей семьи выступает в Японии и фигурка игрушечного голубя. Очевидно, что голубь никогда не входил в число самых известных благопожелательных символов. Однако достаточно посмотреть на традиционные игрушки разных районов Японии, как сразу можно увидеть множество керамических голубей-свистулек. Очевидно, что для игрушки выбиралась не любая птица, а именно голубь.

В сегодняшней благопожелательной символике голубя чётко прослеживаются две тенденции: заимствованная и традиционная. Как известно, в мировой культуре голубь всегда играл большую роль, считался вместилищем божественной души. В Японии в настоящее время за ним прочно закрепилась символика подателя мира и спокойствия, а также дарителя личного счастья. Очевидно, что такое «прочтение» — это результат европейского влияния, однако и в японской традиции можно найти, пусть и весьма опосредованные, доказательства

особого места этой птицы в народной культуре.

Голубь ассоциируется в Японии с культом бога Хатиман — синтоистского бога войны и покровителя воинов. Более того, именно голубь в народной культуре выступает в роли посланника или ипостаси Хатиман, который, как полагали, мог превращаться в золотого голубя [Кандзаки Норитакэ, 2000, с. 79–80]. Как отмечает японский исследователь Асида Сэйдзиро, голубь является устойчивым «сопровождением» бога Хатиман [Асида Сэйдзиро,

1999, с. 67], а в издании, посвящённом культу этого божества, отмечается, что очевидна связь Хатиман и птиц, в которых он легко может превратиться, будь то голубь или орёл [Хатиман, 2002, с. 236].

Формирование культа Хатиман, которому сегодня посвящено более 30 тыс. храмов по всей Японии, имеет долгую и насыщенную историю, в которой связь

с голубем проследить крайне непросто. Вероятно, один из истоков этой связи следует искать в истоках самого культа. Как отмечает А.М. Дулина, «культ представлял собой соединение местных верований в божеств гор и камней, почитания божества-покровителя кузнечного дела корейскими иммигрантами, шаманских и даосских практик» [Дулина, 2013, с. 4]. Изначальная связь с божествами гор означала земледельческое происхождение тех богов, на основе культа которых затем и начал развиваться культ бога Хатиман. А связь богов гор и земледелия с птицами характерна для японской народной культуры и фольклора. Известный японский этнограф Янагита Кунио вообще считал Хатиман первоначально земледельческим божеством [Кавагути Кэндзи, 2001, с. 437].

Кроме того, можно заметить, что именно в храмах бога Хатиман, например, в одном из самых известных — в храме Цуругаока-Хатимангу всячески обыгрывается фонетико-иероглифическое единение имени бога Хатиман и слова «голубь», которое звучит как «хато». При этом в имени божества первый слог записывается иероглифом «восемь» — «хати», но это не помешало изобразить его в виде двух голубей в названии храма в городе Камакура. Помещённые таким образом голуби как бы образуют иероглиф «восемь».

Со временем голубь взял на себя и некоторые функции, свойственные богу Хатиман: ведь тот почитается как бог-защитник. Потому голубь в японской народной культуре охраняет от бед и способствует повороту судьбы к лучшему. Приобретение изображения голубя, особенно в местах, где есть храм бога Хатиман, считается в Японии надёжным оберегом, защищающим от врагов, болезней, сглаза и прочих невзгод. Самыми действенными защитниками издавна считаются игрушечные белые и розовые керамические голубки из города Камакура: они должны помочь обрести ещё и личное счастье.

Вариантом традиционной игрушки стали чудесные песочные печенье в виде голубей — давний и широко любимый символ Камакуры и храма Цуругаока-Хатимангу. Их изготавливают там уже более ста двадцати лет и называют «хато сабурээ», что значит «печенье/бисквит в виде голубя». Однако в народе это печенье давно ласково зовут «Хато-Сабуро» (Сабуро, как правило, имя младшего брата в японских сказках), что значит «Братец Голубь». В этом нежном имени звучит надежда японцев на то, что добрая птичка обязательно принесёт в их дом спокойствие и благополучие, а ещё непременно оградит семью от всех жизненных неприятностей.

Надо сказать, что в бытовании народной игрушки, как и в народной культуре японцев вообще, всегда большое значение придавалось «счастливому звучанию» того или иного животного или предмета. Фонетические ассоциации подчас играли решающую роль в определении благожелательности предмета и включения его в состав символов счастья — *энгимоно*. В связи с этим можно вспомнить старинную игрушку с кошкой и мышкой. Для

японцев исстари мышь воспринималась как символ счастья и богатства, что нашло своё отражение и в народной игрушке.

Так, в токийском районе Асакуса, в котором как нигде живы традиции старого Эдо, можно найти простую и милую игрушку. Её называют «Нэдзуми-но фуся» («Мышиная мельница»). На разных концах небольшой дощечки сидят кошка и мышка. Кошка – чёрная, а мышка – белая. Над ними – цветная вертушка. Если на неё подуть, то дощечка начнёт вращаться, и кошка как бы начнет ловить мышку. Можно дуть сильнее, и тогда дощечка тоже начнет крутиться быстрее. Но всё равно кошка никогда не поймает мышку. И в этом великий смысл игрушки – хорошее, доброе и светлое в жизни нельзя вот так просто поймать и съесть! Но даже зная, что кошка мышку не догонит, надо всё равно дуть и дуть, потому что глагол «дуть», который

по-японски звучит как «фуку» является омонимом слова «счастье», которое тоже произносится как «фуку», но записывается другим иероглифом. Так незатейливая игра становится сильным благопожелательным призывом и счастливым символом. А ещё, как считает Кимура Ёситаки, известный мастер из Асакуса, «игрушка, которая может двигаться без усталости, словно молится о том, чтобы у вас всегда было здоровье, а сегодня – энергия на целый день» [Кимура Ёситаки, 2011, с. 58].

На «счастливой» игре иероглифов построены и фольклорные интерпретации названия почитаемой в Японии птицы – совы, которая по-японски звучит как «фукуро:». Европейские представления о сове как о хранителе леса, символе мудрости и ума проникли и в Японию. Но исстари и у японцев существовали представления о благопожелательных свойствах этой птицы. Считалось даже, что услышать крик совы – это доброе предзнаменование, сулящее большой успех в делах и победу над всеми невзгодами. Именно поэтому сова всегда входила в негласный список благопожелательных символов. Кроме того, слово «сова» ассоциировалось со словом «мешочек», которое звучит как «фукуро». Потому издавна особой счастливой символикой надеялись небольшие мешочки в виде совы или с её изображением, ставшие со временем предметом народного декоративно-прикладного искусства. Они воспринимались как надёжное хранилище не только денег, но и удачи, успехов, счастья. Интересно, что и сегодня такие мешочки, выполненные, как правило, в виде тканевых аппликаций, можно встретить в сувенирных лавках в небольших городах Японии: народные мастерицы сохраняют верность традиции.

Что же касается народной игрушки в виде совы, то на протяжении истории вариантов было много, и они различались в зависимости от района. Игрушка была недолговечна, потому что мастерилась из коры деревьев или плелась из стеблей травы-мисканта. Это

пример нечасто встречающейся в японской традиции плетёной игрушки. Но, как обычно происходило с японскими народными игрушками, постепенно сформировался некий национальный стандарт. Для игрушечной совы таким стандартом стала керамика *кутаньяки*, вобравшая в себя все представления о благопожелательной символике этой птицы: она выразительна, имеет доброжелательный взгляд, и, можно сказать, вселяет надежду на исполнение заветных желаний. Теперь это керамическая игрушка, которую можно легко разбить, и это, конечно, не предполагает активной игры с ней. Но зато она универсальна и может стать олицетворением любой из идей, заложенных в этот символ. А этих идей несколько и все они связаны с возможностью по-разному записать слово «сова» — «фукуро:». При этом интересно, что название самой птицы сегодня предпочитают писать не иероглифами, а азбукой, чтобы не было недопонимания.

Наиболее распространённой и давней «счастливой» записью этого слова считается не «счастье» — «фуку», что было бы естественно, а запись из трёх иероглифов, имеющая значение «без тяжёлого труда», «не тяжёлый труд» (不苦労). То есть сова воспринималась как символ посильной работы, выражала пожелание не перетрудиться. Позднее появились и другие понимания имени совы, в которых обыгрывалась фонетическая близость названия птицы и слова «счастье»: «счастливая старость» (福老), «грядущее счастье» (福来) и даже «счастливая корзина» (福籠). Последнее означало, что счастья должно быть так много, что понадобится корзина.

Понятно, что не все эти «счастливые» интерпретации подходили для детей. Именно поэтому дарили игрушечную сову не только детям, но и взрослым. При этом, как полагали, вероятность исполнения пожелания была высокой. Это основывалось на представлении о том, что сова, которая днём спит, ночью бодрствует и хорошо видит в темноте, не только надёжный ночной страж семьи, бог-защитник дома, но и провидец: может предвидеть будущее и заглянуть в прошлое.

Надо сказать, что в японской благопожелательной символике всегда большое значение придавалось фонетическим созвучиям и омонимии. Но также немаловажную роль играло визуальное восприятие того или иного символа, то есть его иероглифическая запись. Иногда именно благодаря этой записи предмет начинали воспринимать как благопожелательный. Таких примеров можно привести много, встречаются они и в традиции народной игрушки.

Широко, например, известна в Японии игрушечная собачка из папье-маше: небольшая закругленная игрушка разной расцветки и с разными аксессуарами. В Японии, где сами собаки не играли такой важной роли как в других странах, за ними закрепилась не столько функция защитника жилища, сколько функция защитника детей. Для японцев оказалось важно, что собаки трепетно относятся к своему потомству, потому ещё в эпоху Хэйан, в IX–XII вв., появилось понятие *мориину* — «собака-оберег»: над колыбелью ребенка было принято писать или вывешивать иероглиф «собака». Уже в XV–XVI вв. в домах знати и самураев, если там была роженица, стало принято устраивать в комнате что-то типа маленькой кумирни, а точнее — создавать закрытый уголок с собачкой из папье-маше внутри: её молили о лёгких родах [Кандзаки Норитакэ, 2000, с. 142]. Позднее эта традиция получила широкое распространение и в городской среде. Игрушечная собачка из папье-маше стала почти обязательным подарком на свадьбу, олицетворяя собой пожелание счастливой супружеской жизни и благополучного продолжения рода. Счастливая символика собаки

сохранятся в Японии и сегодня, но сейчас больше ориентирована на пожелание здоровья и роста детям.

В городской среде Эдо появилась и традиция рисовать на теле игрушечной собачки разные узоры, в основном растительные. При этом выбирались не любые растения, а те, которые сами по себе имели счастливую символику и входили в состав *энгимоно*. Самыми распространёнными стали собачки с узором

сливы – такую можно было подарить молодой девушке с пожеланием найти суженого, или с узором пиона – такие больше подходили взрослой замужней женщине и понимались как пожелание счастливой семейной жизни. Очевидно, что в развитии этой игрушки хорошо прослеживается наложение одного благопожелательного символа на другой, то есть «усиление», «закрепка» доброй символики, что характерно для фольклорной традиции.

Расписанные цветами игрушечные собачки получили распространение по всей стране, но считались изобретением именно города Эдо, потому в западном районе Кансай они получили даже специальное название «Адзума ину», то есть «Восточная собака»: этим подчёркивалось, что расписанная собачка – это традиция «восточных земель», а именно окрестностей Эдо, а не Киото. Действительно, в Эдо эта игрушка была особо любима, продолжала совершенствоваться и выполнять новые функции.

Так, например, именно в городе Эдо появилась традиция обязательно дарить родителям младенца особую версию этой игрушки. Известно, что ещё в период Эдо мальчиков на тридцать первый день, а девочек – на тридцать третий день было принято приносить в синтоистский храм и представлять местным богам. Особое значение в этом ритуале приобрела всё та же игрушечная собачка, но оформленная особым способом: на спину ей прикрепляли игрушечный барабанчик, который издавал негромкий звук, если собачку переставляли с места на места или вертели в руках. Этого звука было достаточно, чтобы отогнать всё недоброе от младенца, ведь, как известно, барабан у всех народов считается важным звуковым оберегом, способным «очистить» пространство и прогнать болезни и невзгоды. Традиция дарить собачку с барабаном сохранилась в Японии до сих пор, такой подарок и сегодня считается желанным в семье, где есть дети.

При этом добрым знаком является в наши дни подношение младенцу (и не только) и другой версии этой игрушки. Это всё та же собачка из папье-маше, но уже не с барабанчиком на спине, а с плетеной в крупную сетку из бамбука корзинкой, которая почти полностью закрывает тело собаки. Благопожелательный смысл такого подарка сразу понять непросто, но это как раз пример счастливой иероглифической трактовки игрушки. Такую собачку дарят с пожеланием хорошего настроения, интереса к жизни, радости и смеха. Последнее имеет решающее значение, и потому следует вспомнить написание иероглифа со значением «смеяться» (*warau*). Верхняя часть этого иероглифа имеет элемент «бамбук», а нижняя, хоть и не состоит из элемента «собака», но зрительно его напоминает. То есть иероглиф «смеяться» – это, по сути, «собака под бамбуком», что и олицетворяет собой смешная собачка с корзинкой на голове.

Заключение

Как видно, народная животная игрушка играла и, что знаменательно, продолжает играть важную роль в жизни японского общества. Набор животных, воплотившихся в игрушечной форме, характерен для всей японской традиции, и представляет собой сочетание инокультурных заимствований и исконно японских представлений о животной символике. Налицо процесс перенесения этих представлений на игрушечные формы, при котором животные образы получили стойкое текстовое оформление. Появилось и большое количество легенд и преданий, связанных с этими животными и их игрушечной интерпретацией. Фольклорные тексты, объясняющие особую роль того или иного животного, бытовали в разных районах Японии и были связаны с разными синтоистскими и буддийскими храмами, что придавало легендам статус достоверного рассказа.

Помимо традиционных функций народной игрушки, таких как познавательная и обучающая, в Японии игрушечные животные приобрели чётко выраженное магическо-охранительное значение, стали обязательным элементом обрядового действия, отголоском которого является и самая простая игра ребёнка с игрушкой. Сегодня, конечно, никто не думает о ритуальной роли этих игрушечных животных, но и не относится к животной игрушке как к бытовому предмету. Оставаясь в большинстве случаев детской игрушкой, эти керамические и бумажные животные получили статус детского оберега, с которым можно как играть, так и просто иметь рядом с ребёнком. И эта традиция также тесно связана с произведениями фольклора, которые в рамках своей специфики пытаются объяснить происхождение особой символики той или иной игрушки. Немаловажное значение приобретает и фонетико-иероглифическая трактовка названий животных, в которой японцы стремились увидеть благопожелательный смысл. Всё это свидетельствует о том, что народная животная игрушка, имея свою давнюю историю, будучи овеянная старинными легендами и преданиями, остаётся частью современной повседневно-обрядовой жизни японцев, сохраняя исконные представления о счастье и являясь его добрым воплощением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ван Фан. Танцующие львы // Китай, 2009. № 2. С. 62–65.
- Дулина А.М. Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии VIII–XIV вв. Автореф. диссер. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. М., 2013. 25 с.
- Ковычева Е.И. Народная игрушка: Учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Народное художественное творчество». М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. 159 с.
- Садокова А.Р. Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 49–61. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020
- Асида Сэйдзиро:. До:буцу синко: дзитэн : [Энциклопедия верований, связанных с животными]. Токио, Хокусиндо:, 1999. 262 с.
- Кавагути Кэндзи. Нихон-но камисама дзитэн. Ёми токи : [Энциклопедия японских синтоистских божеств. Чтение, толкование]. Токио: Касивасёбо:, 2001. 558 с.
- Кандзаки Норитакэ. Кайун. Энги ёмихон : [Поворот к лучшему. Книга о благопожелательных символах-энги]. Токио: Тикумасё: ханся, 2000. 221 с.

Кимура Ёситаки. Эдо-но энгимоно : [Благопожелательные символы Эдо]. Токио: Акисёбо, 2011. 206 с.

Сигисан : [Буддийский храм Сигисан]. URL: <http://www.shigisan.org/> (дата обращения: 08.08.2020).

Хатиман синко: дзитэн : [Энциклопедия верований бога Хатиман] / сост. Накано Хатаёси. Токио: Эбисуко:сё:сюппан, 2002. 467 с.

Эндзо:дзи : [Буддийский храм Эндзо:дзи]. URL: https://gurutabi.gnavi.co.jp/a/a_2931/ (дата обращения: 08.08.2020).

REFERENCES

Ashida, Seijirō (1999). *Dōbutsu Shinkō Jiten* [Encyclopedia of Animal Beliefs], Tokyo: Hokushindō. (In Japanese).

Dulina, A.M. (2013). *Stanovleniye i evolutsiya kul'ta bozhestva Khatiman v Yaponii VIII–XIV vv.* [Establishment and Evolution of the Cult of the Hachiman Deity in Japan in the 8–14 Centuries], Author's abstract of a thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences, Moscow. (In Russian).

Enjō-ji [Enjō-ji Buddhist Temple]. URL: https://gurutabi.gnavi.co.jp/a/a_2931/ (accessed: August 8, 2020). (In Japanese).

Hachiman Shinkō Jiten [Encyclopedia of Beliefs of the Hachiman Deity] (2002). Compiled by Nakano Hatayoshi, Tokyo: Ebisu Kōshō Suppan. (In Japanese).

Kanzaki, Noritake (2000). *Kaiun. Engi Yomihon* [Turn to the Best. A Book About Benevolent *Engi* Symbols], Tokyo: Chikumashū Hansha. (In Japanese).

Kawaguchi, Kenji (2001). *Nihon no Kamisama Jiten. Yomi Toki* [Encyclopedia of Shintoist Deities. Reading, Interpretation], Tokyo: Kashiwa Shobo. (In Japanese).

Kimura, Yoshitaki (2011). *Edo no Engimono* [Benevolent Symbols of Edo], Tokyo: Aki Shobō. (In Japanese).

Kovycheva, Ye.I. (2010). *Narodnaya igrushka: Ucheb.-metod. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti “Narodnoye khudozhestvennoye tvorchestvo”* [Folk Toys: A Study Guide for Students of Higher Educational Institutions Specializing in Folk Art], Moscow: VLADOS Humanities Publishing Center. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2019). *Lokal'nyye predaniya o Minamoto-no Yoritomo v sisteme yaponskoy folklornoy prozy* [Local Fables About Minamoto no Yoritomo in the System of Japanese Folk Prose], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3: 49–61. (In Russian).

Shigisan [Shigisan Buddhist Temple]. URL: <http://www.shigisan.org/> (accessed: 8 August 2020). (In Japanese).

Wang Fang (2009). [Dancing Lions], *China*, 2: 62–65. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.08.2020

Received 13 August 2020

Для цитирования: Садокова А.Р. Фольклорная символика японской животной игрушки // Японские исследования. 2020. № 3. С. 123–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

For citation: Sadokova A.R. (2020). *Fol'klornaya simbolika yaponskoy zhivotnoy igrushki* [Folk symbolism of Japanese zoomorphic toys], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 3: 123–136. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

Книжная полкаBook Reviews

Японские исследования. 2020. № 3. С. 137–144.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 137–144.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10024

Начало XXI века: вызов обществу, или Япония в новом мире

**Рецензия на монографию «Япония в эпоху великих
трансформаций» под ред. проф. Стрельцова Д.В.**

А.В. Филиппов, Е.М. Османов

Аннотация. В статье проведён анализ коллективной монографии «Япония в эпоху великих трансформаций», подготовленной замечательным коллективом московских исследователей.

В работе над монографией приняло участие значительное число авторов, занимающихся исследованием различных сторон жизни традиционной и современной Японии. Результатом стало комплексное обобщающее исследование политики, экономики и социума Японии на протяжении длительного исторического периода с середины XIX в. и до настоящего времени.

Книга представляет политико-экономические перемены в обществе, связанные с революцией Мэйдзи и построением тоталитаризма, детально анализируется навязанный стране демократический перелом в условиях оккупации, продемонстрированы современные базовые тенденции в жизни Японии. Авторы книги акцентируют внимание читателя на наиболее знаковых и очевидных периодах преобразований и трансформаций.

Ключевые слова: Япония, эпоха трансформаций, политика Японии, экономика Японии, социальная система Японии.

Авторы:

Филиппов Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры японоведения, Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Россия, Университетская наб., 11). E-mail: PhilAlex2005@mail.ru

Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Россия, Университетская наб., 11). ORCID: 000-0003-2520-5187; E-mail: osmanov1979@mail.ru

The beginning of the 21st century: a challenge to society, or Japan in the new world

Review of the monograph “Japan in the Era of Great Transformations” ed. by Prof. Streltsov D.V.

A.V. Philippov, E.M. Osmanov

Abstract. The article analyzes the collective monograph “Japan in the Era of Great Transformations”, prepared by a remarkable team of Moscow researchers.

The monograph was produced by a significant number of authors engaged in the study of various aspects of life of traditional and modern Japan. As a result, we received a comprehensive generalizing study of the politics, economy, and society of Japan over a long historical period from the mid-19th century to the present.

The book presents the political and economic changes in society associated with the Meiji Revolution and the construction of totalitarianism, analyzes in detail the democratic change imposed on the country under the Occupation, and demonstrates the current basic trends in Japanese life. The authors of the book draw the reader's attention to the most significant and obvious periods of reform and transformation.

Keywords: Japan, era of transformation, politics of Japan, economy of Japan, social system of Japan.

Authors:

Philippov Alexander V., Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Japanese studies, Saint Petersburg State University (SPBU) (address: 11, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation). E-mail: PhilAlex2005@mail.ru

Osmanov Evgeny M., Ph.D. (History), Associate Professor, Department of theory of social development of Asia and Africa countries, Saint Petersburg State University (SPBU) (address: 11, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 000-0003-2520-5187; E-mail: osmanov1979@mail.ru.

Во второй половине текущего года появилась на свет новая коллективная монография (объём – свыше трёх сотен страниц), подготовленная замечательным коллективом московских исследователей. Отметим, что появление работы видится особенно своевременным, учитывая сложившуюся в мировом сообществе в 2020 г. ситуацию – пандемия, кризисные явления в экономике, закрытие границ, ограничения в живых социальных контактах с попыткой перевода их в сферу электронной коммуникации и многое другое. На этом фоне выход книги, демонстрирующей тенденции в эволюции японского общества на протяжении более столетия, представляется особенно важным. Совсем недавно, в 2018 г., Япония отметила 150-летие буржуазной революции Мэйдзи, с которой

началась череда кардинальных изменений в жизни государства. Именно с этого момента Япония стала полноценной частью мирового сообщества и начала бурно развиваться во всех сферах. Успешной попыткой дать оценку базовым изменениям в жизни японского социума за полтора столетия является рассматриваемая монография. Крайне важно, что и структура, и формулировки предложенной вниманию читателя книги очень продуманны. Так, начиная первую главу, авторы удивительно тонко расставляют «точки над «и»», разъяснив, почему на русском языке события Мэйдзи уместнее называть именно «революцией». Очень метким и символичным уточнением становится указание и на самое первое сообщение об этих событиях в мировых СМИ, появившееся в марте 1868 г. в «Нью-Йорк Таймс» – публикация вышла под заголовком «Революция в Японии» (с. 17). Небезынтересны и комментарии по этому поводу в других разделах – например, по вопросу о большей жёсткости или мягкости понятий «революция» и «обновление-исин» (с. 81). Но будем иметь в виду: в середине XIX в. для самих японцев было характерно неугасимое устремление «овладеть понятийным аппаратом людей Запада», отсюда и освоение, изучение западной философии, литературы, постоянная смена иероглифических терминов в поиске лучшего соответствия их терминологии европейской.

Предпринятый систематический **анализ** перемен, благодаря которым сложилась современная передовая держава Япония, позволяет продвинуться в понимании – как же эта страна смогла сохранить в полной мере самобытность своей культуры и очевидную специфику этноса. Читателю предлагается комплексное обобщающее исследование политики, экономики и социума Японии на протяжении длительного исторического периода с середины XIX в. и до настоящего времени. Труд построен на обширнейшем фактическом материале, собранном авторами как на основе литературы и источников, так и благодаря годам «полевых исследований» (научным стажировкам и прочим длительным поездкам в изучаемую страну). Значителен сам круг авторов – рассматриваемая фундаментальная монография подготовлена силами почти десятка видных японоведов, ведущих научную и преподавательскую деятельность в самых разных учреждениях (МГИМО, Институт востоковедения РАН, Дипломатическая академия МИД, РГГУ, ВШЭ и др.). Для читателей, ещё не успевших познакомиться с изданием, вполне уместно обратить внимание на персональный авторский состав – это С.В. Гришачев, О.А. Добринская, А.Н. Мещеряков, В.В. Нелидов, А.Н. Панов, К.О. Саркисов, Д.В. Стрельцов, С.В. Чугров, Я.А. Шулатов. Именно их усилиями книга обрела уникальность, следует отметить, что авторы во многом по-новому подошли даже к периодизации истории Японии в течение последних полутора веков. Многогранность и выразительность опубликованных материалов связана с широкой палитрой научных интересов авторского коллектива, объединению которого в работе над проектом способствовала Межрегиональная общественная организация «Ассоциация японоведов». Именно усилиями Ассоциации японоведов совместно с Институтом востоковедения РАН и МГИМО (что ясно при первом взгляде на титульный лист) данное исследование и было подготовлено. Важно, что над монографией работали представители смежных научных дисциплин – историки, политологи и социологи (в действительности же, круг затрагиваемых в исследовании тем ещё шире).

Книгу обогащает удивительно гармоничное переплетение методологической специфики отечественной науки и типичные подходы к оценке и трактовке исторических событий,

характерные для науки японской. Более того, наименование монографии – «Эпоха Великих трансформаций» – звучит как удачно, так и убедительно. В какой-то мере здесь можно попробовать усмотреть даже некую дань уважения Эдвину Рэйшауэру, основателю американского японоведения и послу в Японии, благодаря которому в послевоенный период после долгих усилий США и Японии удалось добиться взаимопонимания и наладить эффективный диалог вместо противостояния. Понятно, сколь сложно было добиться такого взаимопонимания после диктата «реформ» во время американской оккупации страны (при всех различиях в подходе к реформам в начальный период оккупации и в период «обратного курса» (Пятая глава, с. 179–227). «Теорию модернизации» Э. Рэйшауэра ранее критиковали в отечественной историографии. В его известнейшем труде по истории цивилизации Восточной Азии, изданном на рубеже 1950-х – 1960-х годов, том второй именовался *The Modern Transformation*, что создаёт аллюзии с названием рассматриваемой коллективной монографии (название первого тома у Э. Рэйшауэра подчёркивало исключительное значение традиционной культуры дальневосточного региона – *The Great Tradition*). В современных условиях подобная постановка вопроса о трансформации и модернизации Японии воспринимается уже весьма положительно, поскольку предполагает активное применение концепций и американской историографии. Таким образом, методологические подходы в опубликованном исследовании Японии в «эпоху великих трансформаций» тоже уникальны, ибо учитывают методологические достижения отечественных, японских и американских коллег-востоковедов. Важно, что авторы смогли стройно соединить воедино при подготовке структуры монографии стадийную логику развития японского общества и европейскую периодизацию с чисто японской периодизацией по девизам годов правления. Рассматриваемые полтора столетия, если обратиться к периодизации по годам правления, включают девизы Мэйдзи, Тайсё, Сёва, Хэйсэй (с 1989 г.) и Рэйва (с 2019 г.). В книге первые три гармонично вписались в названия разделов, а последние два по своим названиям особо не упомянуты – впрочем, это представляется вполне оправданным, поскольку они не слишком известны для неподготовленного русского читателя (не являющегося специалистом по Востоку). С точки зрения событий этих последних тридцати лет (1990–2020 гг.), Японию занимают искания своего места в новом многополярном мире, затянувшаяся стагнация, влияние глобализации и социокультурный кризис в сфере национального сознания (с. 297). В самой монографии период предстаёт как последний, третий за полтора века, незавершённый этап-потрясение, оставивший серьёзный след в трансформации общественного сознания (но этап, не дошедший ещё до своей финальной стадии).

Книга представляет политико-экономические перемены в обществе, связанные с революцией Мэйдзи и построением тоталитаризма, детально анализируется навязанный стране демократический перелом в условиях оккупации, продемонстрированы современные базовые тенденции в жизни Японии. Авторы книги акцентируют внимание читателя на наиболее знаковых и очевидных периодах преобразований и трансформаций. Для примера, в **Первой главе** вплоть до мельчайших деталей (с рассмотрением составляющих этапов) изучена эволюция японского общества от времён начала Мэйдзи в середине XIX в. до создания тоталитарного режима в первой половине XX в. А в рамках **Пятой главы** исследуется другой ключевой период, изменивший мироощущение Японии и японцев под воздействием американской оккупации, но в то же время обеспечивший сперва становление

демократической Японии после окончания Второй мировой войны, а затем и потрясший весь мир период «японского экономического чуда». Именно об этом сказал С.В. Гришачёв: «Последние 150 лет истории Японии – череда модернизаций, то есть выбор некой западной модели и адаптация её в местных исторических традициях и условиях. При этом внимание исследователей особо привлекают два периода – период Мэйдзи (1867–1912) и период оккупации после Второй мировой войны (1945–1951). Каждый из них примечателен стремительными преобразованиями, которые привели к изменению общественно-политической системы, и каждый из них можно привести в качестве примера эффективной трансформации» (с. 159).

Как показано в **Первой главе**, эпоха Мэйдзи и «девиз годов Тайсё» составили этап докапиталистического развития страны, когда свершился труднейший переход от «глубоко феодального» и почти изолированного от остального мира социума к «относительному привыканию» жить в мировом капиталистическом сообществе, успешно отстаивая национальные интересы. Это стремление к защите независимости и желание обезопасить себя быстро привело страну на пути внешней агрессии и становления тоталитарного режима. За полстолетия страна совершенно неузнаваемо изменилась в сферах политики, экономики, культуры, жизнь всего социума стала иной в целом – всего не перечислить. Удалось чрезвычайно быстро пройти тернистый путь от развалин феодализма, через стремление к просвещению и самоутверждению к конституционной монархии, учреждению парламента и к тоталитарной системе «великой державы».

Детали превращения в «великую державу» раскрываются, более всего, в **Третьей и Четвёртой главах**. Начало этапа обоснованно привязано к 1905 г., когда завершилась русско-японская война, вполне показавшая «великодержавные устремления» Японии и давшая понять прочим странам, что Япония вошла в круг «великих держав». Подведение итогов Первой мировой войны вновь подогрели амбиции политиков, поэтому с 1918 по 1930-е годы Япония была занята совершенствованием политической, экономической и административной системы, чтобы суметь и далее развивать агрессивные планы. Специфику периода характеризуют и преодоление кризисных явлений, и борьба с распространением демократической и левой идеологии, и регулирование националистических тенденций в обществе. В **Четвёртой главе** продемонстрировано, как с начала 1930-х годов и до 1945 г. японские политики оттачивали мобилизационную готовность страны, готовя новые военные эскапады и стремясь удержать завоёванные территории. Портрет эпохи составила постоянная мобилизационная трансформация в условиях укрепления тоталитарного режима и роста агрессивных планов.

Не будем повторяться по поводу **Пятой главы** и принципиальной роли реформ американской администрации в условиях оккупационного режима – о том говорилось выше. В **Шестой главе** дан анализ японской партийно-политической «системе 1955-го года» – весьма специфичному явлению Японии, известному и под названием «полуторапартийной системы». В её условиях на протяжении десятков лет в стране правит почти исключительно одна политическая партия – Либерально-Демократическая (ЛДП). Оппозиционным партиям редко удавалось возглавить кабинет министров. Большую часть исторического периода с 1955 г., даже и поныне – власть находилась в руках ЛДП, а постоянную оппозицию ей составляла Социалистическая партия Японии (СПЯ), однако, занять положение правящей ей

обычно не удавалось. Это очень напоминает двухпартийную политическую систему в ряде других стран, только всё время правит одна партия, почему и возник ироничный термин «полуторапартийная». Сейчас ситуация немного иная, но отличия не самые значимые. В той же **Шестой главе** скрупулёзно рассмотрена политика Японии на этапе холодной войны, как говорят авторы, в условиях **биполярного мира**, в ситуации противостояния лагерей социализма и капитализма (а в значительной мере США и СССР). Далее, в **Седьмой главе** анализируются нюансы перехода страны к **постбиполярному периоду**, т.е. проанализирован переход Японии к новой внутренней и внешней политике в условиях постбиполярного общества, когда из большой политической игры ушёл Советский Союз. Возможно, здесь должны также присутствовать и некоторые иные моменты. Долгое время Япония ощущала потребность в почти «односторонней дипломатии» (выступая своего рода игроком в команде США). Если глянуть на вопрос ещё шире, то обращаешь внимание и на новшества из сферы экономики. Переход к «многосторонней дипломатии», строго говоря, в чём-то связан и с имевшим ранее, ещё в 1970-е годы, переходом к диверсификации источников сырьевых поставок. То есть, всё это чрезвычайно важные и любопытные вопросы, дальнейшее изучение их принесёт немалую пользу и сегодня, тем более, в условиях «мира изоляции», в сторону которого нас толкнула пандемия 2020 г.

Обратим внимание читателя на две главы монографии, стоящие особняком (**Вторая глава, Восьмая глава**). Содержание этих двух разделов, вроде бы, не отражает напрямую хронологии развития конкретных событий, преобразований, реформ и т.п., зато они представляют успешную попытку проанализировать место человека в социуме, понимание индивидуумом своего положения в мире, наконец, этапы в эволюции национального самосознания. Эти аспекты имеют прямое отношение к пониманию особенностей этнопсихологии и этнических стереотипов поведения японцев, давая возможность действительно адекватно воспринимать индивидуума иной страны, принадлежащего к другому народу. Вне осознания этих изменений, отпечаток на которые накладывает весь ход истории – взаимопонимание и взаимовыгодный диалог с представителями другого народа становится невозможен. Факт, что создатели монографии (в целом, исторической) сочли необходимым подготовку таких разделов (социоэтнологических и политологических, в то же время), важен чрезвычайно. Два раздела **Второй главы** посвящены проблемам трансформации времён Мэйдзи в «государственном и телесном измерениях». Это позволяет понять и нюансы формирования японской нации – ранее восприятия себя как «японца» просто не было, мировосприятие являлось скорее локальным, в привязке к конкретной территории проживания и к определённому сословию (с. 78). Господство феодальной морали предполагало преданность господину, князю, осознание индивидуумом государства как чего-то целостного не было особо присуще отдельному человеку. Сейчас редко принято углубляться в вопросы формирования нации, её признаков, а в действительности весьма важно понимать, сколь они характерны для периода перехода к капиталистическому обществу. Изучение вопроса о переменах в «телесном измерении» также крайне ценны, ибо со времён Мэйдзи «тело» стало принадлежать императору (перестав иметь предназначение служения родителям либо местному феодалу), «внешнее оформление» своего тела также обрело новые ориентиры (европейская одежда, причёска, усы-бороды). На «приучение к новому» властям Японии потребовались десятилетия невероятных усилий. Заключительная,

Восьмая глава (подводит итоги и всему исследованию) – рассматривает три ступени в трансформации национального сознания (смена ценностных ориентиров с революцией Мэйдзи; глубокий психологический удар времён американской оккупации; наконец, с 1990-х годов, кризис в мироощущении в связи с глобализацией, индивидуализмом и новыми рисками информационного общества). Вопросы о приверженности Японии традиции весьма тонко проанализированы, в частности, в последнем разделе книги (с. 297–300). Однако, кратко отобразить весь массив знаний о современной японской истории и культуре (в нюансах изложенный в самой книге) невозможно. Именно завершающая данное историческое исследование глава затрагивает вопросы трансформации национального сознания, менталитета, способствуя пониманию перемен в личности, человеке, семье, этнических стереотипах поведения и даёт шанс прогнозировать новые перемены. Это убедительнейшим образом демонстрирует важность общечеловеческих понятий и ценностей, в том числе и для понимания хода исторического процесса. Полагаем, что появление данного издания исключительно полезно для отечественного востоковедения ещё и потому, что может быть с успехом использовано как учебное пособие для усвоения курса «новейшей истории Японии» (ибо для Японии именно эпоха Мэйдзи ознаменовала наступление, в своём роде, «современности»).

В заключение подчеркнём, что в книге ощутимо присутствует стержень целостности. После 1980-х годов ощущение единой редакторской правки в отечественных публикациях встречается сравнительно редко (по сравнению с печатной продукцией советских времён). И в этом достижении авторского коллектива (единство и целостность в подаче материала) – судя по всему, заслуга главного редактора Д.В. Стрельцова. Последние события в мире в 2020 г., новые вызовы, с которыми столкнулось мировое сообщество – порождают опасения и в очередных неожиданных переменах повсюду, а как раз лучшему восприятию таковых может способствовать знакомство читателя с книгой, за которую хочется искренне поблагодарить самоотверженный коллектив талантливых авторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Стрельцова Д.В. М.: Издательство АИРО XXI. 2020. 320 с.

REFERENCES

Streltsov D.V. (ed.) (2020). Yaponiya v epokhu velikikh transformatsiy [Japan in the Era of Great Transformations], Moscow: AIRO XXI. (In Russian).

Поступила в редакцию 22.09.2020

Received 22 September 2020

Для цитирования: Филиппов А.В., Османов Е.М. Начало XXI века: вызов обществу или Япония в новом мире. Рецензия на монографию «Япония в эпоху великих трансформаций» под ред. проф. Стрельцова Д.В. // Японские исследования. 2020. № 3. С. 137–144. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10024

For citation: Philippov A.V., Osmanov E.M. (2020). Nachalo XXI veka: vyzov obshchestvu ili Yaponiya v novom mire. Retsenziya na monografiyu «Yaponiya v epokhu velikikh transformatsiy» pod red. prof. Strel'tsova D.V. [The beginning of the 21st century: a challenge to society, or Japan in the new world. Review of the monograph “Japan in the Era of Great Transformations” ed. by Prof. Streltsov D.V.], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 137–144. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10024

Научное издание

Японские исследования
№ 3, 2020

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	М.А. Кириченко
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	09.10.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 3, 2020

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	M.A. Kirichenko
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	9 October 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日
本
研
究